

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского»

На правах рукописи

БЕЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ РУССКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX- НАЧАЛА XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНЬИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
профессор Г.Н. Кочешков

Ярославль - 2014

Содержание

Введение		4
Глава 1. Исторические, организационные и финансовые основы общественного признания военнослужащих и членов их семей в России в последней четверти XIX - начале XX вв.		40
1.1.	Формирование и развитие исторических традиций признания военных и членов их семей в России	40
1.2.	Актуализация социально-исторических, организационных и финансовых основ общественного признания в России последней четверти XIX - начала XX вв.	76
Глава 2. Практика общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн		115
2.1.	Медико-санитарное направление общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний	115
2.2.	Участие общин сестер милосердия Красного Креста губерний Центральной промышленной области в деле общественного признания военнослужащих во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн	147
2.3.	Социальная поддержка военных инвалидов и членов семей военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в последней четверти XIX – начале XX вв.	176
Заключение		200
Список использованных источников и литературы		210
Приложение 1. Денежно-материальные пожертвования в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн		265

Приложение 2. Пожертвования в форме благотворительных мероприятий в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний	282
Приложение 3. Пожертвования в форме предоставления помещений и услуг в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн	288
Приложение 4. Пожертвования в форме отчислений из заработной платы в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний.	296
Приложение 5. Денежные пожертвования в местные управления РОКК губерний Центральной промышленной области в период русско-японской войны 1904-1905 гг.	298
Приложение 6. Лечебные учреждения для военнослужащих на территории губерний Центральной промышленной области в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг.	300

Введение

В последние годы резко возрос интерес широких кругов общественности нашей страны к истории дореволюционной российской провинции. Этот интерес вполне объясним и оправдан, ибо осмысление сложнейших задач, вставших перед обществом, невозможно без обращения к истории родного края. Как отмечал в книге «Судьба России» выдающийся русский философ Николай Бердяев, для духовного подъёма всей русской нации и каждой личности необходимо преодолеть и бюрократизм центра, и невежественный провинциализм. А для этого нужно разбудить не только интеллигенцию, но и огромную «обывательскую» Россию, ещё не сказавшую своего слова [437. С.72]. Не случайно, что одним из важнейших институтов современного общества является местное самоуправление. Сегодня оно является инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами и одновременно составной частью гражданского общества.

Формирование гражданского общества в современной России связано с развитием социальной сферы жизни общества, а также с укреплением духовности и его нравственных основ, с утверждением в обществе принципов гуманистического миропонимания. Поэтому в настоящее время, например, в исторической науке растет интерес к изучению культурного и социального аспектов.

В связи с этим особое социальное, научное и воспитательное значение приобретает изучение истории общественного признания и благотворительности дореволюционной России, уровень развития которых является важным показателем зрелости общества.

На протяжении многих десятилетий оказание помощи больным и раненым воинам и военным инвалидам осуществлялось в рамках общественного признания и частной благотворительности. Поэтому занимавшиеся решением подобной проблемы различные общественные организации, крупнейшей из которых являлось Российское Общество Красного Креста, в по-

следней четверти XIX – начале XX вв. представляли собой важную составляющую системы благотворения в России. Необходимо подчеркнуть, что именно в военное время наблюдалась активизация общественного признания, укреплялась его экономическая база, появлялись новые формы и принципы благотворительной деятельности, формировались образцы эффективного взаимодействия общества и государства в сфере общественного признания нуждающихся. Изучение и осмысление этого опыта особенно актуально на современном этапе, когда в условиях непростой социально-экономической обстановки перед государством стоит задача выработки наиболее эффективной социальной политики.

Исследование практики общественного признания военнослужащих в России последней четверти XIX – начала XX вв. является актуальным, а также обладает социально-нравственной и культурологической значимостью.

Во-первых, изучение дореволюционной российской благотворительности представляется практически важным делом, поскольку касается такого сложного вопроса, как отношение к отечественному и зарубежному культурно-историческому опыту в их социально значимом и индивидуально-детерминированном планах.

Во-вторых, анализ опыта деятельности благотворительных организаций и учреждений даёт возможность выявить характерные для российского исторического опыта содержание, методы, средства и формы подобной работы, позволяет определить более точные критерии её оценки, а также общие тенденции развития. Кроме того, опыт социальной деятельности в чрезвычайных ситуациях военного времени последней четверти XIX - начала XX вв. оказывался наиболее передовым, создавая в рамках благотворительности новые формы социальной поддержки и предлагая новые принципы этой деятельности.

В-третьих, в наши дни именно историко-культурный смысл жизни российской провинции привлекает особое внимание как историков, так и

специалистов других гуманитарных наук. Это объясняется необходимостью как изучения богатейшего культурно-исторического наследия русской провинции, так и использованием опыта национальных традиций отдельных регионов России на современном этапе национально-государственного строительства. Поэтому опыт губерний Центральной промышленной области в деле общественного признания военных и членов их семей во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн представляет интерес, как одно из многообразных проявлений культурно-исторических традиций русской провинции.

Кроме того, исследование эволюции общественного признания военнослужащих в указанные военные периоды в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях даёт возможность проакцентировать такой важный вопрос, как взаимоотношения провинции и центра, включая тесные и многосторонние взаимосвязи центральных органов власти с местными властными структурами, общественными организациями и частными лицами. Сейчас, когда взаимоотношения центра и провинции вышли в России, по существу, на передний план, взглянуть на богатейший отечественный дореволюционный опыт в практическом решении этой нелегкой проблемы представляется также немаловажной задачей.

Проблема исследования заключается в установлении основных традиций общественного признания военнослужащих в российской провинции в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний под углом зрения социокультурного значения благотворительных акций и формирования социально-нравственных ценностных ориентиров российского провинциального общества. Учитывая тот факт, что в советский период существовал запрет на изучение истории частной благотворительности, общественного и государственного признания, и огромный пробел в изучении многочисленных аспектов отечественной благотворительности не устранен до сих пор, несмотря на научный интерес к изучению этого важного явления, возникший с начала 90-х годов XX в. в рос-

сийской исторической науке, принципиально важным аспектом исследуемой проблемы мы сочли систематизацию и анализ обширного корпуса неопубликованных и впервые выявленных архивных материалов и опубликованных источников, репрезентативно отражающих социальную практику такой формы деятельности российской провинции, как призрение и благотворительность.

Объектом настоящего исследования является социально-культурный феномен общественного призрения русских военнослужащих последней четверти XIX - начала XX вв.

Предметом настоящего исследования является деятельность общественных организаций и частных лиц по призрению больных и раненых воинов и членов их семей в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн, причем особое внимание уделено эволюции общественного призрения военнослужащих и их семей в губерниях Центральной промышленной области.

Цель работы – выявить основные традиции общественного призрения военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн, сформировав целостное представление о масштабах, результатах, основных тенденциях и, особенно, региональной специфике общественной помощи военным в периоды указанных военных кампаний.

Для достижения названной цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить эволюцию исторических традиций призрения военных и членов их семей в России;
- исследовать социально-исторические, организационные и финансовые основы общественного призрения военнослужащих и членов их семей в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн;
- систематизировать ранее не выявленные данные о развитии медико-санитарной и социальной помощи военнослужащим и членам их семей в

Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн в контексте общероссийской благотворительной практики военных периодов;

- установить *особенности формирования провинциальных общин сестер милосердия* и их участия в благотворительной помощи больным и раненым воинам в период указанных военных кампаний последней четверти XIX - начала XX вв.

Хронологически исследование охватывает период с конца 70-х годов XIX в. по 1905 г. На это время приходится две крупные военные кампании России с Турцией и Японией. И русско-турецкая война 1877-1878 гг., и русско-японская война 1904-1905 гг. потребовали привлечения огромного количества материальных и человеческих ресурсов страны, а боевые действия на фронтах привели к человеческим жертвам и появлению нуждающихся как среди военных, так и среди мирного населения. В связи с этим происходит активизация общественной и частной благотворительной деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам и членам их семей. Для периодов русско-турецкой 1877-1878 гг. и русско-японской 1904-1905 гг. войн характерно появление новых форм и методов благотворительной помощи пострадавшим в результате военных действий, а уже заданные направления этой деятельности получили дальнейшее развитие в эти периоды. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала первой крупной военной кампанией пореформенного периода, в которой участвовала Россия. Несомненно, что результаты либеральных реформ 60-70-х годов XIX в., которые привели к росту общественной инициативы, способствовали активизации общественного признания и частной благотворительности по оказанию помощи пострадавшим в результате военных действий.

Исходной точкой исследования является 1877 год, начало русско-турецкой войны. Однако, поскольку общественные организации, которые занимались оказанием помощи больным и раненым воинам, появились в губерниях Центральной промышленной области до начала военных действий,

в ряде случаев в данном исследовании проводится сравнительный анализ их деятельности в предвоенный период (60-е – начало 70-х годов XIX в.). Также при анализе организационных форм общественной призрения и характеристике его направлений важно было обратиться к 80-90-м годам XIX в., периоду между русско-турецкой войной 1877-1878 гг. и русско-японской военной кампанией 1904-1905 гг. Это позволяет выявить тенденции и проследить динамику и преемственность развития этой сферы общественного призрения.

Выбор конечной даты исследования связан с завершением русско-японской войны. Несмотря на то, что большинство благотворительных организаций и учреждений продолжали существовать и в последующие годы, тем не менее, впоследствии меняется характер их деятельности, а также задачи и формы общественного призрения.

Территориальные рамки исследования включают губернии Центральной промышленной области – Ярославскую, Костромскую и Владимирскую. При определении территориальных границ исследования мы опирались на экономико-географическое районирование России, предложенное русскими учеными в начале XIX в. и существовавшее в изучаемый период. Это географическое деление сохранялось в изданиях Центрального Статистического комитета до начала XX в. [344. С.128; 345. С.16]. Общность географического положения и исторического развития обусловили сходство губерний Центральной промышленной области в экономическом, административном и культурном отношении, которое проявилось в сходных хозяйственных системах, плотности населения, наличии общих границ. Выгодное географическое положение этих губерний было обусловлено близостью Москвы и Санкт-Петербурга. Развитая транспортная система (водные и железнодорожные коммуникации) способствовала развитию связи губерний друг с другом и с центром. Указанные губернии Центральной промышленной области также отличало сходство по составу населения, в котором преобладали представители сельского сословия, а также по имущественному,

культурному и образовательному уровню их жителей. Общей отличительной чертой обозначенных губерний было и отношение их населения к благотворительности, которая являлась важной сферой жизни дореволюционного провинциального общества.

Источниковая база исследования представлена архивными документами и опубликованными материалами. В данном исследовании акцент сделан на выявление принципиально новых архивных материалов, ранее не введенных в научный оборот, а также актуализировано множество опубликованных, но мало востребованных документов. Применив классификацию по видовому признаку, все источники можно условно разделить на пять групп.

Первую группу источников составляют **документы законодательного и нормативно-правового характера**. В работе были проанализированы собранные и опубликованные в хронологическом порядке в Полном собрании законов Российской империи постановления, указы, законы, имеющие отношение к призрению военнослужащих и членов их семей, за период с XVII в. до XX в. [306; 307; 308]. Анализ законодательных актов позволил проследить степень участия государства в процессе оказания помощи военнослужащим, пострадавшим в результате военных действий, и их семьям, определить категории призреваемых, виды помощи и источники финансирования.

Изучение нормативно-правовых документов о призрении военнослужащих, изданных в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг. [304; 305; 309; 310; 311; 312] позволило проанализировать деятельность органов местного самоуправления по призрению военнослужащих и их семей, выявить роль государства и степень участия общества в решении этой проблемы, а также проследить изменения социального законодательства в отношении больных и раненых воинов и членов их семей под влиянием войн.

Вторая группа источников представлена **делопроизводственными материалами общественных организаций и государственных учреждений**, которые являются **архивными документами**, и большая часть которых впервые вводится в научный оборот. При исследовании проблемы были изучены неопубликованные документы 30 фондов Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), Государственного архива Костромской области (ГАКО), Государственного архива Владимирской области (ГАВО). Эта группа источников наиболее обширна и разнообразна и включает в себя отчеты, протоколы, циркуляры, ведомости, журналы заседаний, донесения.

Материалы фондов Ярославского местного управления общества попечения о больных и раненых воинах [216-259], Костромского местного управления общества попечения о больных и раненых воинах [121-123], Ярославского комитета Российского общества «Красный Крест» [160-212], Костромского местного управления Российского общества Красного Креста [61-89], Кологривского местного комитета РОКК [45] и управления и комитетов Российского общества Красного Креста Владимирской губернии [1-16] позволили проанализировать деятельность местных управлений и комитетов Общества в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., охарактеризовать организационную структуру местных управлений и комитетов РОКК, выявить основные направления и региональные особенности общественного призрения в последней четверти XIX - начале XX вв., проанализировать процесс создания и деятельность провинциальных общин сестер милосердия губерний Центральной промышленной области, в частности выявить принципы управления общинами, их состав, обязанности и права сестер милосердия в мирное и военное время, а также источники финансирования общин [334].

Финансовая документация региональных организаций Российского общества Красного Креста, широко представленная в упомянутых выше фондах, позволила проанализировать источники финансирования общественного призрения и благотворительной деятельности, проследить динами-

ку пожертвований и её обусловленность конкретно-историческим контекстом военного времени. Анализ пожертвований даёт возможность выявить их размеры, источники, виды пожертвований по целям, а также пути их реализации.

Документы из фондов Конторы Владимирских благотворительных заведений [19-32], Врачебного отделения Ярославского губернского правления [262-274] дали возможность установить размеры медико-санитарной помощи, которая оказывалась на основе благотворительности больным и раненым воинам в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Материалы фондов Ярославского губернского правления [124-126], Костромского губернского правления [39-42], Костромского губернского по земским и городским делам присутствия [43; 44], Костромской уездной земской управы [46-49], Чухломской уездной земской управы [50-59], Владимирского губернского по воинской повинности присутствия [33], Ярославского губернского по воинской повинности присутствия [129-159], Губернского и уездного воинских начальников [213-215], Ярославского воинского начальника [275-289] позволили выявить размеры и виды социальной помощи участникам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг. и их семьям со стороны общественных организаций, органов местного самоуправления и государства.

Принципы, направления и масштабы деятельности местных попечительств по призрению семей военнослужащих в период русско-японской войны были изучены на основе документов фондов Александровского уездного попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов [34; 35].

Документы фондов Костромского уездного предводителя дворянства [36-38], Костромской 1-й мужской гимназии [60] позволили проанализировать участие представителей различных социальных слоев провинциального

общества в сборе пожертвований в пользу семей погибших воинов и воинов действующей армии.

Ценные сведения об организации общины сестер милосердия в Костромской губернии и её благотворительной деятельности на фронтах и в тылу русско-турецкой войны 1877-1878 гг. содержатся в фондах Богоявленского Анастасиина женского монастыря [90-120], при котором была создана первая в Костроме община сестер милосердия, активно оказывавшая благотворительную помощь в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. не только в костромских эвакуационных лазаретах, но и в военном госпитале на Кавказе.

Документы фонда Ярославского губернского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам [260; 261] позволили выяснить принципы благотворительной деятельности общеземской организации помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке в годы русско-японской войны и проследить эволюцию земской благотворительности в военные периоды, а также выявить её результаты.

В ходе изучения документов фондов Ярославского губернского попечительства детских приютов [290; 291] и Комитета для призрения неимущих в Ярославле [292-303] были получены сведения о благотворительных акциях по сбору пожертвований для нуждающихся военнослужащих и членов их семей, определены организаторы этих акций и оценены размеры полученных средств.

Из материалов фонда Ярославского приказа общественного призрения были получены сведения об организации призренияувечных воинских чинов в Ярославской губернии до периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [127], а также общие принципы организации общественного призрения в России в 90-е гг. XIX в. [128].

Архивные источники дополняют опубликованные документы. Анализ опубликованных источников об общинах сестер милосердия [333; 334] дал возможность проследить эволюцию такого направления общественного

признания военнослужащих, как подготовка сестер милосердия для ухода за ранеными.

Отчеты, относящиеся к периоду русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [313; 314; 315; 317; 318; 319; 327; 329; 330; 331] позволили проанализировать медико-санитарную благотворительную помощь больным и раненым воинам, сравнить масштабы и результаты этого вида помощи со стороны общества и государства, систематизировать информацию об основных направлениях и принципах общественного признания в губерниях Центральной промышленной области в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., а также выявить тенденции эволюции благотворительности на протяжении войны и оценить практические результаты данной деятельности.

Отчеты, которые относятся к периоду русско-японской войны 1904-1905 гг. [316; 320; 328; 332] содержат обширный фактический и статистический материал об организации общественной помощи больным и раненым воинам, который позволил всесторонне рассмотреть деятельность благотворительной организации Российское общество Красного Креста как на фронте, так и в тылу, выделить проблемы в деятельности указанной организации и пути их решения, сопоставить степень участия земств и общества Красного Креста, как благотворительной организации, в оказании помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке.

Анализ отчетов Комитета для признания неимущих [321-326] позволил оценить общественную помощь нуждающимся воинским чинам и их семьям в период между русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военными кампаниями.

К третьей группе источников относятся **справочные и статистические материалы**. Они представлены справочниками [343; 338; 335], календарями [336; 337; 341; 342] и обобщающими сборниками [339; 340], анализ которых позволил выяснить структуру, состав, цель деятельности и результаты работы государственных и общественных организаций, которые зани-

мались оказанием помощи военнослужащим как во время военных действий, так и после их окончания.

Большое значение при изучении региональной благотворительности периодов русско-турецкой 1877-1878 гг. и русско-японской 1904-1905 гг. войн имеют **материалы периодической печати**, которые представлены в **четвертой группе источников**. В рамках исследования было проанализировано содержание центральной и местной прессы, которая содержит публикации о благотворительных акциях военного времени.

Материалы неофициальной части губернских ведомостей [402; 403; 404; 405], Епархиальных ведомостей [412-419] и «Вестника Ярославского земства» [370-401] позволили проанализировать такое направление благотворительности периода русско-японской войны 1904-1905 гг., как деятельность санитарных отрядов, организованными региональными управлениями общества Красного Креста и земствами и действовавшими на Дальнем Востоке, выявить участие представителей различных социальных слоев провинциального общества в благотворительных акциях в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн, систематизировать информацию о пожертвованиях на благотворительные цели в пользу общества Красного Креста в указанные периоды, а также проследить динамику их роста.

Изучение материалов журнала «Вестник народной помощи» [347-369], который начал издаваться при Главном управлении Общества попечения о больных и раненых воинах во время русско-турецкой войны с 1878 г., позволило определить принципы и тенденции общественного признания военнослужащих во время войны, выявить его приоритетные направления, сопоставить благотворительные мероприятия в отношении больных и раненых воинов в указанный период в различных регионах Российской империи и выявить их региональные особенности.

Материалы журнала «Трудовая помощь» [410; 411], который издавался Попечительством о домах трудолюбия и работных домах с 1897 г., пред-

ставляют интерес с точки зрения выявления общих подходов к организации дела общественного признания, принципов благотворительной деятельности и её теоретического осмысления.

Центральная пресса времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг. также отражала в своих материалах вопросы благотворительности, поскольку они имели большое общественное значение. Так, в ходе работы над исследованием были проанализированы публикации о становлении частной помощи больным и раненым во время войны [408], а также хроника благотворительности и статистические данные о потерях русской армии и общественных пожертвованиях на нужды Красного Креста [406; 407].

К пятой группе источников относятся документы личного происхождения. Ценные сведения о благотворительной деятельности сестер милосердия на фронте, принципах общественного признания раненых, направлениях благотворительной деятельности общества Красного Креста в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. содержат воспоминания сестры милосердия С.А. Арендт [420], статьи о работе сестер милосердия в военных госпиталях на фронтах турецкой войны побывавшего на театре боевых действий русского писателя и журналиста Вас. Ив. Немировича-Данченко [426], дневники выдающихся русских врачей Н.И. Пирогова [427; 428] и С.П. Боткина [422].

Деятельность сестер милосердия, а также взаимоотношения военного ведомства и благотворительных обществ в организации признания военнослужащих во время русско-японской войны подробно отражены в дневнике О.А. фон Баумгартен, трудившейся в качестве сестры милосердия в Порт-Артуре [421].

В качестве подгруппы в данной группе источников можно выделить ряд произведений художественной литературы рассматриваемого периода, такие роман В.В. Крестовского «Тамара Бендавид» и произведения В.И. Немировича-Данченко «Боевая Голгофа» и «Год войны (дневник русского корреспондента)» [423; 424; 425]. Их анализ позволил составить представ-

ление о периоде, настроениях в обществе, отношении представителей различных слоёв российского общества к благотворительной деятельности в условиях военного времени. Особую ценность представляет тот факт, что авторами этих романов были не просто современники той эпохи, непосредственные участники военных событий. В.И. Немирович-Данченко был военным корреспондентом во время войн с Турцией и Японией, В.В. Крестовский провел несколько месяцев в действующей армии в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в качестве журналиста.

Таким образом, при работе над диссертационным исследованием были использованы различные по характеру, степени объективности, происхождению источники, к которым был применен отбор, а также их комплексный и критический анализ. Это позволило воспроизвести целостную картину общественного признания военнослужащих и членов их семей в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг.

Теоретико-методологическая основа исследования. Тема общественного признания и благотворительности, как социокультурного, экономического и нравственного явления, проявив свой междисциплинарный характер, стала предметом изучения таких дисциплин и областей знания, как история, социология, политология, экономика, психология [516]. В силу своего междисциплинарного характера указанная тема позволила использовать в процессе исследования теоретические подходы, характерные для «новой социальной истории» (Л.П. Репина, А.Я. Гуревич, А.Л. Ястребицкая) и его особого направления «новой локальной истории», которые дают возможность сосредоточиться на социокультурном контексте местной истории [476, 477, 510, 511].

В исследовании особое внимание было уделено социально-философским подходам, характерным для такого научного направления, как история повседневности (Т.А. Булыгина, Н.Л. Пушкарева, П. Бергер, Т. Лукман), которые позволяют не только узнать о событиях, но и продемонст-

рировать отношение человека к этим событиям, показать его поведение в конкретной исторической обстановке [577, 578, 435].

В исследовании общественное признание и благотворительность рассмотрены как проявление социокультурной жизни губерний Центральной промышленной области, посредством выявления исторических механизмов и форм признания и благотворительной деятельности российского провинциального общества, изучения деятельности благотворительных обществ и организаций по оказанию помощи военнослужащим. Вместе с этим, подходы истории повседневности направляли нас на выявление человеческого измерения исторического процесса, а именно: выявление мотивации благотворительных структур и рассмотрение благотворительного поведения как групповой нормы, выяснение мнения общества о признании военнослужащих, определение влияния благотворительной деятельности на развитие здравоохранения, рассмотрение общественного признания как механизма снижения социальной напряженности.

В категорию повседневности мы включали «социокультурные смыслы, которые создавали в своей повседневной жизни люди в ту или иную эпоху» [577]. Важными теоретико-методологическими основаниями нашего исследования являются также провинциологические аспекты историко-культурного знания (Т.С. Злотникова, Н.Н. Летина, Т.И. Ерохина) [456,457].

В работе в качестве необходимых для научного исследования применялись и общенаучные методы (индукция, дедукция, измерение, сравнение), и специальные исторические методы (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-системный).

Степень научной разработанности проблемы. Исследование проблем общественного признания и благотворительной помощи достаточно широко представлено в исторической науке. При рассмотрении историографии проблемы все исследования мы условно разделили на группы в соответствии с временем публикации: дореволюционные работы, работы советского времени, исследования постсоветского периода российских авторов,

поскольку эпоха оказывала идеологическое воздействие на методологические и концептуальные подходы в исследованиях. В особую группу следует выделить работы зарубежных авторов, посвященные проблематике российской благотворительности дооктябрьского периода.

Дореволюционная историография насчитывает множество публикаций по проблемам государственного, общественного и частного признания в России, возникновении, этапах развития и особенностях российской благотворительности. Большое значение для социоисторического и философского обоснования понятия «благотворительность» имеют сочинения историков и философов С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.А. Бердяева, и других, в которых также рассматриваются общеисторические положения по проблемам признания [463; 505; 482]. В.О. Ключевский считал благотворительность необходимым условием нравственного здоровья личности, «... она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. ... В древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать умение и навык любить человека» [463. С.2-3].

Изучение проблем благотворительности и общественного признания активизируется во второй половине XIX – начале XX вв. Ряд исследователей, понимая место и значение благотворительной деятельности и общественного признания в решении острых социальных проблем общества, пытались осмыслить процессы, происходившие в этой области, и даже предложить свои рекомендации по улучшению общественного признания в России. Работы таких ученых и публицистов как В.И. Герье, С.К. Гогель, Р.Ф. Дерюжинский, П.И. Георгиевский, Е.Д. Максимов исследуют общетеоретические вопросы, историю развития, формы, особенности и проблемы системы признания в странах Западной Европы и в России на рубеже XIX - XX веков, и носят концептуальный характер [446; 447; 448; 449]. Большинство авторов отмечает, что сфера общественного признания в России нуждается в совершенствовании. Анализируя состояние этой сферы в России, авторы приходят к выводу о том, что дело общественного признания должно наход-

диться в ведении органов самоуправления, земства и городских общественных учреждений.

Особую ценность в историографическом плане имеет работа В.И. Герье «Записка об историческом развитии способов признания в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки», поскольку она носит историко-теоретический характер. В.И. Герье считал, что общественное признание может быть определено «как культурная форма благотворительности». Оно отличается от милостыни организацией, мотивами, целями. «...Общественное признание простирает свою помощь на тех только, кто не в состоянии себя призвать и не делает из своей нужды промысла. ...Мотивами общественного признания является сознание гражданской солидарности между членами общины, общественный интерес, забота правительства о благе населения. ... Цель общественного признания – разумное обеспечение нуждающихся и предупреждение нищеты» [447. С.73]. Автор также подчеркивает необходимость установления общего руководства делом признания в государстве.

Среди работ, рассматривающих общие направления и особенности признания в России, следует отметить труды Е.Д. Максимова. Многочисленные работы этого автора характеризует основательность, аргументированность, глубина изложения и хорошее знание фактического материала как общероссийского, так и регионального [466; 467; 468; 469; 523; 525; 526]. В работе «Очерки частной благотворительности в России» Е.Д. Максимов затрагивает вопросы возникновения и истории развития частного признания, рассматривает его формы и сущность, анализирует законы, регулировавшие благотворительную деятельность частных лиц, и приходит к выводу, что правительственные круги рассматривали частную благотворительность как проявление «прогрессивного движения общественной жизни» [524]. В этой работе автор обращается к вопросу о становлении признания раненых воинов, что является особенно ценным в связи с интересующей нас темой. Е.Д.

Максимов считает, что необходимость в организации помощи этой категории нуждающихся возникла с учреждением регулярных армий. Однако «прочное начало признанию раненых воинов удалось впервые положить» благодаря притоку общественных средств под влиянием Отечественной войны 1812 года [524. С. 62]. Таким образом, автор связывает становление признания раненых воинов с участием общественной инициативы и общественных средств.

Книга Е.Д. Максимова «Очерк земской деятельности в области общественного признания», вышедшая в середине 90-х годов XIX века, специально посвящена такому вопросу как земство и благотворительность [468]. К несомненным заслугам земства в области признания автор относит то, что земства увеличили средства на оказание помощи нуждающимся, и это привело к расширению дела признания и появлению его новых форм в земских губерниях, способствовало развитию общественного стремления к самопомощи и осознанию гражданского долга у населения. Автор приходит к выводу, что дело общественного признания должно оставаться в ведении земств.

Расцвет российской благотворительности на рубеже XIX - XX веков привел к тому, что вопросам общественного признания и благотворительности уделялось весьма большое внимание, и наряду с работами российских ученых и публицистов во второй половине XIX века появляются переводные работы, содержащие анализ дела признания в странах Западной Европы и определяющие роль государства в этой сфере. Так, работа П.Ф. Ашротта посвящена исследованию дела признания бедных в Англии в конце XIX века как одной из сфер жизни общества, то есть во взаимосвязи с политикой, экономикой и бытом людей [490]. Успехи в признании бедных в Англии автор связывает с участием государства.

Общественная и частная благотворительность Франции становится объектом исследования в работе члена французской Академии наук графа

д'Оссонвилля [473]. Обращаясь к общетеоретическим положениям организации дела признания, автор доказывает необходимость общественной благотворительности, рассматривает её назначение и неизбежные трудности. Для д'Оссонвилля бесспорно, что благотворительность является обязанностью государства, а чтобы она была эффективной, её нужно постоянно реформировать.

Все рассмотренные выше работы носят обобщающий и общетеоретический характер, но необходимость их изучения очевидна, поскольку позволяет понять основные тенденции в реализации отдельных направлений благотворительной деятельности, а также выявить особенности сферы признания.

Представляющая для нас интерес тема общественного признания военнослужащих в периоды войн крайне редко и фрагментарно отражалась в историографии по проблемам частной благотворительности и общественно-го признания. А между тем, именно в этом проблемном поле возможно изучение практики взаимодействия государственной власти и общественной инициативы во время и после войн, поскольку подобное взаимодействие в такие периоды жизни общества становится наиболее очевидным. Следует отметить, что именно во время войн общественное признание становится наиболее актуальным и востребованным, а зачастую и более эффективным.

Общественная помощь и частная благотворительность в военные периоды последней четверти XIX - начала XX вв. была тесно связана с деятельностью такой крупнейшей благотворительной организации как Российское общество Красного Креста. Поэтому при характеристике историографии указанной проблемы необходимо отметить многочисленные работы, посвященные этой организации. В дореволюционной историографии представлены издания, посвященные деятельности крупнейших благотворительных ведомств, в том числе Российского общества Красного Креста (далее - РОКК) [474; 458; 461; 438; 441; 462]. Эти труды носят статистико-описательный характер, а также содержат сведения о структуре, истории

возникновения и направлениях работы общества Красного Креста. Они богаты фактическим материалом, иллюстрирующим основные направления деятельности РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам в годы военных кампаний, а также пострадавшим от стихийных бедствий в мирное время.

Особый интерес представляет обобщающая работа, посвященная истории и деятельности Александровского комитета о раненых, находившегося в ведении Военного министерства и являвшегося государственным учреждением, которое занималось оказанием помощи военнослужащим и их семьям [483]. Эта работа позволяет составить представление об основных формах и размерах помощи, которая оказывалась военным и их семьям, а также проследить этапы развития признания в отношении указанной категории нуждающихся.

Для русско-турецкой войны 1877-1878 гг. характерно широкое участие женщин, представительниц всех слоев российского общества в деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам. Это явление привлекало внимание современников. Так, медико-санитарная и общественная деятельность русских женщин в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. рассматривается в работе П.А. Илинского [455]. На основе официальных отчетов военных госпиталей, отчетных документов РОКК и его местных управлений, уставов и отчетов общин сестер милосердия, писем и воспоминаний сестер милосердия, публикаций в периодической печати автор рассматривает благотворительную деятельность женщин по уходу за ранеными, обращая особое внимание на организацию и деятельность общин сестер милосердия, а также принципы и основы общинной организации. Автор делает вывод о необходимости во время войны благотворительной медико-санитарной помощи, где участие женщин было бесценным. В связи с этим, П.А. Илинский отмечает, что общество признало право женщины на профессиональную деятельность в медицине как в военные периоды, так и в мирное время.

В целом, несмотря на то, что вопросы общественного признания и благотворительности на рубеже XIX – XX веков привлекали внимание современников, многие стороны и направления этого социального явления описывались лишь с практической точки зрения, и не стали предметом изучения и анализа.

В советской историографии вопросы общественного признания были выведены из области исследований, поскольку само понятие благотворительности противоречило советской идеологии. Благотворительность связывалась с деятельностью крупных российских предпринимателей конца XIX - начала XX веков, однако рассматривалась как тема ненаучная.

Не стали исключением и работы по истории общества Красного Креста, единственного благотворительного учреждения, возникшего в конце XIX века и сохранившегося в советский период. Деятельность Российского общества Красного Креста в дореволюционный период рассматривалась с точки зрения классового подхода, предполагавшего не анализ, а критику [429]. Излагая достоверные факты из истории возникновения и деятельности Российского общества Красного Креста в дореволюционный период и подчеркивая гуманный характер этой деятельности, в книге резко критикуется участие членов царской фамилии в качестве почетных членов Общества.

Совсем по-другому оценивается меценатская и благотворительная деятельность крупных российских купеческих фамилий в мемуарной, в том числе и в эмигрантской литературе. Так, в вышедшей в 1954 г. в Нью-Йорке книге известного дореволюционного промышленника, товарища московского городского головы П.А. Бурышкина "Москва купеческая" отмечается, что "широкая благотворительность, коллекционерство и поддержка всякого рода культурных начинаний была особенностью русской торгово-промышленной среды" [443. С.104]. Благотворительность и меценатство рассматриваются П.А. Бурышкиным как общественная деятельность, характеризующая социальный облик московских предпринимателей. Причем, их широкое участие в благотворении было вызвано не только стремлением «к

чинам и наградам», а новым образом мышления и жизненными ценностями образованного купечества.

Постепенное возвращение к проблемам социальной истории во второй половине 1980-х годов способствовало тому, что история благотворительности вновь становится предметом исследований. Одной из работ, в которой рассматриваются вопросы благотворительности допетровской и петровской эпохи стало исследование Л.Н.Семёновой по истории, быта, семьи, нравов в России в первой четверти XVIII века [478], в которой автор утверждает, что начало системы общественного признания, где ведущая роль принадлежала государству, было положено в петровский период.

Деятельности крупных русских коллекционеров и меценатов в контексте социально-исторического развития страны посвящена монография А.П. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» [442], в которой коллекционирование и меценатство русских предпринимателей конца XIX – начала XX века рассматриваются как неразделимые понятия и характеризуются как массовое социальное явление, присущее русскому купечеству.

В работе П.В. Власова «Обитель милосердия» представлен обзор московской благотворительности в конце XIX – начале XX века [445]. Автор рассматривает все стороны благотворительной деятельности: призрение больных, неимущих, детей-сирот, нищих и других социально незащищенных слоев общества. Работа основана на богатом фактическом материале.

Возрождение интереса к истории благотворительности в конце 80 – начале 90-х годах XX века сопровождалось огромным количеством публикаций, посвященных меценатской деятельности крупных предпринимателей и купечества в конце XIX – начале XX века [432; 434; 450; 465; 470]. В ряде работ не только описывается благотворительная деятельность русских купцов и предпринимателей, но и осуществляется попытка проанализировать различные направления благотворительности, определить её причины и сущность.

Появление новых работ по истории благотворительности во второй половине 90-х годов XX века и в последующий период сопровождалось расширением не только тематики исследований, но и методологических подходов в изучении проблем оказания помощи социально незащищенным слоям населения. Прежде всего, происходит отказ от односторонности в оценке отечественного благотворения, от единственной методологии, расширяется тематика и источниковедческая база исследований. Значительный вклад в изучение различных аспектов благотворительности внесли работы Г.Н. Ульяновой [485; 486; 538; 539; 540; 541; 542; 543; 544; 545], где автор анализирует дореволюционную периодику по вопросам благотворительности как ценный источник по изучаемой проблеме, рассматривает такой социальный феномен как нищенство, анализирует дореволюционное законодательство по благотворительности и общественному признанию, обобщает статистические данные по количеству благотворительных заведений и учреждений дореволюционной России и объёму оказываемой ими помощи и исследует деятельность участковых попечительств.

В ряде работ А.Р. Соколова предпринимаются попытки определить содержание таких понятий как «благотворительность» и «признание», выделить периодизацию истории благотворительности [480; 481; 536]. Следует отметить, что и вопросы периодизации благотворительности, и понятийный аппарат этого социального явления, а также содержание понятия «благотворительность» по-прежнему являются предметом дискуссии. Вместе с тем, расширение методологических подходов в изучении различных форм благотворительной деятельности привело к появлению исследований этого явления, включая не только историю купеческой благотворительности и законодательство в сфере признания, но взаимодействие государства и общества в сфере благотворительности.

Проблемы российской благотворительности конца XIX - начала XX вв. и её региональные аспекты продолжают интересовать исследователей и в наши дни. За последние годы был представлен ряд диссертационных иссле-

дований, посвященных различным аспектам благотворительности конца XIX - начала XX вв. и её организации как в общероссийском масштабе, так и в различных российских регионах [556; 558; 556; 560; 561; 562; 566; 570; 571; 572; 575; 576]. В этих работах предпринимаются попытки проанализировать не только различные аспекты системы российской благотворительной помощи, но и региональную благотворительную практику в системе общероссийской благотворительности, исследовать дискуссионные и малоизученные вопросы, предложить концептуальные подходы к проблемам, учитывая особенности социокультурного и экономического развития регионов.

Одним из новых направлений в истории благотворительности стали вопросы участия женщин в благотворительной деятельности. Большинство публикаций посвящено изучению социально-исторического опыта женских организаций во второй половине XIX – начале XX века и общественной направленности женского движения [488; 430; 451; 452; 515; 489; 567]. Деятельности женских благотворительных организаций по оказанию помощи детям, по проведению мероприятий, направленных на борьбу с проституцией, посвящены статьи Л.А.Жуковой [513; 514].

Участию женщин в благотворительной деятельности в военные периоды посвящена работа Ю.Н. Ивановой [454]. В работе предпринята попытка проследить участие женщин в войнах, в которые была вовлечена Россия в период с середины XIX в. до Второй мировой войны включительно. Исследование проблемы дает основание утверждать, что особенно активно женщины проявили себя в области медицины. Автор считает, что именно в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. произошли изменения в отношении к женскому медицинскому персоналу, который стал восприниматься как необходимый элемент медицинского обслуживания. Однако, широко освещая вопрос участия женщин в области медицины в военные периоды, Ю.Н. Иванова не затрагивает общественную деятельность представительниц

прекрасного пола в многочисленных благотворительных организациях, которые существовали в указанные периоды.

Важным направлением благотворительной деятельности в периоды войн последней четверти XIX – начала XX вв. стало развитие общин сестер милосердия в свете подготовки опытного медицинского персонала на случай войны. В связи с этим стали появляться работы, исследующие историю общин сестер милосердия [475, 464]. В работе А.В. Постернака прослеживается история возникновения и развития общин сестер милосердия в России с середины XIX в. до современности.

Монография Е.Н. Козловцевой «Московские общины сестер милосердия в XIX - начале XX века», посвященная истории общин сестер милосердия, действовавших в Москве с середины XIX до начала XX века [464], на основе многочисленных архивных документов и опубликованных источников рассматривает функционирование общин как общественных благотворительных организаций, характеризует их повседневную деятельность, ориентированную на помочь городскому населению и работу сестер милосердия на театре военных действий и в очагах эпидемий.

Создание и развитие общин сестер милосердия, а также благотворительность военного времени нередко была связана с инициативой представителей аристократии. Так, в работе Э.А. Анненковой и Ю.П. Голикова рассматривается благотворительная деятельность принцев Ольденбургских по оказанию помощи больным и раненым воинам и организации таких известнейших общин как Свято-Троицкая, Покровская, община Св. Георгия, община Св. Евгении [431]. Авторы подчеркивают огромный личный вклад принца и принцессы Ольденбургских в деятельность по развитию сестринского дела в России в 70-е – 80-е гг. XIX в. Особенно активной и плодотворной была благотворительная деятельность Ольденбургских по оказанию помощи раненым солдатам в годы русско-японской войны.

На рубеже XX – XXI веков появляются работы, которые собирают и обобщают богатый фактический материал о деятельности многочисленных

благотворительных ведомств, учреждений, попечительств и заведений, существовавших в дореволюционной России, сопровождая повествование уникальными фотографиями [440; 484]. Однако эти работы могут быть отнесены скорее к справочным изданиям по истории благотворительности и её современному состоянию.

Вопросам организации помощи военнослужащим, их семьям и мирному населению во время и после военных конфликтов, а также социальных бедствий на рубеже XIX – XX вв. почти не уделялось внимания в историографии. Конец XIX – начало XX вв. стал временем двух крупных военных конфликтов с участием России: русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн. Однако огромное количество статей и монографий, посвященных событиям русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний и вышедших в советский период, почти не касается вопросов признания и благотворительности. Это связано с тем, что в советской историографии лидировала политическая история войны – описание военных событий и государственных решений, военно-стратегических успехов и деятельности полководцев. Следует отметить, что политический подход к изучению военных событий присутствует по-прежнему. Отчасти этим объясняется то, что в современных публикациях по истории признания тема войны и благотворительности встречается крайне редко. Лишь новые концептуальные подходы позволяют переломить ситуацию. В связи с этим необходимо выделить Международную научную конференцию «Опыт мировых войн в истории России», проходившую в 2005 году в Южно-Уральском государственном университете и организованную Челябинским отделением Российского общества интеллектуальной истории при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Материалы конференции содержат исследования по узловым моментам военного опыта, которыми являются порожденные войной институты, массовые толкования войны, феномен приспособления моделей поведения к военной реальности [472]. В сборнике представлены работы по методологии и теории

войны, исследования, рассматривающие основные положения концепции тотальной войны [535; 534; 546]. Особый интерес представляют работы, посвященные вопросам организации помощи военным инвалидам, а также положению военнопленных [547; 551; 528].

Следует выделить работы, посвященные изучению развития социальной защитыувечных и отставных военных в России в XVIII – начале XX вв. [532; 553; 554; 549; 550]. Особо отметим работы П.П. Щербинина, в которых ученый рассматривает не только особенности признанияувечных солдат в России в XVIII – начале XX вв., но и изменения социально-правового положения солдат в отставке. Интересно отметить, что в поле изучения автора находятся отдельные аспекты социальной адаптации отставных военнослужащих в гражданском социуме. Ученый пытается реконструировать систему взаимоотношений военных с государством, обществом, семьей. С одной стороны, П.П. Щербинин признает, что «военный фактор и военные инвалиды играли важную роль в формировании национальной идентичности и этнической самореализации русского народа» [579]. С другой стороны, автор делает вывод о малой эффективности политики социального признания и адаптацииувечных солдат в России в XIX в.

Отдельные исследования посвящены деятельности Российского общества Красного Креста и общин сестер милосердия и обращаются к рассмотрению благотворительности военных периодов [555; 557; 565; 573; 574]. С одной стороны, в указанных работах рассматривается деятельность и эволюция РОКК как часть социальной истории России конца XIX – начала XX вв. С другой стороны, данные исследования анализируют основные тенденции развития отечественной благотворительности в условиях военного времени в период Первой мировой войны.

В современной российской историографии появляются работы, посвященные исследованию участия благотворительных обществ в организации и постановке медицинской помощи в периоды военных и социальных

катастроф в конце XIX – начале XX веков [506; 507; 508; 512; 522]. Авторы указанных работ рассматривают основные направления деятельности медицинских учреждений и помощи благотворительных организаций в борьбе против эпидемий, а также мероприятия по предотвращению распространения эпидемий начала XX века; анализируют постановку госпитального дела и степень участия благотворительности в деле оказания медицинской помощи в условиях военного времени в конце XIX - начале XX вв. В рамках изучения проблем оказания помощи больным и раненым воинам в военное время представляет интерес работа «Медицина во время русско-японской войны 1904-1905 гг.», в которой рассматривается организация медицинской службы в годы русско-японской войны 1904-1905 гг., а также деятельность Российского общества Красного Креста по оказанию помощи военной медицине в указанный период [520].

Круг диссертационных исследований, посвященных рассмотрению вопросов благотворительности, а также отдельных проблем периодов войн последней четверти XIX – начала XX вв. в губерниях Центральной промышленной области, весьма ограничен [563; 564]. Так, объектом исследования Н.Ю. Рождественской стало «проявление нищенства и оказание помощи нищим в Ярославской и Костромской губерниях конца XIX – начала XX в.» [563]. Основное внимание в работе было сосредоточено на нищенстве как социальном феномене, рассматривались его масштабы, причины и меры борьбы с нищенством. При этом благотворительность рассматривается как одна из форм помощи нищим, тем самым подчеркивается неразрывная связь нищенства и благотворительности. Вместе с тем, вопросы общественного признания периодов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., а также проблема оказания благотворительной медицинской и социальной помощи военнослужащим не были исследованы в указанной работе.

Диссертационное исследование Е.А. Смирновой посвящено изучению отношения к русско-японской войне разных сословий и социальных слоев,

политических сил, органов местного самоуправления и общественных организаций губерний Верхнего Поволжья, а также тенденций общественных настроений в связи с русско-японской войной [564]. В связи с этим автор затрагивает такие вопросы как деятельность земств и городских дум по формированию системы социальной поддержки нуждающимся в период русско-японской войны и по оказанию помощи действующей армии на Дальнем Востоке. Автор также пытается оценить вклад общественных организаций Верхнего Поволжья по решению проблем военного времени и приходит к выводу, что русско-японская война способствовала развитию благотворительности и тем самым создавала условия для формирования гражданского общества [564. С. 173].

Проблематика российской благотворительности дооктябрьского периода привлекала внимание и зарубежных исследователей. В этой связи можно выделить исследования Дж. Брэдли, А. Линденмайер, Дэвида Л. Рэнсела и других [509; 521; 533]. Дж. Брэдли проанализировал деятельность общественных организаций Москвы и отметил особую роль благотворительных обществ в формировании гражданского общества. В своей статье «Добровольные благотворительные общества в эпоху великих реформ» А. Линденмайер, анализируя динамику создания благотворительных обществ в России в 50-80-е гг. XIX в., приходит к выводу о значительном увеличении их числа в указанный период времени. В связи с этим автор исследует правительенную политику по отношению к благотворительным обществам. По мнению исследователя, общественные инициативы находили поддержку государства, так как избавляли его от расходов в решении социальных проблем.

В работе американского профессора Дэвида Л. Рэнсела исследуется проблема признания детей, брошенных родителями [533]. Ученый анализирует государственное признание детей в России с 1764 года (с появлением первого воспитательного дома в Москве) до 1917 года. Деятельность двух главных воспитательных учреждений страны для подкидышей – Москов-

ского и Петербургского воспитательных домов – исследуется в тесной связи с внутренней политикой государства в вопросах признания, просвещения, образования. По мнению Д.Л. Рэнсела, воспитательные дома в России выполняли важные социальные функции.

В работах западноевропейских авторов можно обнаружить также и обращение к теме признания и социальной защиты российских военнослужащих [547; 568; 569]. Так, немецкий исследователь Б. Физелер считает, что до начала Первой мировой войны «преодоление социальных последствий войны несло не государство, а гражданское общество с его различными благотворительными организациями». И если офицеры-дворяне имели возможность получить помощь из рук частных филантропов, то ставшим инвалидами представителям низших слоев приходилось либо рассчитывать на поддержку родственников, либо жить на подаяния [547. С.49].

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии широко представлены различные аспекты такого многогранного социального явления как благотворительность. Кроме того, в современной исторической науке отмечается интерес к истории общественного признания и благотворительности на региональном уровне. Однако, проблема общественного признания периодов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской военной кампании в России в целом и в губерниях Центральной промышленной области в частности не получила своего отражения в исследованиях и никогда не была предметом специального исследования. Практически отсутствуют работы, воссоздающие объективную и полную картину общественного признания и благотворительной помощи военнослужащим и их семьям в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в период указанных военных кампаний последней четверти XIX – начала XX вв., не исследованы организационные основы и финансовая база данного вида признания. До сих пор не изучены проблемы оказания медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам на фронте и в тылу, а также их семьям в периоды войн последней четверти XIX - начала XX вв. с учетом

региональной специфики. На сегодняшний день не получила освещения проблема создания и развития провинциальных общин сестер милосердия в губерниях Центральной промышленной области, которая тесным образом связана с оказанием благотворительной помощи больным и раненым воинам в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской военной кампании. В связи с этим возникает потребность в проведении обобщенного и комплексного исследования, посвященного организации благотворительной помощи и эволюции общественного признания в отношении больных и раненых воинов в губерниях Центральной промышленной области в годы русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн. Поскольку в конце XIX - начале XX вв. «благотворительность всё более перемещалась в сферу компетенции местного самоуправления» [486. С. 385] будет правомерно рассматривать это социальное явление на местном региональном материале.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующим:

1. Впервые введены в научный оборот свыше 300 дел, хранящиеся более чем в 20 фондах Государственных архивов Ярославской, Костромской и Владимирской областей и представляющие репрезентативный и обширный корпус источников по истории общественного признания и благотворительности губерний Центральной промышленной области.
2. Впервые на основе широкого круга источников проведено комплексное исследование социально-нравственных тенденций в сфере общественного признания русских военнослужащих в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн на примере губерний Центральной промышленной области.
3. Впервые на основе сравнительного анализа архивных материалов изучены особенности формирования и деятельности общин сестер милосердия во второй половине XIX - начале XX вв. в Ярославской, Костромской и

Владимирской губерниях как в годы войн, так и в предвоенный и межвоенный периоды.

4. Впервые осуществлен анализ финансового обеспечения общественного признания военнослужащих в российской провинции в связи с военными событиями, а также эволюции земской благотворительной помощи во время войн последней четверти XIX - начала XX вв.

5. Впервые общественное признание в военное время в губерниях Центральной промышленной области рассмотрено как важная составляющая практики социальной поддержки военных и членов их семей.

В качестве **гипотезы исследования** выдвигаются следующие предположения:

1. Русско-турецкая (1877-1878 гг.) и русско-японская (1904-1905 гг.) войны создали новые стимулы для развития общественного признания русских военнослужащих, придав региональный дискурс этой деятельности в губерниях Центральной промышленной области.

2. В деле общественного признания военнослужащих последней четверти XIX- начала XX вв. женские организации и объединения российской провинции впервые принимали активное участие, что отразило переход данного вида деятельности на существенно новый уровень.

3. Общественное признание военнослужащих в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн стало той сферой общественной деятельности, которая позволила российской провинции актуализироваться, жить и развиваться в русле общероссийских благотворительных тенденций и усилить свою значимость в деле служения обществу и государству.

Теоретическая значимость исследования.

1. На основе впервые выявленных и систематизированных материалов региональных архивов установлены значимость и масштабы деятельности населения Ярославской, Костромской и Владимирской губерний по оказанию благотворительной помощи больным и раненым воинам в периоды

русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний.

2. На основе впервые выработанного алгоритма анализа благотворительной деятельности и общественного признания в отношении военнослужащих со стороны представителей провинциального общества с различными сословными, имущественными и гендерными характеристиками выявлена патриотическая устремленность к единению значительного количества жителей русской провинции.

3. Установлен новый смысл понятия «благотворительность», выявленный на основе актуализированных принципов изучения социальных, организационных и финансовых акций в их совокупной целостности.

Практическая значимость исследования. Исторический опыт и традиции общественного признания российской провинции в периоды войн последней четверти XIX - начала XX в. могут представлять интерес при разработке региональных программ государственных мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей, пострадавших в ходе военных конфликтов. На основе исследования могут быть также выработаны рекомендации по созданию и функционированию общественных организаций и благотворительных структур. Материалы диссертации по истории общин сестер милосердия могут быть использованы в практике развития сестринского движения под эгидой Русской Православной Церкви.

Личный вклад диссертанта состоит в следующем:

1. Проведены разыскания в Государственных архивах Ярославской, Костромской и Владимирской областей, в результате чего введен в научный оборот обширный архивный материал о благотворительной деятельности и организации общественной помощи больным и раненым воинам, а также деятельности общин сестер милосердия, как субъектов общественного признания, в губерниях Центральной промышленной области в последней четверти XIX - начале XX вв., большая часть которого ранее не привлекалась

исследователями при изучении исторических и культурных аспектов российской благотворительности и общественного признания.

2. Выявлены и систематизированы медико-санитарное и социальное направления общественного признания военнослужащих, а также практики благотворительной деятельности провинциальных общин сестер милосердия в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях последней четверти XIX - начала XX вв.

3. Обобщена система финансового обеспечения общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн.

4. Выявлен и проанализирован архивный материал по истории благотворительности и общественного признания в отношении военнослужащих и членов их семей в Костромской губернии последней четверти XIX - начала XX вв., хранящийся в фондах Государственного архива Костромской области, ранее не привлекавшийся исследователями и не подлежащий использованию в дальнейшем в силу его неудовлетворительной сохранности.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечены принципиально новым подходом к определению проблемы и универсальностью её решения с позиций современных теоретико-методологических подходов; системным обобщением широкого комплекса источников, соответствующих цели и задачам исследования; целостным и многосторонним изучением социальной практики общественной помощи русским военнослужащим в Российской провинции последней четверти XIX - начала XX вв. и её социокультурного смысла.

Содержание диссертации соответствует специальности 24.00.01 – теория и история культуры (исторические науки): п. 1.9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; п. 1.15. Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества.

Положения, выносимые на защиту.

1. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг. сыграли парадоксальную роль в истории России, став новым стимулом к развитию общественного признания военнослужащих и членов их семей, повлияв на выработку новых направлений и принципов этой помощи, приведя к активизации общественной и частной благотворительности, способствовав укоренению идеи о необходимости благотворительной помощи больным и раненым воинам в мировоззрении российского провинциального общества.

2. Русско-турецкая (1877-1878 гг.) и русско-японская (1904-1905 гг.) военные кампании способствовали консолидации общества, потребовав объединения усилий по оказанию помощи больным и раненым воинам и членам семей военнослужащих.

3. Деятельность населения губерний Центральной промышленной области по общественному признанию военнослужащих в последней четверти XIX - начале XX вв. несмотря на локальность провинциальной среды, выразила важные общероссийские тенденции, поскольку была основана на исторических традициях милосердия и заботы, свойственных русской ментальности, и динамично развивалась в соответствии с новыми вызовами.

4. Несмотря на сложности в организации и финансовом обеспечении общественного признания процесс оказания помощи больным и раненым воинам в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн осуществлялся достаточно планомерно и результативно, чему способствовали не только усилия общероссийских и местных властей, но и значительный вклад русских женщин, работавших в качестве сестер милосердия.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения и полученные результаты диссертационного исследования были представлены и обсуждены на заседаниях кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»; в докладах и публикациях на 61-ой региональной на-

учно-технической конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Ярославль, ЯГТУ, 2008), межрегиональных университетских научно-методических конференциях «Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ» (Ярославль, филиал РГГУ в г. Ярославле, 2008, 2009), межрегиональной научно-практической конференции «Региональные аспекты предпринимательства: прошлое и настоящее» (Ярославль, ЯФ МосАП, 2011), XIII Золотаревских чтениях (Рыбинск, Рыбинский музей-заповедник, 2010), международных научных конференциях «Чтения К.Д.Ушинского» (Ярославль, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007, 2008, 2009), международной университетской научно-практической конференции «Ярославль - центр княжества, губернии, области. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» (Ярославль, Ярославский филиал АОУ ВПО Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина, 2010), международной научной конференции «Ушаковские чтения» (Ярославль, ЯФ НОУ ВПО «Институт управления», 2012), международных Чтениях, посвященных 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского «Духовно-нравственные основы российской государственности» (Липецк, ФГБОУ ВПО РАНХиГС при Президенте РФ, Липецкий филиал, 2014). Результаты диссертационного исследования отражены в пятнадцати публикациях автора, в том числе в трех, осуществленных в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав («Исторические, организационные и финансовые основы общественного признания военнослужащих и членов их семей в России в последней четверти XIX - начале XX вв.»; «Практика общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн»), заключения, списка использованных источников и литературы, включающего 579 наименований, 6 приложений. Объем текста диссертации составляет 209 с. Общий объем работы - 305 с.

Глава 1. Исторические, организационные и финансовые основы общественного признания военнослужащих и членов их семей в России в последней четверти XIX - начале XX вв.

1.1. Формирование и развитие исторических традиций признания военных и членов их семей в России

Развитие сферы общественного признания и благотворительности в отношении русских военнослужащих в последней четверти XIX – начала XX вв. было связано, прежде всего, с военными кампаниями, которые вела Россия в указанный период и которые вносили изменения в социальную, экономическую и политическую жизнь России в целом и российской провинции в частности. На период последней четверти XIX – начала XX вв. приходятся две крупные войны, в которых участвовала Россия – русско-турецкая война 1877-1878 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг. В условиях социальной, экономической и политической нестабильности военного времени значимым моментом становится стремление обеспечить безопасность и защиту для человека, а также оказать помощь наиболее нуждающимся в ней. На протяжении многих десятилетий оказание помощи русским военнослужащим, пострадавшим в ходе военных действий, осуществлялось в рамках сферы признания и благотворительности.

Общественное признание, по мнению Г.Н. Ульяновой, «означает деятельность, связанную с социальной реабилитацией основных категорий населения, нуждающихся в защите, ... тех, кто не мог прокормить себя собственным трудом» [486. С.17]. Понятие «благотворительность» трактуется не столь широко. Как справедливо отмечает Г.Н. Ульянова, «только оказание бескорыстной помощи частными лицами частным же лицам можно назвать благотворительностью в полном смысле слова» [486. С.19].

В России, начиная с XVII в., помочь военнослужащим осуществлялась по двум направлениям: как социальная забота правителей и государства и как благотворительная помощь общественных организаций и частных

лиц. При этом оба направления существовали не обособленно друг от друга, и русские военнослужащие получали социальную помощь как со стороны государственных органов, так и общественных организаций и частных лиц, т.е. собственно благотворительности. В связи с этим, рассматривая помощь русским военнослужащим, правомерно говорить именно о признении, которое интегрирует и социальную помощь государства, и благотворительную помощь общества.

В тесной связи с признением военнослужащих находилась помощь членам их семей. Потребность в признении у данной категории зачастую возникала в связи с гибелью или увечьем главы семейства. А поскольку смерть или инвалидность военнослужащего, как правило, происходила в связи с исполнением воинского долга, в результате служения царю и защиты Отечества, и государство (в лице правителей), и общество (в том числе частные лица) не разделяли признение военнослужащих и признение их семей, оказывая помощь одновременно обеим категориям нуждающихся.

Первые указания на признение в отношении русских военнослужащих встречаются в XVII столетии. В указанный период судьба пострадавших на войне и членов их семей была в значительной степени заботой государства, нежели общества. В XVII в. для больных и раненых были устроены больницы и богадельни, их помещали в монастыри на пропитание. Наряду с этим, пострадавшим на войне военнослужащим давались щедрые денежные и поместные вознаграждения, назначались пособия на лечение ран, своеобразный прообраз единовременных пособий дальнейшего периода развития признания [483. С.10]. Не забывались даже семьи погибших: Грамотой 31 марта 1649 г. запрещалось выселять жен – казацких, стрелецких и пушкарских – из дворов их мужей, убитых на службе, взятых в плен или умерших [483. С.2]. Несомненно, рассматривая организацию признания больных и раненых воинов в XVII в., нельзя говорить о системе оказания помощи данной категории, об установлении общих норм, которые можно было бы применить в будущем в аналогичных ситуациях. Все указы XVII в., которые издавались

для обеспечения раненых иувечных, рассматривались как награды за конкретный поход, и право инвалидов на поместное и денежное жалованье возникало тогда, когда правящие круги считали нужным объявить свою благодарность. Поместное и денежное жалованье, которое давали в XVII в. за раны иувечья, рассматривалось не как вид призрения инвалидов, нуждавшихся в помощи, а как награда за совершенные подвиги и полученные раны. Поэтому в число этих лиц входили и именитые служилые люди и лица, не имевшие даже права на частную собственность [483. С.11].

В XVIII в. при Петре I начали покровительствовать тем, кто не имел собственного дома и родственников. В результате, из почти официального награждения призрение перешло в вид благотворительной помощи неимущим инвалидам со стороны и от имени государя. В XVIII в. продолжалось определение инвалидов в монастыри и богадельни, назначение отставных раненых на должности разного рода, назначение вознаграждения за раны, как раненым, так и их семьям, помещение на поселение с отпуском земли, денег и с предоставлением льгот в платеже повинностей.

Ещё в XVII в. существовали факты назначения раненых служилых людей на должности воевод и приказных людей. В XVIII в. эта практика продолжилась. По указу 9 февраля 1710 г. престарелые, раненые иувечные офицеры, урядники, солдаты, признанные в ходе осмотра в военном приказе годными к службе, рассылались по губерниям для обучения рекрут, а те, кто был уже неспособен к службе, отправлялись в богадельни [483. С.13]. Вообще, в первой половине XVIII в. правительство заботилось о предоставлении военным инвалидам возможности с пользой для себя и для государства использовать свои силы, умения и опыт. Указы 30-60-х гг. XVIII в. определили должности, которые предоставлялись отставным офицерам, в том числе раненым. Они наблюдали за продажей соли в Уфимской провинции; как людей опытных в ратном деле их направляли для поимки воров и разбойников; грамотные унтер-офицеры и солдаты назначались в должности досмотрщиков петербургской портовой и внутренней таможен; они назнача-

лись надзирателями за исправностью дорог, за содержанием мостов, перевозов и прорубей, а также «для смотрения за госпиталями и надзирания за больными» отставными офицерами [306. Т.9. № 7045; Т.12. № 8880, № 9340]. Кроме того, именно в начале XVIII в. при Петре I впервые было установлено общее положение о праве раненых иувечных на вознаграждение и лечение за казенный счет, что в свою очередь прекращало практику предоставления вознаграждений поциальному случаю, вернее после каждого похода.

Положения ряда нормативных актов свидетельствуют о развитии признания семей раненых, погибших и инвалидов. Так, Морской Устав 1720 г., Регламент об управлении Адмиралтейств и флотов 1765 г., определяли условия и порядок назначения пенсий и единовременных пособий вдовам и сиротам павших воинов. Правда в начале XVIII в. существовали ограничения на выдачу пенсий вдовам и сиротам по возрасту и состоянию здоровья. Старым и больным вдовам выдавалась пенсия в размере 1/8 содержания мужа, а все остальные вдовы, достигшие 40-летнего возраста, имели право на получение единовременного пособия в размере годового содержания. Кроме того, вдовы теряли право на пенсию, если вторично выходили замуж [483. С.15,17]. Пенсия за погибшего отца для сирот, не достигших 12-летнего возраста, составляла 3 руб. в год. С 12 лет мальчиков нужно было отдавать в школу и «к определению к военной службе». Девочки по истечении 12 лет, если никто не возьмет их «на собственное призрение», отдавались на фабрики.

Однако к концу XVIII в. ограничения по возрасту и состоянию здоровья вдов и сирот были сняты, а пенсия за мужа или отца достигла размера полного жалованья по его чину. Дети получали пенсию до наступления совершеннолетия. По указу 1803 г. вдовы сохраняли право на пенсию, даже если вторично выходили замуж [306. Т. 25. № 19099]. Таким образом, пенсия считалась обязанностью правительства в признательность за жизнь, отданную за царя и Отечество.

Указом 1799 г. те офицеры, которые в результате ранения или получения травм становились инвалидами, имели право на получение пенсии, т.н. «инвалидного содержания». Это пособие выплачивалось и тем, кто пострадал во время стрельбы на ученьях. Размер «инвалидного содержания» составлял 1/3 часть оклада офицера, получившего ранение [306. Т.25. № 19012].

Несомненно, самой популярной мерой призрения больных и раненых воинов в XVIII в. было определение на пропитание и на пострижение в монастыри. Указы 1719 г., 1720 г., 1723 г., 1763 г. устанавливали порядок определения в монастырь. Негодные к службе вследствие ран или старости проходили освидетельствование либо в Военной Коллегии, либо в особых комиссиях в губерниях [306. Т.7. № 4183; Т.16. № 11788]. Первоначально хотя и существовало ограничение относительно Троицкого Александро-Невского монастыря и Троице-Сергиевой Лавры, всё же выбор обители был предоставлен самим инвалидам [306. Т.7. № 4145; Т.16. 11825]. Этот порядок привел к неравномерному распределению призреваемых по монастырям, что в свою очередь отражалось на их содержании. В результате с 1726 г. выбирать монастырь для призрения раненых и больных воинов стал Синод [306. Т.7. № 4969]. Женатые и семейные инвалиды, определенные на пропитание в монастырь, жили не в самом монастыре, а поблизости обители. Иногда отставные инвалиды постригались в монашество, но обязательного пострижения не было. С 1736 г. был введен запрет на пострижение, осталось лишь призрение в виде кормления при обителях. Указом 26 февраля 1764 г. отсылка инвалидов в монастыри была окончательно прекращена. По этой реформе «оных военных людей, как гвардии обер иunter-офицеров и рядовых же, по их из службы отставке, отныне на пропитание в монастыри не посыпать...» [306. Т.16. № 12060]. Так закончилось определение инвалидов в монастыри, а взамен усилилось отправление инвалидов на поселение, практиковавшееся и ранее.

С 1736 г. указы, определявшие место или порядок поселений, издавались почти каждый год. Нуждаясь на территориях Среднего Поволжья, устьях Оки и Волги в благонадежных поселенцах, способных оказать сопротивление «волнующимся инородцам», правительство обратило внимание на инвалидов, то есть на нижние чины, которые из-за ран и увечий не были способны к строевой службе, но которые были «...в таких ещё непрестарелых годах, что могут на поселении умножать с пользою общую экономию». Поселенцы наделялись участками земли от 20 до 30 четвертей на семью, деньгами на проезд и хлебом, а единовременная ссуда составляла от 5 до 10 рублей. Офицеры становились командирами над поселенцами. Для обеспечения безопасности поселенцы селились дворами по 100 и более. К 1758 г. на поселении находилось 3489 чел., в том числе и дети [306. Т.16. № 11674; 481. С.32].

После уничтожения монастырского призрения видную роль стали играть богадельни и инвалидные дома. В одном из наиболее ранних указов XVIII в., датированном 1714 г., содержатся сведения о тех средствах, на которые содержались ранее открытые заведения подобного рода. На содержание раненых и увечных солдат был назначен так называемый «венечный сбор», то есть сбор со свадеб. До 1714 г. этот сбор составлял «с первобрачных по 12 к., с полуторабрачных по 18 к., со второбрачных по 25 к., с троебрачных по 30 к.» [483. С.29]. С 1714 г. этот сбор был увеличен в 2 раза и использовался на содержание лазаретов, на пропитание и лечение больных и раненых солдат. В 90-е гг. XVIII в. были построены инвалидные дома в Киеве и Санкт-Петербурге, в начале XIX в. было решено открыть инвалидные дома в Москве, Смоленске, Чернигове и Курске [306. Т.24. № 17731; Т.30. № 23637].

Начало XIX века принесло новые подходы к организации призрения больных и раненых воинов. Можно предположить, что на развитие этих подходов и появление новой организационной структуры, действовавшей на новых принципах, повлияла Отечественная война 1812 г. Уже в начале XIX

в. правительство Александра I сознавало «необходимость привлечения к признанию общественных средств и добровольных деятелей, работающих по нравственным побуждениям, а равно – и необходимость определенной организации как общественных и сословных групп, так и частных благотворителей» [524. № 1. С.60]. Причины этого были достаточно прозаичны: казенных средств не доставало, а чиновники Приказов общественного призрения действовали формально [524. № 1. С. 59]. Таким образом, в начале XIX в. общественные силы привлекаются к таким учреждениям, которые могли считаться правительственными, а приток общественных средств был значительно, чем в предшествовавшее столетие. Благодаря этому в указанный период «удалось положить прочное начало признанию раненых воинов» [524. № 1. С.62].

Необходимо отметить, что влияние Отечественной войны 1812 г. на возникновение в обществе движения в пользу организации помощи воинам выразилось в активизации благотворительной деятельности представителей аристократии. В 1813 г. коллежский советник Помиан Пезаровиус начинает издание газеты «Военные Ведомости» (позднее переименована в газету «Русский Инвалид» - *прим. авт.*) с тем, чтобы вырученные от неё деньги были использованы на помощь раненым воинам. Однако успех газеты был незначителен, и Пезаровиус уже думал о прекращении издания. Но артист немецкой труппы Борх дал в пользу военных инвалидов спектакль, доход от которого составил 3000 рублей. Одновременно вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, узнав о том, что доход от издания «Русского Инвалида» используется на оказание помощи раненым воинам, после каждой победы русских войск стала присыпать издателю «Русского Инвалида» от 8 до 10 тысяч рублей. Подобные пожертвования (хотя и меньших размеров) начали поступать и от частных лиц. Поскольку русская армия одерживала одну победу за другой, у Пезаровиуса уже к 1814 г. образовался инвалидный капитал в 300 тысяч рублей [483. С.85]. Из этого капитала Пезаровиус выдавал единовременные пособия и ежегодные пенсии отставным нижним чинам,

раненым и получившим увечья во время Отечественной войны 1812 г. В 1815 г. он передал свой капитал, который к тому времени составлял 395 тысяч рублей, в распоряжение комитета о раненых и увечных воинах, созданного по приказу Александра I 18 августа 1814 г. [483. С.86]. С 12 декабря 1877 г. в честь 100-летия Александра I эта организация стала называться «Александровский комитет о раненых». Созданный Пезаровиусом инвалидный капитал послужил основным фондом для развития деятельности Александровского комитета о раненых.

В первые годы своего существования Комитет о раненых был по существу военно-благотворительной канцелярией императора и «...в действиях своих подчинен непосредственно Верховной Власти» [483. С.39]. Тем самым Комитет был поставлен наряду с высшими правительственные учреждениями: Александр I не только наблюдал за деятельностью Комитета, но и решал многие вопросы лично, доклады Комитета представлялись императору графом Аракчеевым (с 1869 г. военным министром – *прим. авт.*), члены Комитета назначались исключительно из числа генерал-адъютантов, Комитет оперировал как средствами инвалидного капитала и Главного Казначейства, так и личными денежными средствами императора, даже размещался Комитет первоначально в Эрмитажном доме Зимнего дворца.

Но уже к 1820-м годам эта организация «преобразуется по образцу других государственных учреждений» [483. С.87]. С 1819 г. Комитет имел свою Канцелярию, штат которой увеличивался. Если в 1819 г. в Канцелярии работало 22 чиновника, то почти за 100 лет существования Александровского комитета о раненых штат его Канцелярии почти удвоился и к 1902 г. составил 43 должностных лица [483. С. 45]. Чиновники за свою деятельность получали жалованье. Содержание Канцелярии Комитета о раненых в 1819 г. обошлось инвалидному капиталу в 22180 рублей в год [483. С. 40].

Основная обязанность Комитета заключалась в том, чтобы «принимать просьбы, пещись о доставлении возможного вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам ...» [483. С.35].

Постепенно деятельность Комитета о раненых расширялась. С 1816 г. покровительство Комитета распространилось на офицеров и генералов, пострадавших не только в Отечественную войну 1812 г., а также на раненых офицеров ополчения. Вслед за этим Комитет о раненых взял на себя заботу о сиротах, материах и вдовах офицеров, погибших во время сражений или умерших от ран. Одновременно с инвалидным капиталом Александровский Комитет получил список 1200 отставных нижних чинов – инвалидов, которым выплачивал пенсии основатель инвалидного капитала коллежский советник Пезаровиус. Таким образом, продолжив выплачивать пенсии нижним чинам по этому списку, Комитет начал осуществлять признание отставных нижних чинов. С 1816 г. право на пенсию от Александровского комитета было распространено и на всех нижних чинов, раненых на войне.

В 20-е годы XIX в. право на признание получили находящиеся на службе раненые генералы и офицеры и пострадавшие при исполнении служебных обязанностей. Тем самым государство пыталось удержать на службе опытных боевых офицеров. Но на деле воины, получившиеувечье и в результате этого ставшие инвалидами, не могли продолжать службы и поэтому получали постоянные и неизменные оклады и пенсии. Размер пенсии для тех раненых, которые продолжали служить, при повышении чинов увеличивался. Таким образом, принцип справедливости был нарушен. Чтобы устранить эту несправедливость для офицеров-инвалидов стали устанавливать особые преимущества. Например, размер суммы на наем прислуги для них был в 2 раза больше, чем для трудоспособных раненых офицеров [483. С.126-127]. С 1853 г. право на получение помощи получают офицеры и нижние чины, случайно травмированные при исполнении служебных обязанностей в мирное время, но при условии, что эти увечья стали причиной их отставки [483. С. 93].

Реалии русско-турецкой войны 1877-1878 гг. привели к тому, что государство стало оказывать помощь «лицам женского пола, официально допущенным военным начальством к уходу за больными и ранеными в воен-

ное время, в случае получения ими ран или увечий при исполнении служебных обязанностей», а также семьям генералов и офицеров, пропавших без вести на войне [307. Т.52. № 57616; Т.55. № 61850]. Соответствующие указы утверждали право на получение помощи также семей всех вышеперечисленных категорий, если глава семейства погибал во время военных действий или умирал от ран, полученных при исполнении служебных обязанностей [307. Т.31. №30296; Т.37. Ч.1. № 38029; Ч.2. № 38729; Т.44. № 46739].

И, наконец, важным шагом в деле признания больных и раненых воинов, а также их семей стало утверждение права на получение помощи для семей нижних чинов. Разрешение 1864 г. выдавать вдовам нижних чинов единовременные пособия было юридически закреплено Положением о Комитете о раненых, утвержденном 9 февраля 1869 г. [307. Т.44. № 46739]. К 1864 г. покровительством Александровского комитета пользовалось 18 000 человек, на призрение которых расходовалось до одного миллиона рублей в год [481. С.35 (прил.)]. Закон 7 сентября 1898 г. о назначении пенсии из инвалидного капитала семействам нижних чинов добавлял к семьям раненых и убитых семьи нижних чинов, пропавших без вести на войне и убитых при исполнении служебных обязанностей в мирное время [308. Т.18. № 15914].

Следует отметить, что со стороны государства, с одной стороны, прослеживается отчетливое желание помочь военным инвалидам, а с другой стороны, сэкономить денежные средства и, прежде всего, за счет сокращения расходов на тех раненых, которые ещё могли «снискивать себе пропитание собственным трудом». Именно с этой целью уже 23 сентября 1814 г. (спустя чуть более месяца со дня основания Комитета) предпринимается первая попытка разделить раненых на разряды по тяжести ранения. К раненым 1-ой категории были отнесены те, чьи раны «ещё не препятствуют им быть полезными на службе гражданской» [483. С.67]. Такие раненые определялись на гражданские должности по своим способностям, и никаких пособий им не выплачивалось.

Привлекает внимание порядок обращения военнослужащего за помощью в Комитет о раненых, который был достаточно сложным. Кроме того, он варьировался в зависимости от категории призреваемых. Получившие ранения генералы, штаб и обер-офицеры должны были не только собрать и представить большое количество документов, но главным образом доказать, что они действительно нуждались и не имели средств к существованию. К прошению об оказании помощи требовалось приложить формулярный список о службе; свидетельство о том, что проситель действительно состоял на военной службе; свидетельство о ранениях, полученных во время войны, выданное при отставке медицинским чиновником; свидетельство о том, что проситель действительно не имеет средств к существованию, которое выдавалось гражданским губернатором или губернским предводителем дворянства [483. С.66].

Для нижних чинов существовали иные правила и иной порядок обращения за помощью. Он был закреплен постановлениями 1829 г. [306. Т.4. № 3333]. Позднее они вошли в Свод Военных постановлений издания 1838г. и 1859 г. и сохраняли свою силу на протяжении XIX в. и в начале XX в.. В соответствии с установленным порядком начальство военных частей, где нижние чины служили до отставки, должно было подавать сведения о том, куда выбыли инвалиды. Губернаторы также должны были сообщать, что в их губернию прибыл военный инвалид и ходатайствовать перед Александровским комитетом о раненых об оказании помощи этому инвалиду. К ходатайству прилагались: медицинское свидетельство о ранах, подлинники паспортов отставных и формуляры служащих инвалидов. Для того, чтобы подать прошение о помощи в Комитет о раненых, военные инвалиды из провинции не должны были отправляться в столицу. С 1864 г. все командующие войсками в военных округах и все губернаторы становились представителями Комитета на местах и обязаны были принимать прошения нуждающихся для назначения одного из видов помощи Комитета о раненых [491. С.20].

С началом военных действий на Балканах в 1877-1878 гг. оказание помощи нижним чинам, раненым в годы этой военной кампании активизируется. После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Александровский комитет о раненых издал «Правила для руководства нижних чинов, ищущих покровительства Александровского комитета» и разослал их во все Полицейские Управления империи [483. С.136]. Для того, чтобы получить помочь, нижние чины должны были представить документы о службе и инвалидные списки (медицинские свидетельства), а также сведения местной полицейской или земской власти о том, что проситель не состоит под следствием или судом и не имеет 100 рублей валового дохода с собственности.

Следует обратить внимание на правила подачи ходатайств семьями погибших офицеров и перечень документов, необходимых для получения помощи. Они были систематизированы в Своде военных постановлений 1869 г. Следует отметить, что перечень этих документов был достаточно обширным, что приводило к сужению круга лиц, претендовавших на помочь. Необходимо было предоставить свидетельства о факте и причине смерти офицера или генерала, свидетельство о недостаточном состоянии семьи (высшей нормой обеспечения для семей генералов было 1500 рублей валового дохода в год; для семей штаб и обер-офицеров – 750 рублей валового дохода в год), наконец, свидетельство об образе жизни и поведении просителя. Если на помощь претендовали не жена и дети, а другие родственники, то помимо перечисленных документов им необходимо было представить ещё свидетельство о том, что они действительно жили на средства покойного и никаких пособий не получали, и свидетельство о том, что после покойного не осталось ни жены, ни детей [483. С.136]. Следует признать, очень сложная система подачи прошения о помощи и огромное количество документов, которые необходимо было представить, делали оказание помощи больным и раненым воинам и особенно их семьям излишне забюрократизированной процедурой и отдаляли реальную помощь от действительно нуждающихся.

Необходимо подчеркнуть, что признание раненых иувечных воинов эволюционировало по мере развития. Основным видом оказания помощи всем категориям нуждающихся (инвалидам офицерского звания и нижних чинов, а также их семьям) было назначение пенсий и различных денежных пособий с целью «... обеспечить сравнительно безбедное существование раненым...» [483. С.70]. Рассмотрим порядок назначения, размеры и источники денежных пособий, которые различались в зависимости от чина призываемого.

Можно утверждать, максимально обеспечивались генералы и офицеры, пострадавшие на поле брани, получали сразу несколько видов денежной помощи из различных источников. Прежде всего, они получали пенсию из инвалидного капитала, размер которой первоначально не был определен. Нередко разница в размере пенсии для раненых, состоящих в одних чинах, доходила до 50%. Позднее была рассчитана сумма 348 рублей в год – на питание и 210 рублей в год – на одежду и обувь. Размер инвалидного капитала постоянно увеличивался, что приводило к увеличению пенсионных окладов генералам и офицерам. Впервые такое увеличение произошло в 1856 г. и составило 25 % [307. Т.31. № 30637]. Однако этот шаг был обусловлен скорее не экономическими, а политическими причинами. Эта мера была призвана морально поддержать офицерский и генеральский корпус после поражения в Крымской войне. Но так как денежных средств, необходимых для столь значительного повышения пенсий, не было, то уже в 1865 г. выходит постановление, по которому отставным генералам и офицерам пенсия из инвалидного капитала должна назначаться не по тем чинам, какими они были награждены при отставке, а по тем, в которых они получили раны. Например, если офицер был ранен в нижнем звании, а при выходе в отставку он получал, например, чин капитана, то до закона 1865 г. его пенсия составляла 315 рублей в год (по чину капитана), а по закону 1865 г. – всего 60 рублей в год (по нижнему званию) [483. С.193]. Разница в окладах была настолько значительна, что сразу же последовали ходатайства об отмене нового зако-

на. Однако этого не произошло, и общий принцип действия закона 1865 г. сохранился.

Изучение нормативных актов, регламентировавших деятельность Александровского комитета о раненых, позволило выявить, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. для раненых офицеров, причисленных ко 2-му классу, пенсии увеличились почти на 50%, и для раненых 1-го класса – на 33 %, а также были введены пособия на погребение генералов и офицеров, умерших в Санкт-Петербурге.

Интересно проследить изменение такого вида помощи как наем прислуки, на который имели право военные инвалиды офицерского звания. С 1815 г. отставные раненые офицеры, потерявшие зрение, могли иметь при себе казенного денщика (раненым 1-го класса назначалось по два денщика, раненым 2-го класса – по одному денщику). Казенные денщики получали жалованье и обеспечивались питанием за счет местной инвалидной команды [483. С.70]. Назначение казенной прислуки продолжалось до 1822 г., когда оно было заменено выдачей пособия для найма вольной прислуки. Это пособие выдавалось из инвалидного капитала и составляло 150 рублей в год. Через год было решено ежегодно выдавать пособие на наем прислуки только тем офицерам-инвалидам, которые вследствие ран не могли двигаться без помощи прислуки. В 30-е годы XIX в. выплата пособия на наем прислуки зависела от тяжестиувечья или ранения, поэтомуувечным (раненым 1-го класса) выплачивалось пособие в 2 раза большее, чем другим категориям военных инвалидов. Однако к концу XIX в. был изменен принцип назначения пособия для найма прислуки – его размер зависел не от тяжестиувечья, а от чина призреваемого. Если в 80-е годы XIX в. размер пособий для найма прислуки для раненых генералов и офицеров составлял соответственно 171 рубль 20 копеек и 85 рублей 60 копеек в год, то положение Военного Совета от 12 февраля 1893 г. удваивало размер этих пособий, и военные инвалиды в чине генерала получали для найма прислуки уже 343 рубля 20 копеек в год, а в чине обер-офицера – 171 рубль 60 копеек [308. Т.12. № 9326].

Особое внимание при рассмотрении видов призрения военнослужащих следует обратить на развитие такого вида помощи как предоставление единовременных пособий. Именно в этом виде помощи в начале XIX в. ещё прослеживаются тенденции конца XVII в., когда вознаграждение предоставлялось не на основании общих норм и правил, а в каждом конкретном случае. Единовременные пособия назначались только отставным инвалидам и тяжело раненым и только в особых случаях. (Например, если тяжелая болезнь от ран требовала больших расходов на лечение.) При этом принималась во внимание степень нужды, продолжительность и бесспорочность службы просителя, его нравственные и служебные качества. Размер пособия был значительным и варьировался в зависимости от тяжести ранения. Например, пособия прапорщиков составляли от 400 рублей до 700 рублей, а у инвалидов офицерского звания они могли достигать 6000 рублей [483. С.72]. Единовременные пособия назначались с разрешения императора из сумм Кабинета Его Величества независимо от пенсии из инвалидного капитала. С 1819 г. такие пособия стали выдаваться из инвалидного капитала. Однако изменение источника выплат не изменило принципа, по которому назначались эти пособия. Их выдача осуществлялась по личному усмотрению Государя и для особо заслуженных лиц. Именно этим и объяснялся огромный размер пособий.

Стремление сэкономить средства инвалидного капитала привело в 30-е гг. XIX в. к прекращению выплат пособий размерами целых капиталов и выдаче более скромных сумм от 30 рублей до 200 рублей. Однако порядок назначения единовременных пособий сохранялся. Он изменился лишь в 50-е гг. XIX в., когда был установлен фиксированный размер единовременного пособия для различных категорий призреваемых. Но тенденция сокращения размера пособий сохранялась. Единовременные пособия, установленные в 1858 г., поражали своей незначительностью: 30 рублей прапорщику и 57 рублей генералу. Вместе с тем порядок их выплаты по особым случаям был отменен, и единовременные пособия стали выдаваться раненым 2-го

класса ежегодно, а раненым 3-го класса – 1 раз в 2 года. С 1865 г. выплата подобных пособий стала производиться всем раненым ежегодно. Эта мера была призвана возместить ущерб, который был вызван изменением порядка назначения пенсий, повлекший их значительное сокращение, но скучный размер единовременных пособий не способствовал решению этой проблемы.

Изучение нормативных документов (положений Военного Совета) [308. Т.5. № 2702], дало основания утверждать, что сокращение размеров единовременной финансовой помощи военным инвалидам происходило одновременно с выходом этого вида помощи из-под личного контроля императора и превращением в выплаты, назначаемые чиновниками. Вместе с тем, отказ от личного участия членов царской семьи в назначении пособий вовсе не означал, что дело помощи военнослужащим перестало быть значимым для них, о чем свидетельствует введение именных и целевых единовременных пособий в конце XIX в. С 1892 г. в память Великого князя Константина Николаевича, который был председателем Александровского комитета в 60-70-е гг. XIX в. вводились «Константиновские» единовременные пособия для «тех из состоящих под покровительством Комитета лиц офицерского звания, которые требуют особой усиленной помощи, страдая неизлечимыми болезнями» [483. С. 208]. На выплату этих пособий ежегодно выделялось 6000 рублей из инвалидного капитала. Такая же сумма выделялась из инвалидного капитала для выплаты ежегодных «Михайловских» пособий отставным раненым артиллеристам и их семействам, находящимся в затруднительном положении. Эти пособия вводились с 1898 г. в честь 50-летнего юбилея службы в качестве Председателя Александровского комитета Великого князя Михаила Николаевича [308. Т.18. № 15914].

С 1896 г. в память коронаования Николая II и Александры Фёдоровны из инвалидного капитала стали ежегодно выделять по 20000 рублей на выдачу единовременных пособий тем офицерам, которые нуждались «...в лечении минеральными водами у самых источников или морскими купаниями

или в пользовании кумысом» [308. Т.16. № 12941]. Размер этих пособий зависел от чина призреваемого и составлял для генерала по 5 рублей в сутки, для штаб и обер-офицера по 3 рубля в сутки из расчета на 40 дней. Предполагалось, что эти пособия должны покрывать личные расходы военных инвалидов во время лечения, а также проезд к месту лечения и обратно. При рассмотрении просьб о пособии для лечения у источников предпочтение отдавалось инвалидам, получившим ранение в сражении, а не в мирное время. Лечение раненых военнослужащих минеральными водами за счет казны практикуется уже в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Так, в ходе изучения архивных документов фонда Ярославского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах удалось установить, что пациент Ярославского офицерского лазарета прапорщик 138 пехотного Болховского полка Спасский с мая по октябрь 1878 г. проходил лечение минеральными водами в г. Пятигорске за казенный счет [258. Л.2].

Следует подчеркнуть, что выплаты различных денежных пособий были не единственным видом помощи, которые получали инвалиды-офицеры и генералы. Одним из самых первых видов такой помощи было назначение раненых офицеров на должности. Однако этот вид покровительства не распространялся на генералов, так как не было возможности предоставить такую гражданскую должность, которая бы соответствовала генеральскому чину. Комитет министров составил перечень тех должностей, которые могли занимать раненые отставные офицеры. В этот перечень вошло 138 должностей, в том числе должности консулов и вице-консулов. Несмотря на обширный список должностей, отставных раненых офицеров, желавших поступить на гражданские должности, было гораздо больше, чем вакансий, поэтому 22 декабря 1816 г. лично императором были утверждены особые правила для утверждения на должность, по которым преимущество отдавалось тяжело раненым и тем, кто подал прошение о назначение на гражданскую должность первым [483. С.74]. Однако «раненые по болезни оказались плохими служаками и мало приносили пользы», поэтому уже в 1831 г. происхо-

дит сокращение числа должностей, замещаемых по назначению Комитета о раненых. Из существовавших 138 должностей было исключено более 100 [307. Т.6. № 4731]. И наконец, вследствие реформ Александра II (в частности реформы полиции) назначение на должности свелось к нулю, поскольку из ведения Комитета о раненых были изъяты должности городничих и полицмейстеров, которые пользовались особой популярностью среди отставных военных инвалидов.

Изучение императорских указов и положений Комитета министров позволяет утверждать, что с начала XIX в. инвалиды-офицеры получали такую социальную поддержку, как квартирное довольствие и бесплатная медицинская помощь. Назначение квартирного и медицинского довольствия изначально вводилось для отставных раненых офицеров, выходцев из солдатского или крестьянского сословия. После отставки в результате ранения многие из них получали должность и оставались жить в городах. Поэтому по указу 8 июля 1815 г. им выдавались особые свидетельства на получение квартирного довольствия от городов (первоначальная практика предоставления квартир для этой категории военных инвалидов была заменена выдачей денег для найма квартиры). Квартирное довольствие выдавалось всем кандидатам на должность, независимо от тяжести ранения. Важно подчеркнуть, что местожительство не ограничивалось определенными городами, и военные инвалиды могли жить в любом городе, претендую при этом на квартирное довольствие.

Следует отметить, что этот вид помощи претерпел самые значительные изменения. В конце 20-х годов XIX в. квартирное довольствие уже не предоставлялось средне и легко раненым кандидатам на должности, а в 1833 г. раненые лишились права на квартирное довольствие в Санкт-Петербурге. В 1872 г. ограничение права проживать в столице распространилось на Москву, а затем на Варшаву и Кавказ. Лишь в 1894 г. это ограничение было отменено. Там, где военные инвалиды имели право на квартирное довольствие, оно осуществлялось в виде выдачи квартирных денег, а не предостав-

лением квартиры. С 1894 г. устанавливается порядок предоставления квартирного довольствия. Во-первых, право на квартирное пособие предоставлялось только раненым офицерам и генералам 1-го класса, во-вторых, размер этого пособия зависел от чина инвалида и от местности, в которой он фактически проживал.

Военные инвалиды также имели право на бесплатную медицинскую помощь и бесплатные медикаменты из казенных аптек, которые в соответствие с положением Комитета министров 1815 г. «... были обязаны бездепрежно отпускать по рецептам врачей медикаменты, прописываемые для офицеров, изувеченных в последнюю войну (Отечественная война 1812 г. – прим. авт.), как служащих, так и отставных» [483. С.76]. С 1883 г. право на бесплатную медицинскую помощь предоставляется инвалидам, получившим увечья при исполнении служебных обязанностей не только в военное, но и в мирное время, причем тяжесть увечья не имела значения. Такая медицинская помощь предполагала не только бесплатное лечение в военно-лечебных заведениях и в гражданских лечебных учреждениях, но и бесплатное получение медикаментов из вольных аптек [483. С. 209].

Можно утверждать, что виды помощи военным инвалидам офицерского звания и раненым нижним чинам различались и по содержанию, и по масштабам выделяемых средств. В начале XIX в. основным видом помощи раненым нижним чинам была выплата пенсии из инвалидного капитала. Начало выплат пенсий из инвалидного капитала нижним чинам было связано с именем основателя инвалидного капитала тайного советника Пезаровиуса. После того, как инвалидный капитал был передан в распоряжение Александровского комитета о раненых, именно эта организация была обязана выплачивать пенсии нижним чинам сначала из списка Пезаровиуса, а с 10 марта 1816 г. и всем военным инвалидам нижних чинов. Пенсия выдавалась сразу, полностью в начале пенсионного года, и в случае смерти инвалида не возвращалась в инвалидный капитал. При назначении пенсии учитывалась тяжесть ранения и степень инвалидности, воинское звание не учитывалось.

Разница в размерах пенсий для нижних чинов была значительная: в 1816 г. максимальный размер такой пенсии составлял 100 рублей, а минимальный – 16 рублей; в 1819 г. – 150 рублей и 25 рублей соответственно [483. С.85].

Можно считать, что до середины XIX в. пенсия из инвалидного капитала была единственным видом помощи, на которую могли претендовать раненые нижние чины. Лишь в 1867 г. по Положению Военного Совета больным иувечным нижним чинам начали назначать пособие от казны по 3 рублю в месяц. Однако те, кто получал это пособие, лишились права на пенсию из инвалидного капитала. Предполагалось, что такие нижние чины должны получать помощь от того общества, к которому они будут принадлежать после отставки. Эта помощь заключалась либо в выделении земли военному инвалиду, либо в помещении его в богадельню. Такие же правила были введены по Положению Военного Совета от 27 июня 1874 г. для отставных нижних чинов, которые получили увечья во время службы, но не в результате ранения. Они также могли претендовать на благотворительную помощь от местных обществ. Но на деле отставные солдаты-инвалиды были обузой для обществ, и им не спешили приходить на помощь особенно в мирное время. Поэтому те нижние чины, которые не пользовались ни казенным пособием в 3 рубля в месяц, ни земельным наделом от местных обществ, принимались под покровительство Александровского комитета о раненых [308. Т.14. № 10515]. К началу 1901 г. число таких больных иувечных солдат, находившихся под покровительством Комитета о раненых, составляло 28978 человек [483. С. 203].

Вместе с тем, можно утверждать, что происходила постепенная замена пенсий отставным солдатам-инвалидам на единовременные пособия. В 1867 г. право на единовременную выплату вместо пенсии было распространено на получивших ранения нижних чинов, которые не уходили в отставку, а продолжали служить. А к 80-м годам XIX в. выплата пенсий всем отставным солдатам-инвалидам, находившимся под покровительством Комитета о раненых, была полностью заменена выдачей единовременных по-

собий. В 1896 г. из инвалидного капитала было выделено 75000 рублей на выдачу срочных единовременных пособий наиболее нуждающимся и имеющим нескольких детей раненым иувечным нижним чинам и их семьям в случае потери главы семьи. В том же 1896 г. было решено ежегодно выплачивать из инвалидного капитала по 15000 рублей на выдачу единовременных пособий нижним чинам, страдающим неизлечимыми болезнями и раненым в период царствования Николая I. Поэтому эти пособия назывались «Николаевскими» [483. С. 239].

Особенно интересным представляется проследить развитие такого вида помощи неимущим отставным солдатам-инвалидам как их размещение и содержание в богадельнях. В первой четверти XIX в. отставные инвалиды нижних воинских чинов помещались в Приказы общественного призрения на общем основании. В 1830 г. создаются специальные военные богадельни – Чесменская под Санкт-Петербургом и Измайловская под Москвой, где право провести остаток своих дней получили неимущие отставные не только солдаты, но и офицеры. С 1856 г. сначала при Чесменской, а затем при Измайловской военных богадельнях начинают создаваться домики для семейных инвалидов. Этот вид помощи постепенно развивался. На 1902 г. в Александровской слободе при Чесменской военной богадельне существовало 19 семейных домов для призрения 76 семейных инвалидов нижнего звания. А в семейном инвалидном доме при Измайловской военной богадельне находилось 5 офицеров и 42 нижних чина со своими семьями. Даже при относительно небольшом количестве призреваемых содержание Чесменской и Измайловской военных богаделен обходилось в значительную сумму. В 1902 г. на их содержание из инвалидного капитала было выделено 211141 рубль [483. С. 240]. В Петербургской Городской богадельне для жен инвалидов, которые призревались в военных богадельнях, было открыто 10 мест, количество которых впоследствии было увеличено до 45. Однако принимались в специальные военные богадельни только действительно нуждающие-

ся, те, кто получал пенсию не более 50 рублей в год и не пользовался ежемесячным трехрублевым пособием от казны.

С 60-х годов XIX в. в военные богадельни стали принимать всех военных инвалидов, которые по состоянию здоровья нуждались в особом уходе, и материальное положение призреваемого уже не ставилось во главу угла. Однако количество желающих попасть в специальные военные богадельни было настолько велико, что военные инвалиды начинают размещаться также в гражданских богадельнях и содержатся там за счет средств инвалидного капитала. Всего было открыто 354 места для больных иувечных отставников в гражданских богоугодных заведениях. Но содержание в них было настолько плохим, что к 80-м годам XIX в. было занято всего 20 мест.

Одновременно количество желающих попасть на призрение именно в военные богадельни было напротив очень велико, и многие умирали, так и не дождавшись своей очереди. В связи с этим были выработаны правила для определения нижних чинов в богадельни, по которым в первую очередь туда отправлялись наиболее нуждающиеся в призрении. Но это не способствовало улучшению ситуации. Количество мест в главных военных богадельнях: Чесменской и Измайловской – было мало и росло незначительно: в 1884 г. в Чесменской богадельне призревалось 16 офицеров и 460 нижних чинов, в 1897 г. увеличилось лишь количество призреваемых нижних чинов, которое составило 477 человек. В Измайловской богадельне в 1884 г. находилось 16 офицеров и 420 нижних чинов, в 1897 г. их количество возросло до 20 и 444 соответственно. Расходы на содержание инвалидов в богадельнях, как военных, так и гражданских постоянно увеличивались: в 1855 г. они составляли 62459 рублей, в 1865 г. – 102515 рублей, в 1875 г. – 148606 рублей, в 1880 г.- 163636 рублей [483. С.198].

Особо следует выделить оказание помощи семьям и детям генералов и офицеров, погибших в результате военных действий. В целом эта помощь сводилась к трём направлениям: во-первых, назначение пенсий из инвалид-

ного капитала, во-вторых, выдача единовременных пособий, в-третьих, помочь в воспитании детей.

С 1812 г. средства на пенсии вдовам и сиротам выделялись из Государственного Казначейства в размере полного жалованья мужей, с 1819 г. пенсии семьям стали выплачиваться из инвалидного капитала, а с 1822 г. с доходов инвалидного капитала. Размеры пенсий устанавливались по усмотрению Александровского комитета о раненых.

Серьезные изменения в порядке выплаты пенсий из инвалидного капитала семьям погибших, пропавших без вести и умерших от ран происходят после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Эта война так сильно повлияла и на общественное сознание, и на правящие круги, что при Главном Штабе была создана особая комиссия, которая выработала правила признания семей всех офицеров, пострадавших во время и после военных действий 1877-1878 гг. В результате последовал указ императора от 7 февраля 1881 г., по которому было предоставлено право на полную пенсию из инвалидного капитала, независимо от пенсий из казны, семьям лиц, пострадавших во время и после военных действий 1877-1878 гг., а также получивших смертельные ранения [307. Т.55. № 61850]. А с 1883 г. все семьи убитых, умерших от ран и без вести пропавших офицеров, которые лишатся своего главы, получали пенсии из инвалидного капитала в полных окладах, независимо от пенсии Государственного Казначейства.

В связи с этим следует упомянуть, что Свод Военных Положений 1869 г. устанавливал право семей раненых офицеров на получение пенсии из инвалидного капитала только в том случае, если их главы умерли от полученных ран илиувечий, что должно быть подтверждено медицинским свидетельством того врача, который лечил раненого. Таким образом, это создавало дополнительные трудности при назначении пенсии, и не всегда офицерские семьи, потерявшие своих кормильцев, могли доказать своё право на денежное пособие. Поэтому в 1894 г. приказом по военному ведомству № 168 было установлено, что семьи офицеров, причисленных при жизни в 1

классу раненых, после их смерти получали пенсию из инвалидного капитала безусловно, не предоставляя никаких свидетельств [483. С.212].

С начала XIX в. выдача единовременных пособий осуществлялась только сиротам. Удалось зафиксировать, что первая выдача пособия сироте была в 1818 г. с разрешения императора, и размер её был весьма значительным – 6000 рублей. Но определенных правил на выдачу единовременных пособий не было, каждый раз их размер был разным. Помимо единовременных пособий назначались ещё пособия на приданое, но их размер также каждый раз зависел от усмотрения императора. Это объясняется тем, что до 1819 г. источником для выдачи единовременных пособий служили суммы Кабинета Его Величества. Впоследствии единовременные пособия семьям стали выплачиваться из инвалидного капитала, а если речь шла о крупных суммах, то даже из средств Государственного Казначейства.

Помощь в воспитании детей выражалась в определении детей для воспитания в учебные заведения и выдаче пособий на их воспитание. В начале XIX в. в учебные заведения определялись только дочери погибших офицеров. 10 марта 1815 г. с соизволения императрицы Марии Фёдоровны в двух училищах Ордена Святой Екатерины было оставлено несколько мест для сирот офицеров, убитых в сражениях и умерших от ран. А через год, 10 февраля 1816 г. было решено, что Инспекторский Департамент по соглашению с Комитетом о раненых должен был определять в девичье училище Императорского Военно-Сиротского дома дочерей офицеров и нижних чинов, убитых и раненых в Отечественной войне 1812 г. Уже в конце 1816 г. на Комитет была возложена обязанность заботиться о размещении в учебные заведения и дочерей, и сыновей погибших и раненых военных (в том числе и детей нижних чинов). Однако не было выработано правил размещения, поэтому и выбор учебного заведения, и источник содержания ребенка в этом учебном заведении были делом случая. Дети могли содержаться и за казенный счет, и за счет пенсий императора или императрицы, и за счет инвалидного капитала [483. С.82].

В 1827 г. для воспитания дочерей погибших или умерших от ран офицеров был учрежден особый Патриотический институт, окончившим который выдавались «пособия на экипировку». С течением времени в женском образовании встал вопрос о специальном образовании для подготовки девушек к педагогической деятельности. Поэтому с 1 августа 1889 г. в Патриотическом институте был создан педагогический курс из двух классов, на который были зачислены 16 дочерей раненых и погибших офицеров. Начиная с 1889 г., на содержание этого курса из сумм Александровского комитета о раненых выделялось по 7200 рублей в год [308. Т.9. № 6013]. С 1892 г. для 6 стипендиаток в одном из женских институтов были введены Константиновские стипендии, которые выплачивались из сумм инвалидного капитала.

Проанализировав деятельность Александровского комитета о раненых, можно утверждать, что к 1900 г. из инвалидного капитала обеспечивалось воспитание и содержание в разных институтах 200 дочерей погибших офицеров. В том числе 40 дочерей дворян-офицеров, не имеющих собственного состояния, содержалось на средства инвалидного капитала в Ксенинском Институте, учрежденном для неимущих дворян, а 24 дочериувечных офицеров воспитывались за счет средств инвалидного капитала в Александровско-Мариинском институте в Москве. Содержание одной воспитанницы обходилось от 300 до 350 рублей в год.

Влияние русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на дело оказания помощи детям раненых и погибших офицеров в конце XIX в. было настолько сильным, что даже спустя несколько лет после её окончания, в 1896 г. в нескольких женских институтах на средства инвалидного капитала было открыто 40 вакансий для замещения их дочерьми тех штаб и обер-офицеров, раненых в войну 1877-1878 гг., которые не имели собственных средств для надлежащего образования детей [308. Т.16. № 12941].

Необходимо отметить, что для сыновей раненых офицеров был открыт доступ во все кадетские корпуса, причем содержание в них осуществлялось

за счет казны. С введением в 1886 г. положения о кадетских корпусах сыновья раненых офицеров принимались в кадетские корпуса вне конкурса, хотя они должны были выдержать вступительный экзамен. Иногда обучение в кадетских корпусах осуществлялось не за казенный счет, а из средств инвалидного капитала. Так, в 1892 г. в Морском Кадетском Корпусе было введено 6 Константиновских стипендиатов из детей раненых офицеров. В 1898 г. были учреждены четыре Михайловские премии по 150 рублей каждая, по две в Михайловском и Константиновском артиллерийских училищах для сыновей штаб и обер-офицеров, служащих или служивших в артиллерию и пострадавших во время несения службы. Вместе с этими премиями из инвалидного капитала воспитанникам предполагалось выдавать ещё по 100 рублей на экипировку при производстве их в офицеры [308. Т.18. № 15914]. Однако в выпуске 1899 г. обоих артиллерийских училищ был только один юнкер – сын раненого артиллериста, которому была выдана Михайловская премия. Поэтому впоследствии Михайловские премии выплачивались также и сыновьям раненых офицеров не артиллеристов [308. Т.19. № 17877].

Следует упомянуть, что для подготовки несовершеннолетних сыновей убитых и раненых на войне офицеров существовало особое учебное заведение «Школа императора Александра II» [483. С. 165-166]. После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. подготовка сыновей убитых и раненых офицеров для поступления в военно-учебные заведения начала осуществляться силами благотворительности в школе при санкт-петербургском благотворительном дамском кружке, где было открыто 4 стипендии для таких детей с выделением на эти цели ежегодно из инвалидного капитала по 1000 рублей. Но поскольку четырех мест было явно недостаточно, с 1881 г. количество стипендиатов в школе санкт-петербургского дамского кружка было увеличено до 12.

Анализ финансовой деятельности Александровского комитета о раненых позволяет утверждать, что расходы на содержание детей в различных учебных заведениях постоянно росли. Если в 1826 г. на эти цели было выде-

лено 25760 рублей ассигнациями, то в 1835 г. – уже 112803 рубля ассигнациями. В последующие годы отмечается некоторое сокращение расходов на образование детей: в 1840 г. на содержание детей в учебных заведениях было истрачено 29970 рублей серебром, а в 1865 г. – 29219 рублей серебром, но потребности времени оказались сильнее ограничительных указаний, и рост расходов на воспитание сирот офицеров и солдат не только продолжился, но даже ускорился: в 1872 г. на содержание детей в учебных заведениях было потрачено 36465 рублей серебром, а в 1880 г. расходы на эти цели уже составили 92774 рубля серебром [483. С.195].

Необходимо подчеркнуть, что с 1883 г. все дети убитых, без вести пропавших и умерших от ран и отставных раненых офицеров имели право на пособие из инвалидного капитала на воспитание: до 6-летнего возраста – по 50 рублей, с 6 до 12 лет (если не поступят в учебное заведение) – по 80 рублей. В дальнейшем это пособие выплачивалось дочерям, а сыновьям только в том случае, если они не поступят в военные учебные заведения «... по неспособности к военному делу или недостатку там вакансий.» Если дочери военных инвалидов из-за слабой подготовки не принимались в институты, то им выдавалось пособие для продолжения образования дома или в открытых женских учебных заведениях. Обучавшимся в первых трех классах гимназий выплачивалось по 120 рублей, в старших классах и высших учебных заведениях по 180 рублей в год. В 1883 г. на эти пособия из средств инвалидного капитала было выделено 25000 рублей, с 1885 г. эта сумма была удвоена, а с 1889 г. была увеличена до 70000 рублей [483. С.217]. Тенденция к увеличению была характерна и для пособий «... на доставление детей офицеров в учебные заведения...» и на экипировку при выпуске сирот из учебных заведений. Если в 1865 г. на эти цели было выделено 6225 рублей, то в 1895 г. эти расходы составили 18000 рублей [483. С.237].

Следует отметить, что право на пенсию из инвалидного капитала вдовам и семьям низких чинов, убитых и без вести пропавших на войне, а так-

же погибших при исполнении служебных обязанностей в мирное время, возникло достаточно поздно по сравнению с признанием членов семей офицеров-инвалидов. В 1898 г. были введены пособия, размеры которых, по мнению чиновников, должны были полностью обеспечивать семьи, живущие в деревне: вдовы и сироты нижних чинов, получивших первый офицерский или классный чин, получали 90 рублей, вдовы и сироты лиц унтер-офицерского звания по 60 рублей, а рядового звания – 48 рублей в год [308. Т.18. № 15914]. Необходимо отметить, что право на подобную пенсию имели лишь те вдовы и сироты, которые не могли обеспечить себя собственным трудом. Вдовам пенсии назначались в случае болезни, старости, а также если им приходилось ухаживать за малолетними детьми, и это лишало их возможности зарабатывать. Несовершеннолетние сироты имели право на пенсию в случае крайней нужды, а совершенолетние – если страдали тяжкими неизлечимыми болезнями, то есть по сути дела сами являлись инвалидами. Существовало ещё одно ограничение. Нередко многие вдовы получали ежемесячное пособие от казны в размере 3-х рублей, а также многочисленные единовременные пособия из разных источников (например, от земства или городов). Все получаемые вдовой пособия учитывались при назначении пенсий из инвалидного капитала. Таким образом, пенсия выдавалась в размере, дополняющем эти выплаты до полного оклада инвалидной пенсии.

Таким образом, начиная с XVII в. судьба военных инвалидов была объектом внимания русских государей. Признание больных и раненых воинов заключалось в помещении их в богадельни и инвалидные дома, в назначении вознаграждений и пенсий инвалидам и семьям погибших воинов, в отправлении отставных инвалидов на поселение. Начало XIX века стало временем создания Александровского комитета о раненых, организации, вся деятельность которой была направлена на оказание помощи военным инвалидам и их семьям. К 60-м годам XIX века он представлял из себя крупную организацию, членами которой являлись все командующие войсками в военных округах и все генерал-губернаторы в качестве его представителей на

местах [483. С.35 (прил.)]. Это позволяло Комитету осуществлять признание не только в столицах, но и в провинции. Финансовой основой деятельности Комитета стал инвалидный капитал, источниками для пополнения которого были различные вычеты и сборы, установленные в его пользу и закрепленные законодательными актами. Причем Комитет о раненых активно добивался все новых и новых законов в пользу инвалидного капитала.

Александровский комитет о раненых, возникнув как благотворительная организация, во второй половине XIX века попадает в сферу государственного регулирования. Он стал основным правительственным учреждением, которое занималось оказанием помощи военным инвалидам и их семьям после окончания военных действий. Вместе с тем военные кампании последней четверти XIX - начала XX вв., которые принесли человеческие жертвы, вновь актуализировали для государства проблему оказания помощи пострадавшим от военных действий военнослужащим и их семьям. В условиях социальной нестабильности военного времени и ограниченности ресурсов государство, объединяя свои усилия с обществом, обратилось к помощи благотворительности в решении данной проблемы.

К последней четверти XIX в. государству удалось выработать основные виды социальной помощи в отношении больных и раненых воинов и их семей и закрепить их законодательно. Однако не удалось наладить стабильное финансирование признания этой категории нуждающихся. Кроме того, к указанному периоду целостной системы социальной поддержки военнослужащих и членов их семей не сложилось, и огромное количество представителей низших слоев, пострадавших от военных действий, не получали государственной помощи. Ещё заметнее эта тенденция отмечалась на региональном уровне, где солдаты-инвалиды и члены их семей вынуждены были обращаться за помощью к общественным организациям или частной благотворительности.

Благотворительность, как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему», [346.

C.55] складывается на Руси с принятием христианства. В результате того, что в основе оказания помощи сирым и убогим лежали религиозно-нравственные принципы, эта деятельность в Древней Руси сосредоточилась в руках церкви и монастырей. При монастырях и церквях устраивались богоадельни и бесплатные больницы. Осуществление призрения через церковные учреждения существовало вплоть до конца XVII века. Лишь в эпоху царствования Петра I отмечается попытка запретить неразборчивую раздачу милостыни, ограничить контроль церкви над благотворительностью и создать систему общественного призрения, в которой ведущая роль принадлежит государственной власти. В основе этой системы лежал принцип разделения нуждающихся на категории. Такая социальная дифференциация проводилась для того, чтобы предоставить различные виды помощи, среди которых приоритет отдавался призрению в заведениях. В условиях создания регулярной армии, поддержания её боеспособности, а также ведения длительной войны, в результате которой росло числоувечных и нуждающихся, Петр I проявлял особую заботу о призрении воинов.

Необходимо отметить, что благотворительность во время военных кампаний представляет собой особую социальную деятельность. Можно утверждать, что её специфика проявляется не только в четко определенных видах деятельности и её организации, направленных на решение целого комплекса насущных проблем в условиях социально-политической, экономической и внешнеполитической нестабильности, но и в точно очерченном круге объектов и субъектов благотворительной деятельности. Главным объектом благотворительности в периоды войн начиная с XVII в. являлся военный человек, защитник Отечества, пострадавший в результате военных действий, а также его семья. Вместе с тем, организация помощи больным и раненым воинам, а также их социальная поддержка во время и после военных кампаний всегда становилась делом государственной заботы. Отчасти это объясняется специфичностью этой категории нуждающихся, так как воен-

ные чаще оказывались в сложной жизненной ситуации в результате служения государству.

Несомненно, что во время военных кампаний приоритетной становится не столько социальная поддержка больных и раненых воинов, сколько медико-санитарная помощь. До середины XIX в. в силу отсутствия четкой организации, эффективного управления, достаточных финансовых средств медико-санитарная помощь раненым во время войн в целом оказывалась слабо, а некоторые направления, такие как оказание первой медицинской помощи раненым, их эвакуация с поля боя, отсутствовали. Основной причиной, как представляется, было то, что случаи помощи больным и раненым воинам во время военных кампаний в виде пожертвований от частных лиц носили единовременный и спонтанный характер, в силу чего такая несистемная и хаотичная благотворительность была недостаточно эффективной. В середине XIX в. социально-экономическое развитие государства, сопровождавшееся участившимися военными конфликтами и развитием военной техники, требовало сокращения людских потерь в ходе ведения боевых действий, что привело к появлению в России учреждения, главная задача которого заключалась в организации помощи пострадавшим во время военных действий. При этом большое значение в осуществлении благотворительной помощи в периоды военного времени и в деле ухода за ранеными и больными воинами имело активное участие общественных сил, что объясняется рядом причин.

Во второй половине XIX в. благотворительность становится важной сферой общественной жизни России. Российское общество начинает активно интересоваться общественной и политической жизнью страны. «К этому привели такие общественно-государственные явления, как например, развитие грамотности, сопровождавшиеся открытием 23 тысяч народных школ, где обучается около 1 миллиона детей простого народа, увеличением числа высших общеобразовательных и специальных заведений и открытием женских курсов и гимназий... Устройство школ и других учебных заведений

увеличило число грамотных, читающих и интересующихся современными событиями, число женщин, способных быть знающими сестрами милосердия и сиделками, подготовленными к уходу за больными и ранеными...» [359. С.5]. Большое значение для привлечения общественной инициативы к благотворительной деятельности имели реформы 1860-1870-х годов, среди которых наиболее значимыми для развития сферы общественного признания, несомненно, являлись земская и городская реформы, а также развитие периодической печати.

Кроме того, 60-е годы XIX в. отмечены изменениями в области законодательства в сфере благотворительной деятельности как внутри страны, так и на международной арене. Прежде всего, в указанный период происходит изменение российского законодательства в сфере общественного признания, которое перестает быть запретительным и становится регистрационным [486. С. 254]. Принятие закона 1862 г., по которому право утверждения уставов новых благотворительных обществ предоставлялось министерству внутренних дел, привело к росту числа подобных обществ и заведений в результате ускорения процедуры их регистрации, что стимулировало развитие благотворительности [486. С. 152].

В сфере международного права в 1860-е годы также произошли изменения, повлекшие за собой развитие общественной благотворительности в ряде европейских государств в отношении больных и раненых воинов во время военных кампаний. Речь идет о заключенной в Женеве 22 августа 1864 г. конвенции об облегчении участии раненых во время войны, а также о декларации, сущность которой заключалась в том, что «...за силою означенной конвенции походные лазареты и военные госпитали с содержащимся в них личным составом и имуществом должны признаваться нейтральными и на этом основании почитаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон во все время, пока в них находятся больные и раненые» [217. Л.18об.-19]. В государствах, присоединившихся к женевской конвенции, стали возникать общества и союзы, нацеленные на оказание по-

мощи раненым во время войны. Например, в Германии в 1866 г. были основаны «Союз попечения о раненых и больных во время войн» и «Женский союз в пользу Отечества», объединившиеся в 1878 г. [408. С.1616]. Практика соседних европейских государств по созданию частных обществ для облегчения участия и помощи жертвам войны, особенно Пруссии, была принята в России. 3 мая 1867 г. устав нового Общества был вынесен на рассмотрение Государственного Совета и утвержден императором, а 18 мая 1867 г. Общество попечения о раненых и больных воинах (далее - Общество) собирается на первое общее собрание [335. С.226]. В 1879 г. Обществу было присвоено название «Российское общество Красного Креста», и к концу XIX столетия оно становится одним из крупнейших общественных благотворительных организаций. (Положением Комитета министров от 20 июля 1879 г. Обществу попечения о больных и раненых воинах было присвоено название «Российское Общество Красного Креста» [164. Л. 58]). Следует отметить, что идея создания общества и её реализация принадлежала представителям высшей аристократии, приближенным к императрице. Супруга императора Александра II лично стала покровительницей нового общества. В силу того, что в России в указанный период отсутствовала государственная система социальных институтов с регулярным финансированием, решение социальных конфликтов в обществе, в том числе помочь раненым военным и их семьям, брали под свою личную опеку представители правящей династии. Одновременно растущая активность общественного элемента в сфере благотворительности позволяла обеспечивать социальную поддержку пострадавших во время войн достаточно оперативно, практически не обращаясь к финансовым ресурсам государства. Такой синтез государственного и общественного элементов проявился в организационной форме Общества попечения о раненых и больных воинах, сочетавшей в себе полуобщественный и полубюрократический характер. С одной стороны, этот принцип позволял государству решать достаточно острые социальные проблемы, возникавшие в военные периоды, используя при этом финансовые средства частных лиц, а так-

же имея возможность контролировать и управлять общественной инициативой. С другой стороны, практическая деятельность Общества попечения о раненых и больных воинах привлекала широкие социальные слои населения и достигла наилучших результатов в сфере благотворительной помощи больным и раненым воинам и их семьям в периоды военных кампаний.

Устав Общества попечения о больных и раненых воинах определял главную цель его деятельности как содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами, и оказание не только врачебной, но и любой другой помощи в этом деле. Именно поэтому первоначально Главное управление отмечало, что «...даже желающие принять участие в деятельности Общества смешивают его нередко с существующим правительственным учреждением – Комитетом о раненых...» [217. Л.18]. В мирное время Общество должно было помогать пострадавшим от неурожаев, пожаров, эпидемий и различных социальных бедствий. Чтобы показать своё отличие от Александровского комитета о раненых, подчеркивалось, что «Общество есть учреждение вполне народное, созданное по доброй воле всех своих участников, при содействии Правительства, для совмещения и распределения всенародной помощи Правительству во время войны» [231. Л.1]. Поэтому оно осуществляло свою деятельность «...по мере средств и возможности...», тем самым, подчеркивая свой общественный, добровольный характер [343. С.295]. Осознание того, что размах и успех деятельности Общества будет напрямую зависеть от привлечения большого количества представителей различных слоев общества, заставило Главное управление «...принять меры к распространению сведений об учреждении Общества, о его цели и условиях существования...» [217. Л.18] через знакомство с Уставом Общества и примерами деятельности подобных обществ в других городах в периодической печати. Поскольку свой печатный орган у Общества, журнал «Вестник народной помощи», начал выходить в июне 1877 г., в конце 60-х годов XIX в. члены Главного управления Общества «...решили обратиться с просьбой в редакции правительственных и частных журналов,

чтобы напечатать Устав Общества, а также в календарях, памятных книжках и других повременных изданиях» [217. Л.18].

Наряду с этим, чтобы «...расширить круг своего влияния и своей деятельности...» Общество приступило к созданию целой сети местных управлений в ряде губерний Российской империи. Для образования местного управления Общества было необходимо, чтобы «...число членов обоего пола всех наименований достигнет до 30, и когда на открытие получится разрешение Губернатора» [343. С.296]. Этот процесс сопровождался ростом популярности этой общественной благотворительной организации, что выражалось в «...распространении сведений об учреждении Общества, о его цели и условиях существования» [217. Л.18].

Можно считать, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. организационной и направляющей силой для общественной инициативы в деле призрения являлись общественные благотворительные организации, крупнейшей из которых было Общество попечения о больных и раненых воинах, известное с 1879 г. как Российское общество Красного Креста. «Российское Общество Красного Креста, как постоянно действующая общественная организация, созданная специально для правильной постановки общественной помощи в деле ухода за больными и ранеными, выступило...объединителем и руководителем всех общественных корпораций, кружков, отрядов и т.п. общественных организаций, создавшихся для оказания помощи больным и раненым...» [340. С.1253]. Прежде всего, это объясняется целью Общества «...содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами и доставлять им по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода вспомоществования...» [343. С. 295].

Необходимо отметить, что основными принципами деятельности Общества в периоды военных кампаний были оперативность и централизация в организации благотворительной деятельности местных провинциальных управлений и комитетов. Можно утверждать, что реализации этих принци-

пов способствовало присутствие во время военных действий при армиях и фронтах уполномоченных РОКК, «...снаженных средствами помощи раненым и больным воинам и другим потерпевшим лицам» [343. С. 296]. Именно они организовывали деятельность по оказанию помощи больным и раненым воинам на фронтах, а также информировали специально созданную на время войн Исполнительную комиссию Главного управления о том, что требовалось на театре военных действий для оказания эффективной помощи пострадавшим военным. Эта информация рассыпалась в виде циркуляров Главного управления и доходила до населения губерний Российской империи через местные управление и комитеты РОКК.

Таким образом, благотворительность как вид помощи нуждающимся, проявления сочувствия к ближнему стала нравственным принципом благодаря христианству. Дело признания как неимущих вообще, так иувечных воинов в частности, до конца XVII в. находилось в руках церкви. В эпоху Петра I отмечались попытки придать общественному признанию организованный вид. Особой заботой государя были окруженыувечные воины, выполнившие свой долг в условиях длительной войны.

Тем не менее, общественное признание и благотворительность в отношении пострадавших военных начали приносить ощутимые результаты лишь во второй половине XIX в. Они были связаны с активизацией общественных сил, появлением Общества попечения о больных и раненых воинах и организационным оформлением общественного признания в отношении военнослужащих. Несомненно, росту общественной инициативы в деле признания военных способствовали, с одной стороны, развитие образования и периодической печати, проведение земской и городской реформ, с другой стороны, изменения в российском законодательстве в сфере признания и благотворительности, а также нововведения в области международного права. Принципиально важным было формирование особого мировоззрения в обществе, когда участвовать в деле признания и быть членом благотвори-

тельного общества стало престижно в обществе, и благотворительность воспринималась как социально одобряемая деятельность.

1.2. Актуализация социально-исторических, организационных и финансовых основ общественного признания в России последней четверти XIX - начала XX вв.

Проблемы общественного признания и благотворительности наиболее активно начинают изучаться не только учеными и государственными служащими, но и представителями общественности во второй половине XIX – начале XX вв. В своих работах В.И. Герье, С.К. Гогель, Р.Ф. Дерюжинский, П.И. Георгиевский, Е.Д. Максимов и другие [447; 448; 449; 446; 468] не только рассматривали историю становления и развития, проблемы и особенности российской системы признания, но и пытались найти способы её совершенствования. Большинство авторов, с одной стороны, признавало возможным использование в России западноевропейского опыта организации этой деятельности, а с другой стороны, высоко оценивало те успехи, которых достигли органы земского самоуправления в данном деле. Так, В.Ф. Дерюжинский не только делает обзор состояния общественного признания в России, но и анализирует законодательство в этой сфере. Интересным является представленный в работе «Заметки об общественном признании» западноевропейский опыт благотворительности [449]. При этом автор обращает особое внимание на те формы признания западных стран, которые можно применить в российской действительности. Ученый разделяет понятия «организованная система общественного признания» и «частная благотворительность».

Для решения задач нашего исследования важно обратиться к трудам видного ученого и государственного деятеля XIX в. В.И. Герье подробно проанализировал организацию признания в таких западных странах, как Англия, Франция, Германия, на основе чего выделил характерные особенности дела признания этих стран, а также рассмотрел теорию общественного признания [447]. Ученый обосновал необходимость государственной помо-

щи, как одного из «благ современной жизни». В.И. Герье определил государственное признание как признание осуществляемое "на средства казначейства и посредством органов, назначаемых администрацией и независимых от общин и местного населения" [447. С.73]. Анализ дела признания в России позволил автору выделить недостатки и разработать рекомендации для этой сферы деятельности в России. По мнению Герье, обязанность по признанию должна оставаться в ведении земств и городов, но для создания системы общественного признания необходимо создать особые земские благотворительные органы, определить их обязанности и обозначить источники средств.

Как показывают труды Е.Д. Максимова, посвященные анализу организации общественного признания, его направлений и форм, существовавшего российского законодательства в области общественного признания, а также деятельности земств и городского самоуправления по признанию и оказанию медицинской помощи [466; 467; 468; 469], в развитии общественного признания можно обнаружить этапы, характеризующие историю возникновения и практическую деятельность различных благотворительных ведомств и учреждений. Изучая постановку частной благотворительности в России [524], Е. Максимов представляет подробную классификацию благотворительных заведений, анализирует их деятельность и финансовое положение. Исследуя формы частной благотворительности и их развитие, автор делает вывод о том, что для правительства частная благотворительность являлась прогрессивным элементом общественной жизни. По мнению Е. Максимова, стремлением правительства сдерживать общественную инициативу объясняется существование огромного количества условий, закрепленных в законодательстве и препятствующих развитию частной благотворительности.

При изучении земской деятельности в сфере общественного признания [468] автор отмечает значительные заслуги земства в области признания и подтверждает их богатым фактическим материалом. Однако для достиже-

ния большей эффективности в деле общественного признания обязанности должны быть распределены между земствами, городскими обществами и государством. Отметим, что Е.Д. Максимов в этой работе по-новому подходит к вопросу о роли государства в организации общественного признания. Он справедливо утверждает, что признание должно быть важной функцией государственного управления. Государство должно не только следить за развитием дела признания, но и оказывать помощь в тех случаях, когда земства не в состоянии прийти на помощь.

Значительный интерес представляет статья Е.Д. Максимова «Статистические и финансовые вопросы общественного признания» [526], в которой показано, как на основе статистических данных о количестве и составе нуждающихся по отдельным земским губерниям России, возможно определить круг лиц, нуждающихся в признании, выработать способы оказания помощи, которые практикуются в обществе, а также проанализировать последствия отсутствия системы общественного признания. Отмечая государственную важность признания, автор одновременно рассматривает обязанности различных общественных союзов в деле оказания помощи нуждающимся. По мнению Е.Д. Максимова, оценить количество лиц, нуждающихся в признании, представляется необходимым и важным, поскольку позволяет, во-первых, определить средства, необходимые для постановки дела общественного признания, а, во-вторых, адекватные способы и формы оказания помощи.

На рубеже XIX – XX вв. появилось большое количество обобщающих работ по благотворительности, в которых рассказывалось об истории крупных российских благотворительных организаций и учреждений, основных направлениях и результатах их деятельности [335; 441; 438]. Поставленные в нашем исследовании задачи заставили обратиться к фундаментальному труду «Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России», созданном под редакцией П.И. Лыкошина [335], который посвящен общим вопросам и особенностям госу-

дарственного и частного признания, а также организации признания отдельных категорий нуждающихся. Наряду с различными благотворительными организациями в этой работе уделяется внимание Российскому обществу Красного Креста, истории его создания, основным направлениям деятельности этой организации, а также её финансовому положению. В работе проводится мысль о том, что признание приобретает общественный характер с периода буржуазных реформ 60-70-х годов XIX века. Интересно отметить, что, разделяя нуждающихся на категории и выделяяувечных в отдельную категорию, автор подчеркивает необходимость организации совместной помощи для них и со стороны государства, и со стороны общества.

Наряду с тем, что проблемы признания и благотворительности рассматривались учеными и общественными деятелями второй половины XIX - начала XX вв., некоторые направления этой деятельности не нашли своего отражения в их работах. Не рассматривалась деятельность общественных организаций по оказанию помощи военнослужащим и их семьям в мирное время в российской провинции, на примере отдельных губерний, а вопросы оказания помощи больным и раненым воинам в военные периоды хотя и освещались в отчетных материалах и в периодической печати, но не подвергались глубокому анализу и изучению.

Наше исследование восполняет значительный пробел в современном гуманитарном знании, поскольку за весь советский период не вышло ни одной работы, посвященной изучению отдельных направлений благотворительной деятельности, её становлению и развитию, анализу причин расцвета общественного признания на рубеже XIX - XX веков и многим другим аспектам такого сложного и многогранного социального явления, как благотворительность. В советской историографии можно отметить лишь работы по истории Общества Красного Креста [429], поскольку эта организация продолжала существовать и в советский период. Вместе с тем, в этих работах доминировал классовый подход, с точки зрения которого резко негативно оценивалась благотворительная деятельность русской аристократии. По

мнению авторов, прикрываясь общепризнанными гуманными задачами Российского общества Красного Креста, царь и члены царской семьи «имели возможность рядиться в тогу филантропов, выставлять напоказ широким слоям населения и мировому общественному мнению своё «милосердие», которым, как хорошо известно из истории, на самом деле царь и члены царской семьи, крупные капиталисты и другая знать никогда не отличались» [429. С. 26].

В ходе нашего исследования было важно обратиться к изучению работ таких ученых, как Л.Н. Семёнова, А.П. Боханов, П.В. Власов [479; 442; 444; 445]. Исследуя петровские реформы через призму социальных и классовых отношений, а также рассматривая проблемы семьи, взаимоотношения церкви и личности, Л.Н. Семёнова не могла не коснуться такой проблемы как помочь нищим в начале XVIII века. Причем рассматриваются отношения к «божьим людям» как правящих кругов, так и простых людей. Представляя краткий обзор благотворительности в допетровской России и в период дворцовых переворотов, автор приходит к выводу, что в России допетровской эпохи преобладала церковная благотворительность, и лишь к концу Северной войны начинает складываться система общественного признания, в которой главная роль принадлежала государству.

Несомненного внимания в рамках нашего исследования заслуживает монография А.П. Боханова «Коллекционеры и меценаты в России» [442], поскольку автор обращает особое внимание на роль государства в деле благотворения, которая выражалась в стимулировании и поощрении участия со стороны государства граждан в деле признания. Считая благотворительность «государственным делом», власть вкладывала в эту сферу минимум финансовых средств и при этом максимально контролировала деятельность общественных благотворительных организаций и частных лиц. Оценивая причины благотворительной деятельности, А.П. Боханов считает, что они носили традиционный религиозный характер и диктовались внутренней потребностью «пособить сирым и убогим», что приводило к выделению

средств частными лицами на нужды благотворительных учреждений. Давая общую оценку сущности российской благотворительности конца XIX – начала XX века, автор оценивает её как типичную форму буржуазной благотворительности, отличавшуюся от обычной подачи милостыни лишь своими масштабами. Хотя выводы данного исследования сделаны с позиций классового подхода, несомненным достоинством этой работы является то, что автор впервые ввел в научный оборот ценный фактический материал.

При описании деятельности отдельных представителей московского купечества и дворянской аристократии в работе П.В. Власова [445] на первый план выступает анализ их благотворительных деяний. На богатом фактическом материале автор не столько анализирует причины, сущность, особенности, достоинства и недостатки благотворительности, сколько пытается «...напомнить о забытом, воссоздать его, вывести из забытья имена тех, кто своими делами и поступками показал, что значит истинная милость сердца» [445. С. 5].

В целом историография по проблемам благотворительности конца 80-х – начала 90-х годов XX века характеризуется большим количеством публикаций, посвященных благотворительной деятельности российского купечества и дворянства, а также рассмотрением отдельных направлений российского дореволюционного признания. Однако такое направление как помочь больным и раненым воинам в военное время последней четверти XIX – начала XX вв. оставалось за пределами внимания исследователей.

Появление новых подходов в анализе и понимании социально-экономических, социально-политических, социально-исторических и социокультурных процессов сопровождалось альтернативностью в методологии и переосмысливанием проблем российской благотворительности XIX – начала XX веков в 90-е годы XX века.

Большое значение с точки зрения постановки проблем благотворительности и выработки подходов для их решения имеют работы Г.Н. Ульяновой [485; 486; 538; 539; 540; 541; 542; 543; 544; 545], которая в моногра-

фии «Благотворительность в Российской империи, XIX - начало XX века» рассматривает формирование законодательной базы благотворительности и её эволюцию, в результате которой благотворительность постепенно перемещалась в сферу компетенции местного самоуправления. Впервые в работе благотворительность рассматривается не только как социальное явление, но и как экономический феномен. В исследовании проводится статистический анализ пожертвований и капиталов благотворительных учреждений, а также рассматриваются региональные особенности благотворительной деятельности. Г.Н. Ульянова рассматривает структуру, механизмы и мотивацию благотворительности, как средство самоорганизации и самоопределения прогрессивных слоев российского общества. Автор приходит к выводу, что в Российской империи, где степень централизации власти была достаточно высокой, независимые благотворительные учреждения выступали в качестве элементов формирующегося гражданского общества.

Для решения поставленных в нашем исследовании задач было важным обратиться к работам А.Р. Соколова [433; 480; 481], в которых проанализированы основные публикации по истории системы государственного и общественного признания, благотворительной деятельности и благотворительных учреждений Российской империи. Обращаясь к истории всероссийских благотворительных обществ, автор уделяет внимание рассмотрению деятельности Российского общества Красного Креста в периоды войн и социальных бедствий и Александровского комитета о раненых. Обращение к вопросу оказания социальной помощи военнослужащим, пострадавшим в ходе военных действий, позволяет рассмотреть проблему взаимодействия государства и общества в сфере благотворительности. В итоге, анализ дореволюционной литературы о благотворительности дает автору основание говорить о масштабности благотворительности как особой социальной деятельности в дореволюционной России. Однако в условиях отсутствия государственной социальной службы множество социальных проблем невозможно было решить только за счет благотворительности.

Тема оказания помощи больным и раненым воинам во время войн конца XIX - начала XX вв. связана с проблемами подготовки и деятельности медицинского и санитарного персонала в тыловых и прифронтовых госпиталях и лазаретах. Большая работа в этом направлении в указанный период проводилась в общинах сестер милосердия. Кроме того, многие общины создавались и действовали под эгидой общества Красного Креста. Таким образом, работы, посвященные истории создания и деятельности общин сестер милосердия во второй половине XIX - начале XX вв., можно причислить к историографии по проблемам признания и благотворительности в отношении военнослужащих, пострадавших на войне.

Особый интерес для обозначенной проблемы исследования представляют сведения о деятельности общин сестер милосердия в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., которые содержаться в работе А.В. Постернака, посвященной истории общин сестер милосердия [475]. Автор отмечает положительный эффект деятельности сестер милосердия в военные периоды конца XIX - начала XX вв., связанный с медико-санитарной помощью больным и раненым воинам. С другой стороны, он обращает внимание на сложности во взаимоотношениях общин и госпитального начальства, отсутствие социального обеспечения сестер милосердия после завершения службы в общине, особые правила для общинных сестер, ограничившие их личную свободу. Отмечая в целом положительные результаты деятельности общин по оказанию санитарной помощи раненым военным, А.В. Постернак приходит к выводу, что к началу XX в. «общины становились единственными массовыми организациями, в которых готовился средний медицинский персонал», что привело к утрате ими «принципа общинности», который «более того, стал сдерживать развитие среднего медицинского образования» [475. С.112]. По мнению автора, фактическое бесправие в общинах сестер, обязанных соблюдать «полумонашеское послушание настоятельнице», отсутствие системы социального обеспечения сестер, утративших трудоспособность, а также бедственное

финансовое состояние общин к началу XX в. приводило общины сестер милосердия Красного Креста и к нравственному, и к материальному упадку [475. С.117].

К аналогичным выводам приходит в своей работе исследователь Е.Н. Козловцева [464], которая считает, что к началу XX в. произошло изменение основных принципов деятельности общин и других общественных благотворительных организаций, в связи с чем служба сестер милосердия в глазах общественности воспринималась не как христианское служение ближнему, а все больше стала сводиться к простому выполнению обязанностей медицинской сестры.

Далее мы обратимся к вопросам истории медицины и традиций благотворительности в отечественной медицине конца XIX – начала XX вв., которые стали отдельным направлением в историографии благотворительности в целом и проблемы оказания помощи военному и гражданскому населению во время и после военных конфликтов и социальных бедствий конца XIX – начала XX века в частности. История становления, причины, формы и методы признания в российской медицине стали предметом исследования Б.М.Нувахова «Странноприимный дом: традиции российского милосердия, XVIII – XX вв.» [471]. В исследовании в историческом контексте обобщаются практические и теоретические аспекты милосердия и благотворительности в отечественной медицине, выявляются характерные особенности развития этого социального феномена, прослеживается увеличение количества благотворительных обществ и учреждений в течение трёх веков. Автор приходит к выводу о том, что благотворительность в сфере медицины зависит от ряда экономических, социальных, культурных факторов, а также от уровня развития общества и политики государства. Тема благотворительности в российской медицине не утратила свою актуальность и в настоящее время. Традиции признания в деле оказания медицинской помощи остаются предметом современных исследований, таких как статья О.В. Емельянова

«Традиции благотворительности и попечительства в истории российской медицины» [512].

Изучение обширного корпуса литературы, посвященной истории российской благотворительности, позволяет установить, что социальная поддержка больных и раненых воинов, а также членов их семей в периоды военных кампаний осуществлялась в рамках общественного признания и благотворительности. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что войны, которые Россия вела в последней четверти XIX - начале XX вв., оказывали влияние на все сферы общественной жизни России в целом и губерний Центральной промышленной области в частности, в том числе и на общественное сознание российской провинции. Впервые общество начинает широко, активно и организованно оказывать помочь воюющей армии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Во время последующей русско-японской военной кампании 1904-1905 гг. эта деятельность осуществлялась с использованием опыта, приобретенного в ходе предыдущей войны, одновременно большое внимание уделялось различным видам общественного признания в отношении военнослужащих, пострадавших от войны, и их семей.

Как показывает изучение архивных материалов по организации признания и благотворительности, оказание общественной помощи военным осуществлялось под руководством общероссийской общественной организации Общество попечения о больных и раненых воинах, которая имела свои региональные управления и на территории губерний Центральной промышленной области. Эти благотворительные организации на местном уровне накопили определенный опыт к началу русско-турецкой войны 1877-1878 гг., поскольку начали свою деятельность почти одновременно с созданием общероссийского Общества попечения о больных и раненых воинах. Так, в Ярославской губернии открытие местного управления Общества было связано с «...распространением в Ярославской губернии сведений, что в России по примеру других государств образовалось частное Общество попечения о раненых и больных воинах, что императрица стала его покрови-

тельницей, что Устав Общества ... был утвержден императором...» [217. Л. 121]. Это привело к тому, что к маю 1868 г. губернатор получил 445 заявлений от частных лиц с просьбой открыть местное управление в губернии и денежные пожертвования на сумму 1798 рублей 4 копейки [217. Л. 122]. Следует отметить, что учредителями Ярославского местного управления стали представители дворянства и купечества (29 человек принадлежали к благородному званию и 27 были представителями купеческого сословия). Это объясняется стремлением наиболее имущих слоев населения российской провинции поддержать инициативу правящей власти и быть сопричастными социально одобряемому делу. Губернии Центральной промышленной области стали одними из первых, где появились местные управления Общества, и стала осуществляться его деятельность. Так, Владимирское, Ярославское и Костромское местные управления Общества попечения о больных и раненых воинах были открыты соответственно в 1867 г., 1868 г. и 1869 г., то есть практически вслед за учреждением самого Общества [217, Л.18; 216. Л. 1; 436. С.171]. Этому способствовали, во-первых, географическая близость указанных губерний к столице, где появилось Общество и действовало его Главное Управление, во-вторых, наличие в указанных губерниях материальных и людских ресурсов, которые желали и могли осуществлять подобную деятельность, и, наконец, готовность общественного сознания в российской провинции воспринимать эту деятельность как общественное благо.

Следует отметить, что показательной является динамика численности провинциальных местных управлений Общества. Она отражает отношение различных социальных слоев к деятельности Общества и показывает степень его популярности и востребованности. Рассмотрим динамику численности ярославского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах (после 1879 г. – общества Красного Креста). Так, при создании местного управления в Ярославской губернии в 1868 г., когда организация подобных обществ в Российской провинции поощрялась и пропаган-

дировалась властью, ярославское Общество попечения о больных и раненых воинах насчитывало 56 учредителей, 173 действительных члена и 216 членов-соревнователей [218. Л. 122]. В начале 70-х годов XIX в. его численность неуклонно сокращается: в 1872 г. - 53 учредителя, 131 действительный член и 220 членов-соревнователей [220. Л. 38], в 1875 г. – 44 учредителя и 65 действительных членов и членов-соревнователей [227. Л.11]. Такое резкое сокращение было связано, прежде всего, с тем, что в начале 70-х годов XIX в. не существовало потребности в масштабной деятельности со стороны провинциальных управлений Общества. Это, в свою очередь, приводило к отказу от уплаты членских взносов. Членство в данной общественной благотворительной организации предполагало ежегодную уплату членских взносов: 10 рублей для учредителей и действительных членов и 3 рубля для членов-соревнователей, а «...те из них, которые ... не позаботятся уплатить в нынешнем году следующие за ними деньги, Общество при будущем своем собрании не применет исключить их из своей среды, с опубликованием о том в местной газете» [218. Л. 23]. Следует отметить, что в начале 70-х годов XIX в. количество тех, кто не платил членские взносы увеличивается. Если в 1869 г. ежегодные выплаты в пользу Общества не сделали 3 учредителя и 35 действительных членов, то число не заплативших членские взносы в 1870 г. составило 6 учредителей и 44 действительных члена, в 1871 г. 8 учредителей и 61 действительный член, в 1872 г. 28 человек среди учредителей и 104 человека среди действительных членов [218. Л. 1]. Примечательно, что в данных условиях в указанный период деятельность местных управлений Общества в губерниях Центральной промышленной области сводилась к сбору членских взносов и кружечных пожертвований.

Интересно отметить, что Общество попечения о больных и раненых воинах было создано для того, чтобы во время войны помогать военной администрации в уходе за больными и ранеными воинами и «доставлять им по мере средств своих как врачебное, так и всякого рода вспомоществование» [164. Л.58.]. В мирное время эта организация должна была сосредоточиться

на оказании помощи пострадавшим от общественных бедствий. В связи с этим не представляется возможным утверждать, что на рубеже 60-70-х гг. XIX в. на региональном уровне Общество принимало участие в деле признания военнослужащих. В этот период местные управлении данной организации занимались преимущественно сбором средств для оказания помощи мирному населению, пострадавшему от стихийных бедствий. Так, в декабре 1873 г. Главное Управление обращается ко всем местным управлением Общества организовать сбор средств для оказания помощи жителям Самарской губернии, пострадавшим от неурожая. Несмотря на то, что подобная деятельность не была связана с признанием больных и раненых воинов, т.е. не отражала главной цели функционирования Общества, всё же, по мнению его руководства, «...такая деятельность Общества во время мира может содействовать к упрочению связи всего населения с Обществом и сочувствия к его человеколюбивой деятельности» [225. Л.1]. В Ярославской губернии сбор пожертвований в пользу пострадавшего от неурожая населения Самарской губернии проводился при помощи предводителей дворянства, городских голов, председателей губернской и уездных земских управ, исправников, полицмейстеров, волостных правлений [225. Л. 3]. Участие в этом деле представителей местной власти позволило придать ему масштабность на региональном уровне и с декабря 1873 г. по июнь 1874 г. собрать 99 пожертвований на общую сумму 4358 рублей [посчитано по: 223. Л.1-19 об.].

В конце 60-х - начале 70-х годов XIX в. Общество попечения о больных и раненых воинах, активно создавая местные управлении в провинциальных городах, пыталось «...постоянно поддерживать и усиливать участие к нему публики, чаще напоминать ей о существовании Общества и знакомить её с ходом его деятельности и с теми вопросами, которые его занимают...» [217. Л.21]. Однако, в российской провинции дворянство, купечество, военные и гражданские служащие, став инициаторами создания местных управлений Общества попечения о больных и раненых воинах в своих губерниях, не находили для себя постоянной и широкой деятельности в рам-

ках данной благотворительной организации в указанный период, что выражалось в сокращении численности Общества на местном уровне и сведению деятельности к сбору членских взносов. Вместе с тем, в указанный период отмечается низкая активность Общества и его губернских управлений (либо полное отсутствие активности) среди широких слоёв населения провинциальных губерний. Тем не менее, возникновение ситуаций, требующих активных действий и конкретных поступков от членов местных управлений Общества, приводило к расширению их деятельности, что демонстрирует готовность провинциального общества к участию в деле общественного признания в периоды социальной нестабильности. Особенно ярко эта тенденция проявилась во время войн последней четверти XIX – начала XX вв. При этом растущая общественная инициатива в этом деле сочеталась с мерами государственной помощи.

Важное значение для формирования организационных основ общественного признания военнослужащих в военное время, определения источников сбора финансовых средств, складывания принципов медико-санитарной благотворительной помощи больным и раненым воинам и формирования в общественном сознании положительного отношения к участию в деле общественного признания в военные годы имела деятельность Общества попечения о больных и раненых воинах по оказанию помощи пострадавшим в ходе восстаний и боевых действий на Балканах в 1875-1876 годах. Несмотря на то, что эта деятельность не предполагала оказание благотворительной помощи русским военнослужащим, она заслуживает особого внимания. Необходимость обращения к рассмотрению этой темы в рамках изучения проблем общественного признания русских военных обусловлена рядом причин. Во-первых, это был первый опыт благотворительной деятельности для Общества попечения о больных и раненых воинах по случаю войны. Во-вторых, в рамках организации помощи балканским славянам Общество попечения о больных и раненых воинах приобрело ценный опыт по оказанию медицинской помощи пострадавшим в ходе боевых действий, которая выра-

зилась в отправке на Балканы медицинского персонала, медикаментов и перевязочных средств. В-третьих, сбор пожертвований для оказания помощи славянам Балканского полуострова через систему региональных управлений Общества попечения о больных и раненых воинов стал социально одобряемой деятельностью, в которую включились представители всех слоев российского общества. Подобные тенденции можно проследить в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Это дает основания утверждать, что принципы деятельности, выработанные Обществом попечения о больных и раненых воинах при оказании помощи балканским славянам в середине 70-х гг. XIX в., стали ценным опытом, который был использован в деле призыва русских военнослужащих в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В середине 70-х годов XIX века не только столица, но и провинция чутко реагирует на события, происходившие в эти годы. Восстания славян Балканского полуострова против турецкого владычества глубоко затронули российское общество. “...Пожертвования приняли размеры небывалые. Со всех сторон посыпались и мелкие и крупные лепты, с целью доставить Сербам средства на войну с Турками. Кроме того, в Сербию отправились по одиночке несколько офицеров, медиков и добровольцев... Славянское дело...сделалось родным русским делом. Чувство милосердия и живая вера была чистым источником движения, могучею волной охватившего русский народ и подвигшего его на помочь страдающим братьям его во Христе...” [423. С. 249]. Стремление помочь братским славянским народам Балканского полуострова было свойственно не только наиболее состоятельным предпринимательским кругам провинции, которые традиционно были вовлечены в благотворительную деятельность, но и другим слоям общества. Даже до крестьян доходили «...известия о борьбе славян с турками...благодаря рассказам проезжих и деревенских грамотеев» [413. С. 231]. Корреспондент газеты «Новое Время» писал: «Крестьяне видят в восстании славян борьбу за веру и выражают желание принести свою лепту своим единоверцам» [413. С. 231].

В российской провинции помочь жертвам восстания в Боснии и Герцеговине выразилась в сборе денежных и материальных пожертвований, который осуществлялся двумя путями. Со стороны местных провинциальных управлений Общества в октябре 1875 г. была открыта подписка на добровольные пожертвования в пользу пострадавших славян Балканского полуострова. При этом подчеркивалось, что «...это денежное пособие должно составляться из пожертвований и другого рода денежных сборов, производящихся исключительно с целью оказать помощь раненым и больным на Балканском полуострове» [226. Л.2]. Большей частью эти пожертвования делались членами местных управлений Общества, а также работниками предприятий и учреждений, организованно перечислявших часть своего заработка в пользу Балканских славян [230]. В 1876 г. Костромской Общественный Клуб пожертвовал средства на снаряжение санитарного отряда в Сербию. Это пожертвование было настолько значительным, что полностью не было израсходовано. На январь 1877 г. от этой суммы оставалось 535 рублей 67 копеек [71. Л. 3]. 29 ноября 1876 г. Костромская городская дума выразила желание жертвовать на санитарный отряд в действующую армию в Сербию единовременно 2000 рублей и ежемесячно 1300 рублей [71. Л. 37]. Но были и частные лица, которые «...желали принести свои личные посильные жертвы» [226. Л. 3]. Так, 18 августа 1876 г. в Ростовском уезде Ярославской губернии дочерью полковника Е.Э. фон Паприц был дан концерт в зале Военного собрания 35 артиллерийской бригады, средства от которого в размере 111 рублей были пожертвованы в пользу пострадавших славян Балканского полуострова [226. Л.188]. Инженер статский советник Лялин из Мышкина Ярославской губернии в 1876 г. лично собрал в пользу славян Балканского полуострова денежные пожертвования 2054 рубля 96 копеек [163. Л. 3 об.]. Жители Городецкой волости Мологского уезда Ярославской губернии пожертвовали 101 рубль 59 копеек «в пользу раненых и больных воинов сербской армии» [165. Л.72]. В итоге только ярославским местным управлением Общества к концу 1876 г. было собрано денежных средств на

сумму 15565 рублей 10 ½ копеек и различных вещей весом 366 пудов 35 ¾ фунтов [228. Л.4 об.].

Самым доступным способом помочи жертвам восстания в Боснии и Герцеговине для широких слоёв населения стало проведение тарелочного сбора в церквях Епархий губерний Центральной промышленной области. Инициатором этой деятельности стал Санкт-Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Комитета, куда направлялись средства, собранные подобным способом, через местные Духовные Консистории. Так, в церквях и монастырях Ярославской Епархии сбор пожертвований в пользу православных славянских семей, пострадавших в Боснии и Герцеговине, был открыт 5 ноября 1875 г. [412. № 4. С.30]. С этого момента по октябрь 1876 г. всего на помощь нуждающимся славянам Балканского полуострова по Ярославской Епархии было собрано и отправлено в Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Комитета 16770 рублей [412. № 41. С.332]. Необходимо отметить, что пожертвования поступали неравномерно. Наибольший приток денежных средств отмечается с ноября 1875 г. (с момента объявления сбора) по март 1876 г. Так, за этот период по Ярославской Епархии было собрано 11900 рублей, в то время, как с апреля по октябрь 1876 г. поступило лишь 4870 рублей [посчитано по: 412. № 4. С. 30; № 6. С.48; № 14. С. 110; № 30. С. 239; № 41. С.332]. Уменьшение потока пожертвований заставляет Санкт-Петербургский Отдел Славянского Благотворительного Комитета вновь обратиться к руководству Епархий с просьбой о новых пожертвованиях в пользу Балканских славян: «... сборы оправдали ожидания. Собранные этим путём пожертвования были по мере их получения, немедленно пересылаемы по назначению. С того времени в течение почти полугода положение наших единоверцев нисколько не улучшилось, если не ухудшилось: оставшиеся за пределами своей родины нуждаются во всем необходимом и нередко тщетно ищут помощи, а те, которые решили возвратиться, вместо домов находят пепелища и ещё более первых требуют помощи» [412. № 13. С.102].

Все собранные пожертвования отправлялись в Главное управление Общества, находившееся в Санкт-Петербурге, и расходовались преимущественно на организацию медицинской помощи Балканским славянам. Благодаря собранным средствам к концу 1876 г. в Сербию было отправлено более 50 врачей, 30 фельдшеров и 45 фельдшиц и сестер милосердия по линии Общества попечения о раненых и больных воинах. Медицинский персонал был снабжен всем необходимым для устройства трёх лазаретов в Сербии [227. Л.35]. Главным управлением был также организован госпиталь на 100 мест с амбулаторией в Цетинье (Черногория). Персонал насчитывал 33 человека, из которых 4 врача (в том числе 2 хирурга), 9 сестер милосердия и фельдшиц, 2 фельдшера и аптекарь с помощницей были присланы из Петербурга. Медикаменты, хирургические инструменты, перевязочные средства и другие необходимые принадлежности также присыпались из России. Содержание подобной санитарной единицы стоило около 10000 рублей в месяц [226. Л.250]. При организации медицинской помощи славянам Балканского полуострова, пострадавшим в ходе восстаний и боевых действий в 1875-1876 гг., заметно стремление Главного управления Общества сосредоточить руководство подобной деятельностью в своих руках. Осенью 1876 г. Главное управление указывало местным организациям: «...продолжая денежные сборы пожертвований, на время приостановить поспешную отправку санитарного персонала и транспортов... ...для приспособления зданий под лазаретные помещения в Сербии потребуются на месте значительные денежные средства, размер которых нельзя определить с точностью. Одновременный наплыв многочисленного санитарного персонала, при неизвестности центров переполнения больными и ранеными, повлечёт за собой неправильное распределение наших врачебных сил, в ущерб общему делу» [227. Л.35].

Таким образом, преимущественно собранные денежные средства расходовались на оказание медицинской помощи славянам, пострадавшим на Балканах. Вместе с тем, можно считать уникальным случаем помощи бал-

канским славянам создание в Ярославле в сентябре 1877 г. приюта для болгарских девочек-сирот. Инициатива его создания возникла в 1876 г., до начала русско-турецкой войны в 1877 г. и принадлежала частным лицам, купчихам П.А. Соболевой и А.А. Виноградовой, а также архиепископу ярославскому Леониду. Однако желание прийти на помощь пострадавшим болгарским детям, возникшее в Ярославской губернии, реализовалось благодаря видным российским общественным деятелям: председателю московского славянского комитета, одному из лидеров славянофилов И.С. Аксакову, уполномоченному славянских комитетов Москвы и Петербурга в Сербии А.А. Нарышкину и директору ярославского Демидовского лицея, крупному специалисту в области международного права М.Н. Капустину. «Дело возобновилось ... с середины июля благодаря содействию И.С. Аксакова, А.А. Нарышкина и М.Н. Капустина» [414. № 41. С.327]. 15 сентября 1877 г. А.А. Нарышкин отправил из Тырнова 12 девочек-болгарок, которые 26 сентября прибыли в Москву и были размещены в Покровском монастыре. 30 сентября болгарские девочки были уже в Ярославле. Следует отметить, что «жители Ярославля проявили живое сочувствие вновь прибывшим детям. ... Дом, пожертвованный П.А. Соболевой, где будут помещаться болгарки, обширное двухэтажное здание с мезонином, отделанное заново, снабженное: кровати, бельё, платья для девочек, школьная мебель, учебные принадлежности. При детях находится наставница - С.Г. Стогова. При доме – необходимая прислуга. Каждый день детей посещает доктор Корн» [414. № 41. С. 327].

Необходимо отметить, что зачастую население провинциальных губерний, особенно крестьяне, не знали, кому передать свои пожертвования в пользу славян Балканского полуострова. Поэтому предлагалось официально разрешить священникам и сельским властям принимать добровольные пожертвования народа [414. № 41. С.231]. Этот факт свидетельствует о том, что Общество попечения о больных и раненых воинах в начале 70-х годов XIX в. ещё не распространило своё влияние достаточно широко в провинци-

альной России. Причинами этого, на наш взгляд, было, во-первых, отсутствие местных органов Общества на уровне уездов, то есть максимально приближенных к широким слоям населения, и как следствие, во-вторых, недостаток (либо полное отсутствие) информации о деятельности Общества и её результатах в народной среде.

Можно утверждать, что широкое участие общественных сил российской провинции в оказании помощи славянам Балканского полуострова, пострадавшим от восстаний и войны, подготовило общественное сознание к участию в благотворительной деятельности и в деле призрения русских военнослужащих. У представителей различных слоев российского провинциального общества отмечалась готовность жертвовать на нужды пострадавших от военных действий. С началом военных действий наметилась активизация дела общественного призрения в отношении больных и раненых воинов в российской провинции. Она выразилась в увеличении численности местных управлений, расширении сети местных органов за счет увеличения количества местных комитетов на уровне не только губерний, но и уездов, а также росте пожертвований. Кроме того, она проявилась в появлении новых форм и методов общественного призрения в отношении больных и раненых воинов, а также в совершенствовании уже существовавших направлений благотворительной деятельности в связи с войной. Постараемся оценить размах активизации общественного призрения, проанализировав количественные показатели на примере Ярославской, Костромской и Владимирской губерний во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., а также в период между этими военными кампаниями.

Начало русско-турецкой войны 1877-1878 гг. привело к росту численности местных управлений Общества. Так, в 1877 г. численный состав ярославского местного управления увеличился до 220 человек, что было почти вдвое больше, по сравнению с 1876 г., когда в него входило 111 человек [236. Д.64. Л. 1 об.]. Общее количество членов местного управления и всех комитетов Общества попечения о больных и раненых воинах во Владимир-

ской губернии к 1 января 1878 г. составляло 969 человек [363. С.1]. Однако окончание военных действий в 1878 г. приводит к сокращению численности и местных управлений и местных комитетов. Так, в 1879 г. число членов ярославского местного управления РОКК (Российского общества Красного Креста) сократилось на 30 человек по сравнению с 1878 г. и составило 177 человек [231. Л.35]. Подобная тенденция прослеживается и на уровне уездных местных комитетов. В журнале заседания Муромского Владимирской губернии местного комитета РОКК от 10 апреля 1879 г. отмечается: «По случаю окончания войны число членов местного комитета по сравнению с 1877 г. уменьшилось более, чем на 2/3» [5. Л.19]. При этом тенденция сокращения численности и местных губернских управлений, и уездных комитетов РОКК в российской провинции Центральной промышленной области сохраняется и в послевоенный период. Так, в Ярославском местном управлении РОКК в 1900 г. состояло лишь 38 членов [172. Л.32], в 1903 г. – 31 человек [210. Л.18]. Во Владимирской губернии в Муромском местном комитете в 1900 г. состояло 28 действительных членов [6. Л.163]. Вновь увеличение численности местных комитетов наблюдается с началом русско-японской войны 1904-1905 гг. Например, в Муромский Владимирской губернии местный комитет в 1904 г. входило 102 человека, что было почти в четыре раза больше по сравнению с довоенным периодом [6. Л.198 об.].

Наряду с увеличением численности региональных управлений Общества в губернских и уездных городах во время войн идет создание местных комитетов, открыть которые было достаточно просто. Для этого требовалась общественная инициатива и согласие Губернатора. На практике открытие комитетов происходило так: «...лица, желающие учредить комитет, записываются в члены общества Красного Креста и по накоплении достаточного числа членов, обыкновенно не менее 30, лица эти в частном заседании составляют краткую программу будущего комитета, которую вместе со списком членов учредителей представляют в главное или местное управление Общества. По получении разрешения назначается общее собрание всех уч-

редителей... . Комитет действует по указаниям и полномочиям общего собрания всех членов» [357. С.2]. Роль местных комитетов Общества в деле благотворительности была высока. Они не столько выступали организаторами благотворительной помощи больным и раненым воинам, сколько непосредственно осуществляли её. На основании § 87 Устава Общества «местные комитеты направляют свою деятельность к увеличению средств общества и, сверх того, прилагают свои заботы к развитию той практической деятельности, которая наиболее соответствует цели учреждения общества...» [357. С.2]. Неслучайно начало войны, требующее усиление практической благотворительности по отношению к больным и раненым воинам, приводило к увеличению количества местных комитетов Общества. Так, во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Ярославской губернии были созданы и действовали дамские комитеты в Ярославле, Рыбинске, Угличе и Ростове и местные комитеты в Рыбинске и Данилове [236. Л.1]. В течение 1877 г. были учреждены местные комитеты почти во всех уездных городах Владимирской губернии: в Шуе, Коврове, Суздале, Гороховце, Муроме (открыт 14 апреля 1877 г.), Иванов-Вознесенске, Переяславле, Судогде, Меленках, Александрове, Юрьеве и Вязниках [363. С.1]. Сразу после начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Костромской губернии начинают открываться дамские комитеты: в Костроме (май 1877 г.), в Макарьеве (май 1877 г.), в Нерехте (июнь 1877 г.), в Юрьевце (июнь 1877 г.), в Солигаличе (август 1877 г.), в Чухломе (август 1877 г.), в Галиче (сентябрь 1877 г.), в Ветлуге (ноябрь 1877 г.), в Кологриве (январь 1878 г.), в Варнавине (апрель 1878 г.) [95. Л. 1; 97. Л. 9; 100. Л.13; 121. Лл. 10, 19, 71, 107; 109. Л.38].

После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. происходит сокращение количества местных комитетов губерний Центральной промышленной области в связи с их закрытием. Так, в Ярославской губернии «...по случаю окончания военных действий...» 20 августа 1878 г. прекратил свою деятельность Ростовский дамский комитет, а с 1 ноября 1878 г. был закрыт Рыбинский дамский комитет [254, Л.30 об.; 165. Л.99]. Подобная

тенденция наблюдалась в Костромской и Владимирской губерниях. В результате в условиях мирного времени к 1900 г. учреждения РОКК губерний Центральной промышленной области были представлены следующим образом: в Ярославской губернии ярославским местным управлением, пятью дамскими и местными комитетами и общиной сестер милосердия; во Владимирской губернии владимирским местным управлением, восьмью местными комитетами и общиной сестер милосердия; в Костромской губернии костромским местным управлением и общиной сестер милосердия [170. Л. 256].

Новая волна массового открытия местных и дамских комитетов в губерниях Центральной промышленной области отмечается в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, в указанный период представляется возможным отметить, что во Владимирской губернии действовало не менее 11 местных комитетов, в Костромской губернии – не менее 4 [328. С.15-19]. В Ярославской губернии на 1 июня 1904 г. наряду с местным управлением РОКК и общиной сестер милосердия действовало 11 уездных комитетов РОКК [175. Л.10]. Так же, как и после русско-турецкой войны 1877-1878 гг., по окончании русско-японской военной кампании ряд местных комитетов закрывается. Так, 30 октября 1905 г. костромское местное управление РОКК постановило закрыть Кологривский местный комитет «...за прекращением военных действий на Дальнем Востоке» [45. Л. 38].

Необходимость в увеличении численности местных управлений и комитетов Общества в военные периоды была связана не только со стремлением расширить свою деятельность, но и с потребностью в дополнительных средствах в связи с началом военных действий. В записке председательницы костромского дамского комитета игумени Марии от 23 мая 1877 г., где излагалась программа деятельности комитета, указывается, что «...привлечению взносов и пожертвований должно содействовать увеличение числа членов дамского комитета» [93. Л.1].

Вместе с тем, в военные периоды отмечается появление специальных местных комитетов Общества, которые занимались каким-либо одним видом благотворительной деятельности. «В случае избрания комитетами какой-либо специальной деятельности, они могут присваивать себе и соответствующее этому роду деятельности наименование. Только что минувшая война (русско-турецкая война 1877-1878 гг. – прим. авт.) выдвинула новые виды. Так у нас имеются комитеты для оказания пособия вдовам и сиротам воинов, павших на войне; комитеты попечения о выздоравливающих воинах..., ...комитеты для снабженияувечных искусственными ногами и руками или для устройства минеральных и климатических лечебниц ..., так же как и комитеты по приисканию занятий раненым. ...Эти комитеты, как весьма важное подспорье для правительенного признания, Александровского комитета о раненых, соответствуют своей задаче – содействовать военной администрации в уходе за ранеными» [357. С.24].

Анализ архивных материалов фонда Костромского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах [121; 122; 123] позволил выявить такие специальные благотворительные комитеты, как Комитет помощи раненым русским, черногорским и сербским воинам [436] и особое отделение при костромском дамском комитете по снабжению выздоравливающих воинов теплую одежду и бельем, которые работали в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Костромской губернии.

Деятельность особого отделения заключалась в снабжении выписывающихся из эвакуационных госпиталей Костромской губернии воинов предметами первой необходимости. Военнослужащие низких чинов получали одежду, бельё, чай, сахар, а те, кто возвращался на службу, вместе с вещами получали ещё и деньги. Выдача вещей производилась каждую неделю по согласованию с военным начальством и руководством госпиталей. Очевидно, что для осуществления особой деятельности по снабжению военных, выписывающихся из костромских эвакуационных госпиталей, требовалась дополнительные средства. Для привлечения этих средств костромской

дамский комитет призывает «...благотворителей с пожертвованиями деньгами или вещами», поскольку главное управление Общества запрещало использовать для этой цели уже собранные пожертвования, так как «...имеющиеся денежные суммы должны быть использованы на содержание уже открытых госпиталей Красного Креста» [121. Л. 37,39]. 13 марта 1878 г. дамский комитет получил от костромского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах 80 рублей 27 копеек, которые были пожертвованы разными лицами «...на снабжение одяждою выписываемых из лазаретов Красного Креста раненых и больных воинов» [109. Л.19]. Непосредственно в костромской дамский комитет с мая 1877 г. по сентябрь 1878 г. поступило пожертвований от частных лиц на сумму 1811 рублей 10 копеек [93. Л.17]. Собранные средства позволили за указанный период снабдить одяждою и предметами первой необходимости 351 военнослужащего из нижних чинов, выписанных из эвакуационных госпиталей Костромской губернии.

Особое отделение при костромском дамском комитете по снабжению выздоравливающих воинов теплою одяждою и бельем оставалось единственным учреждением подобного рода в Костромской губернии в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Оно обеспечивало одяждою военнослужащих не только из эвакуационных лазаретов Красного Креста, но и других госпиталей Костромской губернии. Так, 29 сентября 1877 г. председатель костромской уездной земской управы обратился с просьбой к дамскому комитету снабдить теплыми вещами пятерых военнослужащих, которые выписывались из эвакуационного госпиталя для раненых и больных воинов при костромском уездном земстве [100. Л.14]. Вместе с тем, подобный вид благотворительной помощи был востребован не только во время, но и после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Несмотря на то, что война с Турцией была окончена, больных и раненых воинов оставалось в костромских госпиталях «...значительное число» [110. Л.14].

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях отмечается активизация общественной благотворительной помощи больным и раненым воинам и их семьям. Условия военного времени делали благотворительность одинаково значимым общественным деянием для различных по социальному статусу сословий: и для привилегированных дворянства и духовенства, и для крестьянства, мещанства, чиновничества и интеллигенции.

При подобной массовой благотворительности в условиях социальной нестабильности военного времени, когда все слои населения желают оказать содействие и поддержку нуждающимся, первоочередным является вопрос об управлении общественной благотворительностью по оказанию помощи воюющей армии и пострадавшим в результате военных действий и её систематизации. Эту роль взяли на себя местные управления Российского общества Красного Креста, созданные в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в конце 60-х годов XIX в. Им подчинялись местные и дамские уездные комитеты, которые часто создавались лишь на период войны. Именно они были приближены к широким слоям провинциального общества и непосредственно осуществляли практическую деятельность по оказанию благотворительной помощи в российской провинции в военный период.

Большое количество местных и дамских комитетов, возникавших в условиях военного времени, во главе с местным управлением Российского общества Красного Креста составляли в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в периоды войн последней четверти XIX - начала XX вв. систему управления общественной благотворительностью в отношении больных и раненых воинов и их семьей. Наличие подобной системы способствовало координации общественной благотворительности в Российской провинции, быстрому решению насущных проблем и широкому привлечению людских и материальных ресурсов. Такая система управления делом

общественного признания в губерниях Центральной промышленной области впервые складывается и функционирует в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Она же лежала в основе организации общественной помощи больным и раненым воинам и во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

Наряду с организационными основами принципиально важным моментом является финансовый базис общественного признания военнослужащих и членов их семей в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях. Вопрос о финансировании общественного признания и благотворительной деятельности в периоды войн последней четверти XIX – начала XX вв. обычно выступает на первый план при рассмотрении конкретных мероприятий по оказанию помощи больным и раненым воинам и их семьям в российской провинции. Именно от финансовой обеспеченности зависел масштаб этой деятельности, разнообразие её видов и, в конечном итоге, её результативность. Реализация благотворительных инициатив провинциального общества губерний Центральной промышленной области в военные периоды осуществлялась, прежде всего, через региональные управления общества Красного Креста и его местные и дамские комитеты. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть статьи доходов, размеры финансовых средств, а также выявить зависимость размеров финансирования от конкретных исторических периодов.

По Уставу общества Красного Креста в редакции 1873 г. все суммы, которые поступали в эту общественную благотворительную организацию, подразделялись на три группы: расходные суммы, предназначенные на текущие расходы; запасный или неприкосновенный капитал, который разрешалось использовать в условиях военного времени на организацию помощи больным и раненым воинам; специальные суммы, которые жертвовались на конкретные (специальные) цели, обозначенные самим жертвователем. Для формирования запасного капитала все местные управления отчисляли в Главное Управление 30 % от денежных средств, поступивших в течение го-

да, за исключением специальных сумм. Кроме того, они были обязаны ежегодно перечислять в Главное Управление общества 10 % от своих поступлений на текущие расходы РОКК [220. Л.35].

Основными источниками дохода местных управлений этой общественной благотворительной организации были членские взносы, частные пожертвования и кружечный сбор. По мере накопления денежных сумм местные управлении были обязаны вносить их в Государственный банк, его конторы и отделения, в сберегательные кассы или городские общественные банки «на вклады до востребования или на текущий счет Общества, смотря по тому, что признают более выгодным, избегая, по возможности, хранения при управлении денег свыше 100 рублей» [217. Л. 21]. Таким образом, у местных управлений появлялся ещё один источник дохода в виде процентов с капитала.

Размер членских взносов, которые необходимо было уплачивать в течение первых четырёх месяцев каждого года, зависел от характера членства. Так, члены-учредители ежегодно должны были вносить не менее 10 рублей, действительные члены – не менее 3 рублей, члены-соревнователи – 1 рубль. Несмотря на то, что членские взносы были относительно постоянным источником дохода, его нельзя рассматривать как основной, ввиду незначительности его размеров. Так, в 1873 г. в ярославское местное управление Общества членских взносов и процентов с капитала поступило 387 рублей 6 копеек. Основной причиной такого незначительного количества денежных средств, поступающих в виде членских взносов, была их неуплата. Неплательщики были и среди членов-учредителей, и среди действительных членов. Причем количество недоимщиков росло год от года: в 1869 г. их было 38 человек, в 1870 г. – 67 человек, в 1871 г. – 81 человек, в 1872 г. – 135 человек [220. Л.37]. Начало русско-турецкой войны в 1877 г. несколько активизировало ситуацию. Тем не менее, размер членских взносов, поступивших в Ярославское местное управление и его комитеты в 1877 г., составил 3208 рублей 95 копеек, что было в 33 раза меньше размера пожертвований, по-

ступивших за тот же период и составивших 106094 рубля 22 копейки [236. Л.4].

В первые годы своего существования Обществом признавалась «значительность такого источника дохода как кружечный сбор» [217. Л. 21]. Местным управлением было рекомендовано устанавливать кружки для сбора пожертвований при крупных монастырях и пустынях, по линиям железных дорог на всех станциях, на пассажирских пароходах по рекам Неве, Волге, Дону, Каме, а также на пароходах Русского Общества Пароходства и торговли. Например, в 1868 г. сразу после своего открытия Ярославское местное управление Общества расставило для сбора пожертвований 12 кружек в губернском городе Ярославле и по 4 кружки в уездных городах Рыбинске и Ростове [217. Л.124]. Однако средства, собранные подобным образом, оказались незначительными. Так, в течение одного месяца кружки, расставленные в Ярославле, принесли 12 рублей 86 копеек, из кружек Рыбинска поступило 5 рублей 52 копейки, а кружечный сбор Ростова принес 3 рубля 15 копеек [217. Лл. 98,99,104]. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. размер кружечного сбора даже не представляется возможным выделить из общих денежных поступлений в местное управление Общества. Вместе со средствами, вырученными от концертов и вечеров, а также процентов с капитала кружечный сбор ярославского местного управления в 1877 г. составил 652 рубля 43 ½ копейки [236. Л.2]. Таким образом, при создании местных управлений Общества попечения о больных и раненых воинах в Российской провинции в качестве основных источников финансирования деятельности этой организации рассматривались членские взносы и кружечный сбор. Однако их размер и, следовательно, общий бюджет региональных управлений и комитетов Общества до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был невелик. Так, к 1 января 1872 г. денежные средства Владимирского местного управления Общества составляли 10313 рублей 72 копейки, Ярославского – 5741 рубль 20 копеек, Костромского – 5007 рублей 84 копейки [220. Л. 4].

Можно считать, что самым значительным источником финансирования благотворительной деятельности региональных управлений Общества попечения о больных и раненых воинах во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн являлись различные пожертвования. Так, денежные поступления ярославского местного управления Общества в 1877 г. составили 27585 рублей 99 $\frac{3}{4}$ копеек, что было больше по сравнению с 1876 г. на 26862 рубля 45 копеек [236. Л. 2]. Такой значительный рост был достигнут за счет единовременных пожертвований, составивших 22453 рубля 62 копейки, и несомненно связан с началом военной кампании на Балканах. Подобная тенденция наблюдалась и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, в ярославское местное управление РОКК в 1903 г. поступило пожертвований и членских взносов на общую сумму 1153 рубля 17 копеек [210. Л. 19]. После начала военных действий на Дальнем Востоке лишь за 1 месяц (с 3 февраля по 5 марта) 1904 г. местное управление Красного Креста в Ярославле получило пожертвований, сумма которых составила 28795 рублей 91 копейку и была почти в 25 раз больше, чем сумма членских взносов, собранных за 1903 г. [192. Л. 46].

Следует отметить, что формы пожертвований периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг. были разнообразны и сохранились и во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Наиболее распространено во всех губерниях Центральной промышленной области было пожертвование деньгами, вещами или продуктами. Отсутствие любых ограничений и простота подачи пожертвований в такой форме позволяли участвовать в деле благотворительности во время войны представителям всех слоев населения. Так, Председательница Мышкинского Дамского Комитета Ярославской губернии в июле 1904 г. сообщала в своем отчете: «Все слои населения – за двумя – тремя исключениями отдельных лиц – дворяне, чиновники, купцы, мещане слились воедино и каждый несли и несут свои лепты на алтарь Отечества. Что касается трудовой помощи, то в ней положительный избыток. Сейчас: постройка белья» [192. Л. 82]. Размер таких пожертвований был различным

и определялся социальным положением и материальным достатком жертвователя. При этом не только наиболее состоятельные слои провинциального общества, такие как купечество, духовенство, дворянство, становились жертвователями, но и менее обеспеченные сословия – крестьянство и мещанство – активно жертвуют по случаю войны. Так, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. всего в пользу больных и раненых воинов ярославское духовенство пожертвовало 28882 рубля 70 копеек, ярославское дворянство - по 1 коп. с каждой десятины надельной и занадельной земли, костромское дворянство – 25000 рублей, ярославское купечество – 16710 рублей, ярославское мещанство – 1150 рублей, ярославское крестьянство – 671 рубль, костромское крестьянство – 50 рублей [Приложение 1. Таблица 1.1]. В период русско-турецкой военной кампании 1877-1878 гг., наряду с такими пожертвованиями как холст, бельё, одежда, корпия, бинты для больных и раненых воинов, а также тёплые вещи для действующей армии, всё же преобладали пожертвования денежными средствами [Приложение 1. Таблица 1.1]. Напротив, во время русско-японской войны 1904-1905 гг. были широко распространены пожертвования одеждой, продуктами питания (особенно сушеными овощами), теплыми вещами [Приложение 1. Таблица 1.2]. Главноуполномоченный Красного Креста в Чите князь А.Г. Щербатов отмечал: «Пожертвования денежные бесполезны, так как в Чите почти ничего купить нельзя или приходится платить втридорога» [196. Л. 65.].

Назначение пожертвований периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг. не отличалось конкретностью. Так, в основном жертвовали «по случаю войны», «на военные нужды правительства», «на санитарные нужды армии», «в пользу больных и раненых воинов». Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. в назначении пожертвований заметна большая конкретность: «для семей, оставшихся после убитых воинов под Мукденом», «для раненых и больных воинов, эвакуируемых в Ярославскую губернию», «на оказание помощи семьям убитых и раненых воинов Ярославской губернии», «на усиление российского флота», «на нужды находящихся в плену в Япо-

нии больных и раненых нижних чинов русской армии», «на покупку материала для подарков сражающимся воинам», «на содержание земского врачебно-санитарного отряда» [Приложение 1. Таблица 1.2]. Точное определение цели пожертвования было призвано увеличить число жертвователей, поскольку в период русско-японской войны 1904-1905 гг. наблюдалась тенденция, когда население пыталось отследить судьбу своих пожертвований, используя возможности прессы. Так, весной 1904 г. крестьяне 5 волостей Ростовского уезда Ярославской губернии пожертвовали через местного земского начальника в пользу Красного Креста значительную денежную сумму. Не получив от земского деятеля уведомления, куда поступили эти пожертвования, один из десятидворных крестьян в январе 1905 г. напечатал в газете «Северный край» запрос с требованием «дать строгий подробный отчет во всех пожертвованных деньгах в «Красный Крест»» [200. Л. 105 об.]. Однако ответа вновь не последовало. Газета отмечала, что «всё это сильно отражается на дальнейших пожертвованиях в «Красный Крест»: нужно заметить, что крестьяне Ростовского уезда почти все грамотные, и газета соседнего Ярославля среди них очень распространена» [200. Л. 103].

Представляет интерес такая форма сбора пожертвований как организация специальных мероприятий, таких как благотворительные концерты, спектакли, лотереи-аллегри и кружечные сборы, организуемые в военные периоды с целью сбора средств на помочь больным и раненым воинам. Организаторами подобных мероприятий в военные периоды в губерниях Центральной промышленной области становились, как правило, местные и дамские комитеты Общества Красного Креста. Любительские спектакли, литературно-музыкальные вечера, концерты, лотереи-аллегри в пользу Красного Креста проводились в российской провинции и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. [Приложение 2. Таблицы 2.1, 2.2]. Несмотря на то, что эта форма сбора пожертвований требовала специальной подготовки, материальных затрат на проведение и носила развлекательный характер, размеры средств, собранных на

этих благотворительных мероприятий, были невелики [Приложение 2. Таблицы 2.1, 2.2]. Больше средств приносил в военные периоды кружечный сбор. Эта особенность отмечалась во время русско-японской войны. В феврале 1904 г. Священный Синод разрешил членам РОКК или его уполномоченным проводить во время воскресных богослужений каждую неделю в течение войны России с Японией особый сбор пожертвований по всем церквям Российской империи в пользу раненых и больных воинов. Также этот сбор было разрешено проводить старостам церквей [419. № 9. С. 67]. Такая форма как кружечный сбор, представляя собой самый простой и доступный способ подачи пожертвований, давала ощутимые результаты. Так, с августа по декабрь 1904 г. в результате такого сбора в церквях города Ярославля было собрано 2346 рублей 15 копеек [195], а в течение двух лет войны кружечный сбор в муромских церквях Владимирской губернии принес 2626 рублей 85 копеек [6. Лл. 199, 303].

Одной из распространенных форм пожертвований стало предоставление и содержание частными лицами и учреждениями помещений для лазаретов, приютов и других благотворительных заведений, а также мест в лечебных учреждениях для больных и раненых воинов в период военного времени. Следует отметить, что в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях подобная форма пожертвований была широко распространена во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и практически отсутствовала в период войны России с Японией [Приложение 3. Таблица 3.1]. Это объясняется тем, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. по согласованию с Военным ведомством Общество попечения о больных и раненых воинах создавало внутри империи госпитали для больных и раненых солдат и офицеров, которых вывозили с театра военных действий. Так, в Ярославской губернии было организовано лечебных заведений для эвакуируемых раненых на 753 места, в Костромской губернии – на 325 мест, во Владимирской губернии – на 732 места [236. Л. 8; 76. Л. 37; 363. С. 2]. На содержание этих лечебных учреждений и мест в больницах необходимы были

значительные денежные средства. Военное министерство перечисляло на счета Общества попечения о больных и раненых воинов по 40 копеек в сутки за каждого больного, однако учреждения и частные лица губерний Центральной промышленной области отказались от получения этих денег. Таким образом, больные и раненые воины, эвакуируемые в Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии, содержались за счет частных и общественных пожертвований, а средства Военного министерства были сэкономлены Обществом попечения о больных и раненых воинах. Так, только за 1877 г. по Ярославской губернии эта сумма составила 17156 рублей 40 копеек [236. Л.9].

В период русско-японской войны 1904-1905 гг. такая форма пожертвований как предоставление помещений для лазаретов была менее распространена в Российской провинции. Так, во Владимирской губернии было открыто лишь 3 лазарета на 135 мест, а в Ярославской и Костромской губерниях не было ни одного эвакуационного лазарета [12. Л.76]. Напротив, местные управления Красного Креста, а также земства создавали санитарные отряды для отправки на Дальний Восток. Эта деятельность требовала значительной организационной работы, поэтому наиболее актуальной становится такая форма пожертвований как безвозмездное оказание услуг организациями и частными лицами: перевозка грузов, предоставление помещений для складов, бесплатная печать объявлений в газете и другое. [Приложение 3. Таблица 3.2].

Особую форму пожертвований представляют отчисления из заработной платы, которые делали частные лица в военное время. Как правило, размер такого пожертвования составлял 1%-2% от ежемесячного жалованья, которое получали служащие различных организаций. Так, в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. все служащие ростовского полицейского управления Ярославской губернии ежемесячно выделяли 2 % с каждого рубля получаемого ими жалования в пользу больных и раненых воинов, и с мая 1877 г. по январь 1879 г. ими была пожертвована сумма 196 рублей

[231. Л.79]. Эта форма пожертвований существовала среди служащих российской провинции как во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., так и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. [Приложение 4. Таблицы 4.1, 4.2].

Значительную роль в финансировании благотворительности военных периодов в Российской провинции сыграли средства губернских и уездных земств. Необходимо отметить, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. благотворительная помощь от земств осуществлялась под руководством общества Красного Креста и выражалась в предоставлении помещений для лечения больных и раненых воинов. В годы русско-японской военной кампании 1904-1905 гг. принципы, формы и размеры земской благотворительности меняются. Во-первых, земства губерний Центральной промышленной области действовали самостоятельно в рамках общеземской организации. Так, в Информационном письме о приношении пожертвований больным и раненым воинам на Дальнем Востоке отмечалось, что «средства земства не должны смешиваться со средствами Красного Креста. Земская организация имеет свой склад имущества. Каждый отряд также является в общеземской организации самостоятельной единицей, и все отряды вступают в общую организацию на конфедеративных началах» [261. Л.2]. Во-вторых, земская помощь заключалась в форме крупных денежных пожертвований и личного труда, что выразилось в организации и снажении врачебно-питательных отрядов, отправленных на Дальний Восток. В-третьих, денежные средства, которые земства выделяли на санитарные нужды военного времени, были настолько значительны, что позволяют выделять их в отдельную группу источников финансирования дела общественного признания. Так, в феврале 1904 г. ярославское губернское земство выделило 150 тысяч рублей на организацию санитарного отряда, помочь семьям военнослужащих, призванных на фронт и на усиление российского флота. Ярославское и Романово-Борисоглебское уездные земства пожертвовали на нужды Красного Креста и на флот по 2 тысячи рублей каждое [383. Отд. II.

С.179]. Аналогичным образом были распределены пожертвования, собранные в Костромской губернии местным земским собранием 28 февраля 1904 г.: 50 тысяч рублей - в распоряжение Красного Креста, 50 тысяч рублей - на нужды российского флота и 200 тысяч рублей - в пользу семей убитых, раненых и семей, призванных на войну уроженцев Костромской губернии [436. С.190].

Всего по случаю русско-турецкой войны за 1877 г. в региональные управления Общества попечения о больных и раненых воинах по Ярославской губернии поступило пожертвований на сумму 106094 рубля 22 копейки, по Владимирской губернии – 138805 рублей 52 копейки [236. Л.4; 363. С.3]. За годы русско-японской войны 1904-1905 годов в местные управлении РОКК губерний Центральной промышленной области поступило пожертвований на сумму 481670 рублей 50 копеек. Больше всего пожертвований поступило во Владимирское местное управление (254591 рубль 98 копеек), Ярославское и Костромское местные управления РОКК получили примерно одинаковые суммы (Ярославское – 116538 рублей 94 копейки; Костромское – 110539 рублей 58 копеек) [320. С.14]. В целом, основной поток пожертвований периода русско-японской войны 1904-1905 гг. поступал именно в местные учреждения РОКК. Так, если в течение войны в Главное Управление РОКК поступило пожертвований на сумму 8324696 рублей 36 копеек, размер пожертвований в районах главноуполномоченных РОКК составил 114166 рублей 42 копейки, то в местные учреждения общества Красного Креста поступило 12939075 рублей 17 копеек [Приложение 5. Таблица 5.1]. Такие значительные пожертвования на местах можно объяснить широким участием местного населения, в том числе и в губерниях Центральной промышленной области, в оказании финансовой помощи военным, пострадавшим в ходе боевых действий, а также их семьям. Вместе с тем, российское провинциальное общество, воспринимая благотворительность как важную сферу общественной жизни, оказывало ей финансовую поддержку при условии понимания реальных результатов.

Таким образом, проанализировав финансирование общественного признания военнослужащих во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн, представляется возможным сделать следующие выводы. Во-первых, основными видами частного финансирования стали прямые пожертвования деньгами, продуктами или вещами, средства от благотворительных концертов, лотерей, спектаклей, кружечного сбора, предоставление частными лицами помещений на благотворительные цели, добровольное отчисление процентов с заработной платы на благотворительность, бесплатные благотворительные работы. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. преобладали пожертвования деньгами, а также в форме предоставления помещений для лазаретов и содержание там больных и раненых воинов. В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. при сохранении денежных пожертвований преобладали пожертвования вещами и продуктами питания, а пожертвования в форме предоставления помещений практически отсутствовали. Получение средств от благотворительных концертов, лотерей и спектаклей отмечается во время обеих военных кампаний, однако в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. подобных благотворительных мероприятий становится больше.

Во-вторых, классифицируя пожертвования по источникам поступления, есть основания утверждать, что в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наибольшие суммы поступали от местного купечества, а также губернского дворянства. При этом, зачастую достаточно сложно определить источник поступления средств. Вместе с тем, очевидно, что наибольших размеров достигали те пожертвования, которые были собраны через организации и общества, а именно: через местные управления и комитеты Общества попечения о больных и раненых воинах, а также через местные Духовные консистории и региональные ремесленные и мещанские общества. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. также отличаются своими размерами пожертвования, собранные организованно. При этом, особо следует отметить значительные суммы пожертвований, которые выделяли местные зем-

ства. Можно утверждать, что в этот же период в качестве жертвователей начинают выступать представители различных социальных групп: учащиеся, учителя, служащие, арестанты, рабочие, воспитанницы приюта, кондукторы.

В-третьих, следует обратить внимание на назначение пожертвований. В годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. все пожертвования поступали в распоряжение местных управлений Общества попечения о больных и раненых воинах, которые расходовали их, как правило, на содержание и лечение больных и раненых военных в лазаретах, организацию санитарных отрядов, а также обеспечение одеждой и деньгами военнослужащих, выписывающихся из госпиталей. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. можно зафиксировать случаи отправки пожертвованных вещей в части действующей армии на Дальний Восток. Денежные средства, как прежде, использовались для создания и содержания санитарных отрядов, содержания раненых в госпиталях, оказания помощи семьям погибших на Дальнем Востоке военнослужащих.

Выводы по главе 1. Рассмотрев развитие признания и благотворительности в отношении военных и членов их семей в России, а также проанализировав организационные и финансовые основы общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., можно сделать следующие выводы:

1. К 70-м годам XIX в. в России были заложены организационные основы признания больных и раненых воинов на государственном уровне.
2. Необходимое участие и помощь военнослужащим и их семьям в последней четверти XIX – начале XX в. оказывалась как государственными структурами в лице Александровского комитета о раненых, так и общественными благотворительными организациями, крупнейшей из которых стало Российское общество Красного Креста.

3. Деятельность государственных структур и благотворительных организаций в периоды войн последней четверти XIX – начала XX в. дополняла друг друга.

4. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг. активизировали общественное признание и благотворительную деятельность в отношении больных и раненых воинов, что выразилось в развитии их направлений и расширении числа участников за счет представителей различных социальных слоев российского общества, как на общероссийском, так и на региональном уровне.

5. Региональные управления Общества попечения о больных и раненых воинах стали активными организаторами благотворительной деятельности всех слоев провинциального общества по организации признания больных и раненых воинов и на фронте, и в тылу. Можно утверждать, что в губерниях Центральной промышленной области общественная инициатива по оказанию помощи военнослужащим в связи с войной была не эпизодична и случайна, а организована и направлена к достижению общей цели.

6. Финансовые и материальные средства, которые жертвовали представители различных социальных слоев и групп российского провинциального общества для оказания помощи военнослужащим в условиях военного времени, имели большое значение, поскольку позволяли посредством общественного признания и благотворительности решать на удовлетворительном уровне социальные, медицинские, транспортные, продовольственные вопросы в отношении больных и раненых воинов и членов их семей, экономя средства государственного и местных бюджетов.

Глава 2. Практика общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн

2.1. Медико-санитарное направление общественного признания военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний

Оказание помощи жертвам военных конфликтов – дело не только медиков, спасателей и самих военных, но и многочисленных общественных гуманитарных организаций. Условия военного времени последней четверти XIX – начала XX вв. определили в качестве приоритета общественного признания военнослужащих и благотворительности в российской провинции организацию медицинской помощи больным и раненым воинам.

Наиболее отчетливо это направление представляется возможным проследить в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг. Во-первых, потому что эти войны приходятся на период, когда русская армия развивалась в соответствии с требованиями новой индустриальной эпохи, частью которой являются и мировые конфликты. Во-вторых, обе эти военные кампании глубоко затронули не только столичные общественные круги, но российское провинциальное общество, которое чутко реагировало на события, происходившие и на Балканах в 70-е годы XIX в., и на Дальнем Востоке в начале XX века. Однако основания подобного пристального внимания общественных сил к событиям этих двух военных кампаний были различными.

Повышенное внимание к событиям русско-турецкой войны 1877-1878 годов в провинциальном обществе имело свои причины. С одной стороны, провинция испытывала на себе тяготы военного времени: от поставки продовольствия для армии до мобилизации на фронт мужского населения, часто являвшегося единственными кормильцами своих семей. С другой, известия

«...о бедствиях войны, о стуже, о голоде, испытываемыми нашими солдатами, о громадном числе раненых и больных...», которые сообщала отечественная пресса, приводили к росту общественной инициативы по оказанию помощи фронту [349. С. 5].

В основе активного сопереживания и участия судьбам воюющих русских солдат на фронтах русско-японской войны 1904-1905 гг. со стороны представителей различных слоев общества лежало изменение отношения русского общества к войне, которое происходит в начале XX века. Русско-японская война 1904-1905 гг. воспринималась российским обществом как национальная трагедия. Подобному изменению способствовали, во-первых, окончательный переход к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности, во-вторых, развитие органов местного самоуправления и, в-третьих, последствия российской модернизации, которые привели к углублению кризиса и повышению политизации общества [534. С. 335].

В условиях войны, когда растет число раненых и покалеченных, первоочередной задачей общественного призрения военнослужащих стала организация медицинской помощи, которая заключалась в создании лазаретов и госпиталей для пострадавших военнослужащих, в снабжении этих лечебных учреждений всем необходимым (медикаментами, перевязочным материалом, оборудованием, продуктами питания, одеждой, транспортными средствами для перевозки раненых, медицинским персоналом), в организации лечения и ухода за больными и ранеными воинами, в создании особых санитарных отрядов для оказания помощи раненым на фронте (либо вблизи театра военных действий). Во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн организация общественной помощи в деле ухода за ранеными и больными военнослужащими стала главной задачей Российского общества Красного Креста. Именно эта постоянно действующая общественная организация объединяла и руководила благотворительными кружками, санитарными отрядами, региональными комитетами, организованными для оказания помощи пострадавшим в результате военных

действий солдатам и офицерам. На территории губерний Центральной промышленной области многие задачи по организации медицинской помощи больным и раненым воинам решались с привлечением общественных сил и средств под руководством местных управлений и дамских комитетов РОКК. Дамские комитеты, созданные в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях, занимались сбором денежных средств на нужды фронта, заготовкой белья и перевязочных материалов для раненых, приемом и размещением раненых в госпиталях и лазаретах на территории губерний. К 1 февраля 1878 г. в России насчитывался 81 дамский комитет [455. С.42]. Вместе с тем, подходы и приоритетность задач по оказанию общественной помощи в деле ухода за ранеными и больными воинами в периоды указанных военных кампаний были различными.

Организация госпиталей и лазаретов для призрения больных и раненых воинов во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. стала первой крупной военной кампанией, в которой участвовала Россия, с момента основания Общества попечения о больных и раненых воинах. Несмотря на новые принципы комплектования, изменившие русскую армию в организационном, техническом и тактическом отношении, к началу боевых действий она не успела модернизироваться [534. С.334-335]. В итоге освобождение Болгарии, утверждение независимости Румынии, Сербии и Черногории стоили немалых жертв русскому народу. Только при штурме крепости Плевны погибло и было покалечено всего более 26 тысяч воинов [429. С.28].

При многочисленных раненых и покалеченных в ходе военных действий в целях предупреждения распространения инфекций именно в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. была внедрена система рассеивания раненых по тыловым лечебным учреждениям. В ходе этой войны впервые в России стал использоваться железнодорожный транспорт для эвакуации раненых и больных. Для реализации данной системы была необходима целая сеть лазаретов внутри империи. Масштабность и дороговизна этого дела не

позволяли военной администрации самой заняться им, поэтому в декабре 1876 г. «Главное Управление Общества попечения о больных и раненых воинах, по соглашении с Военным ведомством, приняло на себя на случай возможных военных действий, образовать внутри империи при железных дорогах, госпитали на 16000 больных, ... с целью – избавить армию и скоро переполняемые её госпитали от накопления больных и раненых» [76. Л.23]. При этом подчеркивалось, что «...при широком применении в нашем Отечестве системы эвакуации и рассеяния больных на обширных пространствах участь раненых и опека над ними доверяется местным органам Красного Креста и всему местному населению...» [242. Л.106].

Такая система предусматривала наличие сети госпиталей Общества, рассеянных на большом пространстве внутри империи и соединенных между собой и с армиями железными дорогами и судоходными сообщениями. В результате все местные лечебные силы в государстве становились прямыми участниками ухода и попечения за пострадавшими на театре войны [364. С.3]. “Энергичная и разносторонняя, но направленная к одной общей цели, деятельность кипела...по всей России. ...В городах империи учреждались на городские и доброхотно собранные средства и пожертвования приюты, питательные и санитарные пункты для раненых и больных воинов; по всем церквам ежедневно собиралась лепта ради тех же страдальцев; общество Красного Креста проявляло наибольшую деятельность: ... оно снаряжало целые санитарные поезда, обставленные всеми удобствами; учреждало подвижные лазареты; беспрестанно высыпало на театр войны своих уполномоченных с громадными транспортами медицинских, хирургических, санитарных, перевязочных средств и питательных продуктов; партию за партией отправляло туда же хирургов, медиков, фельдшеров и фельдшериц, братьев и сестер милосердия. Не было того уголка России, даже в самых отдаленных местностях, где не была бы организована посильная помощь Красному Кресту доброхотными местными средствами“ [423. С.258-259]. Силами общественности было организовано 240 внутренних госпиталей импе-

рии. Всего в госпиталях Общества нашли отличный уход и лечение более 60000 больных и раненых [364. С. 4].

Несомненно, создание госпиталей и мест в больницах для больных и раненых воинов можно отнести к сфере общественного признания военнослужащих, поскольку, во-первых, на создание подобных лечебных учреждений расходовались не государственные средства, а средства общественных организаций и (или) частных лиц. Во-вторых, лечение и содержание больных и раненых воинов осуществлялось также на общественные пожертвования. Для открытия госпиталей были заранее определены населенные пункты. Они должны были находиться не дальше 12 верст от железнодорожных и водных путей. Наличие железнодорожного или судоходного сообщения было решающим моментом в выборе города. Количество госпитальных мест для больных и раненых определялось пропорционально численности населения города: чем крупнее населенный пункт, тем больше мест он должен был организовать. Преимущества имели крупные губернские города, поскольку там можно было легче найти помещения для госпиталей, а, следовательно, организовать большее количество мест. Кроме того, губернские города не испытывали недостатка в медицинском персонале, который можно было привлечь для работы в госпиталях. Процесс подбора и подготовки помещений для организации госпиталей на случай военного времени в губерниях Центральной промышленной области проходил одинаково. Так, практически одновременно в январе 1877 г. принимаются решения местными управлениями в Ярославской и Костромской губерниях об организации госпиталей Общества Красного Креста в губернских городах Ярославле и Костроме и в уездных городах Ростове и Данилове Ярославской губернии и Кинешме Костромской губернии [242. Л.13об.; 71. Л.34]. Пропорционально количеству городского населения самые крупные лечебные учреждения для раненых планировалось открыть в губернских городах: в Ярославле (400 мест), Костроме (300 мест) и Владимире. После начала войны с Турцией в апреле 1877 г. было решено открыть ещё один госпиталь Общества на 150

мест в Рыбинске Ярославской губернии, поскольку город находился на железной дороге и уступал по численности населения в губернии лишь Ярославлю [242. Л.81].

Привлечение различных общественных сил к устройству госпиталей для раненых было связано, с одной стороны, с ростом патриотических настроений в провинциальных губерниях и активизацией благотворительности в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1877-1878 гг. С другой стороны, это было вызвано необходимостью привлечь дополнительные денежные средства для осуществления поставленной перед местными управлениями общества Красного Креста задачи по организации госпиталей для раненых внутри империи. Устройство лазаретов и госпиталей требовало от местных управлений общества Красного Креста значительных денежных средств, которыми они не располагали в довоенный период. Так, смета устройства госпиталей от Общества в Ярославской губернии составляла 63140 рублей, однако расходных сумм в местном управлении на 1 января 1877 г. было 2300 рублей. Это заставило ярославское местное управление обратиться «к должностным лицам губернии и к частным лицам содействовать как денежными, так и материальными сборами на устройство госпиталей» [242. Л.50]. Костромское местное управление Общества, располагая на 1 января 1877 г. денежными средствами 10753 рубля 85 ¼ копеек, также приняло решение «пригласить всех к пожертвованиям» для устройства эвакуационных госпиталей для военнослужащих [71. Л.37]. Самые крупные пожертвования для организации эвакуационных лазаретов поступали от наиболее состоятельно-го слоя провинциального общества – от купечества. Так, ярославское купечество в апреле 1877 г. пожертвовало местному управлению Общества попечения о раненых и больных воинах 15160 рублей, которые было решено использовать на устройство госпиталей для раненых, так как «...у местного управления Общества средств на устройство госпиталей нет» [239. Л.16]. В результате в 1877 г. для больных и раненых воинов было организовано лечебных заведений в Ярославской губернии на 753 места, в Костромской гу-

бернии на 325 мест, во Владимирской губернии на 732 места [236. Л.8; 76. Л.37; 363. С.2].

Изучив источники поступления средств на содержание больничных заведений Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, устроенных для раненых и больных воинов в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., мы условно выделили три группы учреждений: земские лечебные учреждения и лазареты городских общественных управлений, лазареты местных управлений и комитетов общества Красного Креста и частные лазареты [Приложение 6. Таблица 6.1].

Во-первых, земские и городские управы выделяли места в земских и городских больницах для больных и раненых воинов, эвакуированных с фронта. Практика содержания земствами в земских больницах мест для больных и раненых воинов была распространена во всех губерниях Центральной промышленной области. Так, в Ярославской губернии губернское и уездные земства содержали 101 место для лечения больных и раненых воинов, в Костромской губернии земства содержали устроенные в земских больницах 65 мест для раненых, во Владимирской губернии земские собрания предоставили и содержали в принадлежавших им больницах 115 кроватей для раненых и больных военных [233. Л.77; 76. Л.45; 363. С.2]. Финансирование мест для больных и раненых солдат и офицеров учреждениями городских общественных управлений не было повсеместной практикой, но было значительным по масштабам: в Ярославской губернии средствами органов городских общественных управлений обеспечивалось 420 мест, в Костромской губернии 100 мест.

Во-вторых, значительное количество мест для больных и раненых воинов в российской провинции создавалось и финансировалось местными органами общества Красного Креста. В Ярославской губернии «...собственно органы Красного Креста устроили для раненых лазареты...» всего на 170 мест [236]. Из 325 мест в эвакуационных лазаретах Костромской губернии 160 кроватей содержались местным управлением общества

Красного Креста. Одновременно, в тех лечебных учреждениях Костромской губернии, «...где содержание больных .... не обеспечено...», финансирование мест для больных и раненых воинов брало на себя также общество Красного Креста [76. Л. 45]. Во Владимирской губернии 507 мест для лечения раненых воинов было «...отнесено на средства учреждений Общества Красного Креста», что превосходило количество мест, финансируемых земством и частными лицами [363. С.2].

В-третьих, участие частных лиц в создании лазаретов для больных и раненых солдат и офицеров в своих домах и квартирах было вызвано ростом патриотических настроений в провинциальном обществе в связи с началом русско-турецкой войны в 1877 г. и было характерно для наиболее состоятельных представителей предпринимательских кругов российской провинции. Так, в Костромской губернии не отмечено ни одного частного лазарета, хотя 2 места в Вичугском госпитале содержал потомственный почетный гражданин кинешемский купец 1-й гильдии Н.А. Раззоренов [76. Л.45]. В Ярославской губернии частными лицами было открыто три лазарета на 62 места, финансирование которых осуществляли крупные ярославские предприниматели. Потомственный почетный гражданин мануфактур советник П.И. Оловянишников открыл в своем доме лазарет для офицеров на 2 места, который содержал на собственные средства. Более крупный лазарет на 50 мест был организован в Ярославле для низших чинов потомственным почетным гражданином В.В. Пеговым. В Норском посаде Ярославского уезда был открыт и содержался лазарет на 10 мест для низших чинов правлением Норской мануфактуры льняных изделий. Подобная тенденция прослеживается и во Владимирской губернии. Пять лазаретов на 110 мест были организованы и содержались представителями купеческого сословия. В местечке Никольском крупным российским предпринимателем Т.С. Морозовым, сыном Саввы Морозова, было создано и содержалось одно лечебное заведение на 30 мест для больных и раненых воинов. В Александровском уезде формируется сразу несколько лазаретов: в селах Струнине и Карабанове на 40

мест для раненых военнослужащих купцами А.И. и Н.И.Барановыми, в Александрове лечебные учреждения для больных и раненых воинов на 40 мест предпринимателями Зубовым и Первушкиным [363. С.2]. Значительное количество alexandrovskих частных лазаретов объясняется фактором личного участия. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. городским головой Александрова являлся купец 1 гильдии А.И. Баранов, известный своей благотворительной деятельностью. Он лично отчислял денежные средства в распоряжение местного комитета общества попечения о больных и раненых воинах, собирая пожертвования, подбирал подходящие помещения для лазаретов. А.И. Баранов бесплатно предоставил флигель собственного дома для земского лазарета. Непосредственное и активное решение важнейших организационных вопросов по оказанию помощи больным и раненым воинам А.И. Барановым стало примером для alexandrovskих купцов Зубова и Первушкина. Благотворительная деятельность купцов Александровского уезда во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. настолько выделялась, что была специально отмечена в «Отчете о деятельности владимирского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах»: «Следует остановиться с величайшей благодарностью на пожертвованиях Т.С. Морозова, А. Баранова, Н. Баранова, господ Зубова и Первушкина, которые на собственные средства устроили лазареты и выразили желание принять на свое полное попечение известное число больных, на все время войны...» [527].

Независимо от источника финансирования и принадлежности лечебных заведений, в которых располагались места для больных и раненых воинов, Циркулярное распоряжение Главного управления общества Красного Креста «О подготовке санитарного персонала для военного времени» причисляло все лазареты и госпитали, где размещались больные и раненые воины, на период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «...собственно к категории заведений Красного Креста». Это относилось в первую очередь к мес-

там для больных и раненых воинов, открытым в городских и земских больницах на время войны [232. Л.104].

По своему характеру лазареты Красного Креста для раненых офицеров и солдат являлись благотворительными учреждениями, поскольку содержались исключительно на общественные и частные средства. Все учреждения и частные лица обязались содержать организованные ими лазареты на собственные средства, отказавшись от денежного пособия по 40 копеек в сутки, которое выделяло Военное ведомство на содержание каждого раненого или больного. Подобный отказ от возмещения платы за содержание раненых и больных в лазаретах со стороны земских обществ и частных лиц в Ярославской губернии позволил обществу в 1877 г. 17156 рублей 40 копеек [236. Л.9]. Кинешемское земство в Костромской губернии, устроив в земской больнице 10 кроватей для больных и раненых воинов и отказавшись от возмещения затрат на содержание каждого раненого, позволило сохранить на счетах Главного Управления 1771 рубль 20 копеек. Сэкономленные суммы давали возможность перераспределить их и вместе с крупными пожертвованиями общественных организаций и частных лиц, поступавших по случаю войны на счета местных управлений и комитетов общества Красного Креста губерний Центральной промышленной области, использовать на другие нужды.

Следует признать, что лазареты, созданные местными учреждениями Общества в российской провинции, сыграли важную роль в организации медицинской помощи раненым и больным воинам и способствовали реализации системы эвакуации раненых и больных вглубь империи. Эвакуация больных и раненых солдат и офицеров с театра военных действий русско-турецкой кампании 1877-1878 гг. в госпитали Ярославской, Костромской и Владимирской губерний приостанавливается только зимой 1878 года. Наибольший приток больных и раненых с фронтов русско-турецкой войны в 1877 г. отмечался в госпитали Ярославской губернии. За 1877 г. в медицинские учреждения Ярославской губернии поступило 1556 раненых и больных

воинских чинов [236. Л.9]. Соседние губернии не испытывали такого наплыва раненых и больных: лазареты Владимирского местного управления Общества в течение 1877 г. приняли 329 нижних чинов действующей армии, а в Костромскую губернию всего было эвакуировано 372 нижних чина [363. С.2; 436. С.187]. Это объясняется расположением Ярославля и многих городов Ярославской губернии (Рыбинск, Ростов, Данилов) на железных дорогах, что позволяло принимать раненых и больных, эвакуируемых с фронта через Москву вглубь Российской империи. Те лазареты, которые были организованы вне железнодорожных путей, открытых для санитарных поездов, считались вспомогательными. Например, в Ярославской губернии вспомогательными считались лазареты, находящиеся в уездных городах. Они служили для того, чтобы разгружать лазареты, лежащие на путях движения санитарных поездов, и тем самым, освобождать места для вновь прибывающих раненых и больных. Так, в течение 1877 г. из лазаретов Ярославля 471 человек был переведен в лечебные учреждения Костромской губернии, а 131 человек в уездные земские больницы уездных городов Ярославской губернии [236. Л.9].

Приток раненых и больных в ярославские лазареты шел безостановочно и приводил к нехватке свободных мест. В этих условиях в июне 1877 г. ярославское местное управление Общества, пытаясь найти «особые внебольничные заведения, приюты для выздоравливающих, которым не нужна была специальная медицинская помощь, а требовалась хорошая пища и гигиенические условия», обратилось к мужским монастырям с просьбой принять на своё содержание выздоравливающих нижних воинских чинов. Удалось определить, что практика организации приютов в монастырях для выздоравливающих военных была свойственна только монастырям Ярославской губернии. Приюты для выздоравливающих были организованы в ярославском Толгском монастыре (на 15 человек), в Петровском монастыре в Ростове (на 7 человек), в Белогостицком и Борисоглебском монастырях (по 3 человека), в Югском монастыре (на 10 человек), в ярославском Афанась-

евском монастыре (на 5 человек) [243. Л.310]. Все указанные монастыри содержали выздоравливающих воинов на свои средства.

Снабжение и обеспечение деятельности госпиталей как форма общественной помощи военным в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако только созданием лазаретов и госпиталей для больных и раненых воинов общественная помощь в губерниях Центральной промышленной области в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. не ограничилась. Существовала необходимость в снабжении раненых, находящихся в лечебных учреждениях и в тылу, и на фронте, медикаментами, продуктами питания, одеждой, транспортными средствами и обеспечить наличие опытного медицинского персонала. Эта деятельность также осуществлялась на общественные и частные пожертвования под руководством местных отделений Общества Красного Креста. «Разнообразными потребностями госпиталей действующей армии» были: «1) предметы, относящиеся до перевязки раненых; 2) остальные предметы, необходимые при подаче медицинской помощи (для обработки ран, хирургические инструменты и др.); 3) предметы одежды для больных; 4) постельные принадлежности; 5) предметы переноски и передвижения больных и раненых; 6) посуда и домашняя утварь; 7) предметы потребления (чай, консервы, мыло и др.); 8) предметы удовлетворения некоторых духовных и умственных потребностей больных во время их пребывания в госпиталях» [337. С.190-191]. Для того, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение лазаретов, где лечились больные и раненые воины, в соответствии с таким обширным перечнем необходимых предметов, требовались не только денежные средства, самоотверженный и бескорыстный труд членов провинциальных дамских комитетов, но и четкая организация подобного вида деятельности, как на местах, так и в общероссийском масштабе.

Силами общественной благотворительности собирались специальные средства и вещи, создавались швейные мастерские и местные склады для хранения изготовленных и пожертвованных вещей, которые впоследствии отправлялись в действующую армию и в местные лазареты. Для снабжения

госпиталей действующей армии было создано два центральных склада в Санкт-Петербурге и в Москве, куда стекалось разнообразное госпитальное имущество из местных складов Красного Креста, которые, как правило, создавались при местных дамских комитетах. Они же организовывали и швейные мастерские, в работе которых участвовало женское население провинциальных городов. Так, при ярославском Дамском комитете в июне 1877 г. были открыты швейные мастерские для пошива госпитальных принадлежностей и белья. Швейная мастерская при костромском Дамском комитете располагалась в зданиях Богоявленского монастыря, и работали в ней монастырские сестры и воспитанницы монастырского училища [362. С.5]. Во Владимире весной 1877 г. с разрешения губернатора в городском общественном клубе «женское население города» устроило общественную швейную мастерскую. Там изготавливались бельё и одежда не только для действующей армии, но и для раздачи военным при выписке их из лазаретов и госпиталей [363. С.2]. Все изготовленные в мастерских вещи поступали в склады, организованные при Дамских комитетах или при местных управлениях Общества, откуда они направлялись как в местные лазареты, так и в действующую армию через петербургский и московский центральные склады Общества. Так, ярославское местное управление Общества к ноябрю 1877 г. отправило в действующую армию теплых вещей и белья на 300 человек [233. Л.79]. В январе 1878 г. ярославский Дамский комитет занимался комплектованием уже четвертой партии лазаретных принадлежностей на 200 человек для отправки на фронт. 21 августа 1877 г. костромской дамский комитет сообщил, что 34 тюка предметов санитарной помощи были отправлены для Дунайской армии. 27 сентября 1877 г. ещё 23 тюка санитарных принадлежностей для Дунайской армии костромской дамский комитет переслал в петербургский центральный склад [121. Лл. 12,14]. Из московского центрального склада 22 сентября 1877 г. бельё, присланное костромским дамским комитетом, было отправлено в Систово (Болгария) [121. Л.54]. В результате развития боевых действий на Балканах русская армия

всё больше и больше испытывала потребность в одежде и в обуви, а с наступлением зимы в тёплых вещах. Для того, чтобы заготовить теплую одежду и обувь для лазаретов Ярославской губернии и лазаретов действующей армии был организован специальный сбор средств на эти цели. Например, ярославские купцы Понизовкины пожертвовали 450 рублей для покупки теплой одежды для военных лазаретов. Всего на эти цели ярославским местным управлением Общества было собрано 6725 рублей [236. Л.10]. Великолужский дамский комитет Костромской губернии пожертвовал 500 рублей на покупку теплой одежды для больных действующей армии [109. Л.3].

Владимирское местное управление общества Красного Креста отправило на театр военных действий повозки для перевозки раненых. «...Неимение средств к удобной перевозке больных из своих частей в госпитали и из госпиталей, ближе расположенных к театру действий, в госпитали более отдаленные...» признавалось военной администрацией главным недостатком в организации помощи больным и раненым воинам во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов. «Перевозка производилась как было можно, транспорты двигались как попало, часто без офицеров, медиков и фельдшеров. ...Мы потеряли громадный процент смертности между больными и ранеными. Тех и других (кроме убитых) было за время войны до 90000 человек... Из них большая часть умерла в госпиталях, вследствие перевозки по грунтовым дорогам и чрезмерного скопления больных в госпиталях» [409. С.82-83]. Поэтому для обеспечения фронта удобными и безопасными средствами транспортировки раненых по грунтовым дорогам, в конце октября 1877 года Владимирское местное управление Общества отправило на фронт 10 рессорных линеек, изготовленных в Москве. В начале ноября транспортные средства были доставлены в Белу, где 8 линеек и конные носилки с лошадьми были переданы в 56 военно-временный госпиталь, а 2 линейки в летучий санитарный отряд общества «Красный Крест» [518. С.59].

Желание прийти на помочь воюющим солдатам и офицерам были настолько велики в российской провинции, что общественные силы стремились организовать необходимую медико-санитарную помощь не только внутри Российской империи, но и на театре боевых действий. Оказание помощи на полях битв, прежде всего, заключалось в отправке санитарных отрядов в район боевых действий. Так, ярославский Дамский комитет организовал летучий санитарный отряд для перевозки раненых воинов с поля битвы до ближайшего эвакуационного пункта. Отряд, который сопровождал уполномоченный от дамского комитета Н.А. Улисов, выехал из Ярославля в Брестовец 31 декабря 1877 г. В состав этого санитарного отряда входили 2 фельдшера, 4 сестры и 3 брата милосердия, а также несколько человек прислуги. Отряд, состоящий из 10 санитарных повозок с лошадьми и 25 тюков лазаретных принадлежностей, был снаряжен на собранные для этой цели пожертвования в размере 13325 рублей. Денежные средства использовали не только на устройство санитарного отряда, но и на содержание его личного персонала на все время войны [518. С.59].

Оценивая деятельность Российского общества Красного Креста и его учреждений по организации общественной помощи военнослужащим во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., можно выделить ряд положительных моментов этой деятельности. Во-первых, хороший уход, внимательное отношение персонала к пациентам и хорошие санитарные условия в этих медицинских учреждениях, во-вторых, "...разнообразие и довольствие в пище, питье и в госпитальной обстановке вообще...", которого не было в военных госпиталях. Это отмечали не только сами деятели Общества, но и военная администрация. В результате осмотра 102 врачебных заведений Общества, проведенного в октябре, ноябре и декабре 1877 года в 22 губерниях, в том числе в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях, генерал-адъютант Волков отмечал "...блестательные результаты лечения раненых и больных, добывая, главным образом, благодаря отличному уходу, хорошему помещению, опрятному содержанию, чистому воздуху, разно-

образию и обилию пищи.“ Особо подчеркивалось “простое, полное теплого участия обращение с больными и ранеными уполномоченных и членов Общества “Красного Креста“, дежурных дам высшего круга, их внимательность и заботливость к нуждам больных и раненых... “ [318. С.5]. Так, например, во время прибытия больных и раненых воинов в земскую больницу в Данилове Ярославской губернии члены Даниловского местного комитета Общества встречали их, а “...дамы заботились о немедленном переодевании, затем раздавали чай и булки и почти ежедневно навещали больных, заботились об их корреспонденции, писали им письма, отправляли их на свой собственный счет, читали им и снабжали Евангелиями“ [255. Л. 2 об.].

Различия в содержании лазаретов Общества и военно-медицинских госпиталей подчеркивали и военные медики. Так, выдающийся хирург, профессор Н.И. Пирогов писал: “В учреждениях Красного Креста бельё несравненно тоньше, пища гораздо роскошнее, а каталог лекарств ... разнообразнее.“ При этом знаменитый хирург подчеркивал, что “...напрасно истрачиваемые деньги на тонкое бельё и приготовление изысканной пищи лучше было бы употребить на покупку госпитального холста и приготовление хорошей, но обыкновенной госпитальной пищи...” [330. С.23]. Военные медики отмечали, что “...заботы, внимание и средства частных лазаретов (под частными лазаретами понимались все медицинские учреждения, организованные Обществом попечения о раненых и больных воинах – прим. авт.) уходят на попечение о незначительном числе больных и раненых. Тысячи же по отношению к десяткам остаются лишь зрителями таких ... дорогостоящих попечений“ [319. С.7]. В целом, “оба медицинских ведомства, как военное, так и Красного Креста ... находили недостатки друг в друге: в Красном Кресте была слишком большая роскошь, неумелость, беспорядки; в военных госпиталях воровство – и потому страшный недостаток необходимого“ [420. С. 92]. По мнению военных медиков, деятельность общественных организаций, имела бы наилучшие результаты в том случае, если

она была вспомогательной, то есть направлялась на оказание помощи военно-медицинским учреждениям [319. С. 7].

Организованное в соответствии с общим планом санитарной деятельности военного ведомства в русско-турецкую кампанию 1877-1878 гг., общественное призрение стремилось «...приходить туда на помощь, где более всего в нем нуждаются» [348. С.5]. Наиболее активно и действенно оно проявило себя в организации сети госпиталей внутри страны и лечении раненых и больных солдат и офицеров. Существование такой системы общественных медицинских учреждений внутри Российской империи способствовало улучшению участия раненых и больных воинов, не оставляя их вблизи мест сражений, «...не скучивать их в одном месте – в военно-временных госпиталях, а разывать их по разным местам внутри России» [455. С.58]. Не менее масштабной стала деятельность по созданию складов и швейных мастерских с целью организации снабжения тыловых и фронтовых лазаретов необходимым госпитальным имуществом. Существовавшая в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и требовавшая больших материальных затрат на оборудование и снаряжение, а также значительных усилий по подготовке медицинского персонала организация и отправка на фронт санитарных отрядов и отрядов сестер милосердия, тем не менее, стала приоритетной деятельностью общественных сил во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

Принципы организации общественного призрения военнослужащих в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Начало военных действий на Дальнем Востоке в конце января 1904 г. не оставило безучастным к «...жертвам боя ... тех, кто лишен возможности сражаться за родину...» [382. Отд. I, С. 109]. Широкое участие общества в оказании добровольной благотворительной помощи жертвам военных действий во время русско-японской войны 1904-1905 гг. отмечалось повсеместно в губерниях Центральной промышленной области. Ярославская, Костромская и Владимир-

ская губернии включились в дело общественного призрения военнослужащих в связи с войной.

Рассматривая основные тенденции и принципы организации общественного призрения военнослужащих в указанном регионе в период русско-японской войны 1904-1905 гг., можно выделить ряд характерных особенностей. Во-первых, происходит усиление централизации в управлении делом общественного призрения и благотворительной деятельностью со стороны Главного Управления Российского общества Красного Креста (РОКК) по сравнению с русско-турецкой войной 1877-1878 гг. Во-вторых, заметно стремление активизировать оказание социальной помощи военнослужащим и благотворительные акции на местном уровне путем открытия возможно большего числа местных дамских комитетов, рассматривающихся как первичное звено при проведении благотворительных мероприятий всех уровней – от сбора средств и вещей для армии до создания санитарных отрядов. В-третьих, отмечается организация масштабной медицинской и санитарной помощи общественными силами не столько в тылу (как это было во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.), сколько непосредственно на театре военных действий или вблизи них. В-четвертых, активизируется привлечение к деятельности по уходу за больными и ранеными воинами штатных сестер милосердия общин Красного Креста, которые активно стали появляться при провинциальных дамских комитетах Общества на рубеже 1890-1900-х годов. И, наконец, в-пятых, более активную позицию в деле призрения военнослужащих в период войны начинают играть земства, что приводит к объединению ряда земств Центральной России в общеземскую организацию с целью оказания помощи больным и раненым на Дальнем Востоке.

Руководство благотворительной деятельностью в период русско-японской войны 1904-1905 гг. находилось в ведении Российской общества Красного Креста, организации, основной задачей которой стало определение направлений благотворительности во время войны и централизация

всей добровольной помощи. При определении задач в деле оказания помощи армии в военное время подчеркивалось, что «...только при условии объединения под флагом Красного Креста всех желающих посильно помочь больным и раненым воинам русских людей может быть достигнута поставленная задача: облегчение страданий неизбежных жертв настоящей войны» [192. Л.54]. Поэтому было решено, что «...вся добровольная помощь должна состоять в ведении одного центрального органа Красного Креста, который отправляет на театр войны своих главноуполномоченных» [340. С. 1254].

Следует отметить, что Общество Красного Креста со своими многочисленными комитетами и управлениями имело положительный опыт оказания помощи военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Во-первых, был накоплен опыт организации сети лазаретов Красного Креста внутри Российской империи и эвакуации раненых и больных с театра военных действий. Во-вторых, была широко организована подготовка сестер милосердия и санитаров для оказания медицинской помощи больным и раненым воинам в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., что способствовало выработке основных принципов формирования санитарного персонала на случай военного времени. В-третьих, были выработаны подходы к организации снабжения военных госпиталей и лазаретов Красного Креста одеждой, перевязочными материалами, продуктами питания, медикаментами через создание особых мастерских и складов. Несомненно, что весь этот опыт учитывался при организации общественной помощи армии в период русско-японской войны 1904-1905 гг.

Деятельность местных управлений и комитетов общества Красного Креста в российской провинции в период русско-японской войны 1904-1905 гг. регламентировалась и направлялась Исполнительной комиссией, которая была создана при Главном управлении РОКК в Санкт-Петербурге. Создание Исполнительной комиссии на период войн преследовало цель оперативного управления всей общественной добровольной помощью на театре войны.

Именно Исполнительная комиссия разработала план организации помощи на театре военных действий, а также определила основные задачи по оказанию всех видов добровольной помощи военнослужащим в военное время для всех местных управлений Российского общества Красного Креста.

План организации помощи военным, пострадавшим в военное время, разработанный Исполнительной комиссией Главного Управления РОКК, предусматривал «помощь военно-лечебным заведениям, лазаретам, эвакуационным пунктам и санитарным поездам персоналом и снабжением предметами, не полагающимися по табелям военного времени; устройство собственных лазаретов на 200, 100, 25 и 10 кроватей и летучих санитарных отрядов, как на театре военных действий, так и в тылу армии, устройство, по настоящию военного ведомства, собственных этапно-питательных пунктов и приспособление к перевозке раненых парохода «Монголия», баржей и санитарных поездов; организация серии складов для питания как военно-лечебных заведений, так и учреждений Красного Креста на театре военных действий и в тылу армии» [192. Л.59об.]. Такие масштабные задачи требовали значительных денежных средств и людских ресурсов. Поэтому Исполнительная комиссия отмечала, что «...первая помощь со стороны населения – дать средства Красному Кресту...» [192. Л.53]. С первых дней войны все местные учреждения Общества должны были «немедленно организовать на самых широких началах прием пожертвований, как денежных, так и материальных, помещая о сем публикации в изданиях, устанавливая кружки и увеличивая число своих органов – комитетов – для сбора пожертвований по всем городам. Поэтому местные управления должны позаботиться об открытии комитетов в уездных городах» [192. Л.1]. Создавая разветвленную сеть уездных комитетов в российской провинции, местные управления РОКК губерний Центральной промышленной области нацеливали их лишь на сбор денежных средств и различных пожертвований, которые концентрировались в местных управлениях и использовались для решения задач, поставленных Исполнительной комиссией Главного управления РОКК.

Одной из таких задач, как было отмечено выше, стало устройство лазаретов Красного Креста на 200, 100, 25 и 10 кроватей и летучих санитарных отрядов, как на театре военных действий, так и в тылу армии. Однако, если в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. создание сети эвакуационных тыловых лазаретов в городах Ярославской, Костромской и Владимирской губерний занимало ведущее место в деле общественного призрения, то во время русско-японской войны 1904-1905 гг. это направление деятельности отходит на второй план. С начала военных действий и до весны 1905 г. больные и раненые воины эвакуировались с дальневосточного театра военных действий в губернии, входившие в состав Московского военного округа. Они размещались в лазаретах Красного Креста, в частных и общественных лечебницах и на бесплатных местах, предложенных частной благотворительностью. Из 14 губерний, составлявших Московский военный округ, лишь 9 губерний имели 32 эвакуационных лазарета Красного Креста, в том числе 3 лазарета на 135 мест было открыто во Владимирской губернии. В 5 губерниях, в том числе в Ярославской и Костромской не было создано ни одного эвакуационного лазарета Красного Креста [12. Л. 76]. Тем не менее, период русско-японской войны 1904-1905 гг. стал временем очередного подъема в сфере общественного призрения в губерниях Центральной промышленной области. Однако, в указанный период внимание местных управлений РОКК Ярославской, Костромской и Владимирской губерний было сосредоточено на организации медико-санитарной помощи раненым воинам не в тылу, а на фронте. В связи с этим действия всех уездных комитетов РОКК указанных губерний были также направлены на обеспечение этой помощи.

Деятельность санитарных отрядов Красного Креста во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Участие региональных управлений общества Красного Креста в деле общественного призрения военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области во время русско-японской войны 1904-1905 гг. выразилось в создании санитарных отрядов Красного

Креста, которые отправлялись на Дальний Восток с целью организации там лазаретов для больных и раненых воинов. Особо следует отметить тот факт, что в этой деятельности можно проследить синтез государственной и общественной помощи раненым военным. Несомненно, что организация и оказание медицинской помощи военным, пострадавшим на полях сражений, является, прежде всего, заботой различных учреждений военного ведомства. Вместе с тем, созданные на общественные и частные пожертвования при активном участии общественных сил санитарные отряды Красного Креста органично дополняли военно-санитарную часть на театре военных действий. Так, санитарный отряд ярославского местного управления РОКК был сформирован исключительно на средства, пожертвованные населением Ярославля и Ярославской губернии [174. Л.62]. На снаряжение этого отряда, включая подъемные, жалованье и суточное довольствие персоналу было потрачено 37 502 рубля 89 копеек [177. Л.6]. Содержание лазарета отряда Красного Креста в Чите также осуществлялось из средств ярославского местного управления Красного Креста, пожертвованных на «...устройство помощи больным и раненым воинам...» [177. Л.7]. Эти расходы с апреля 1904 по ноябрь 1905 г. составили 329 011 рублей 69 копеек [328. С.882].

Ярославский отряд Красного Креста прибыл в Забайкальскую область первым из тех двенадцати отрядов, которые были созданы в европейской части России в 1904 г. для отправки в тыл армии. Он оборудовал лазарет в Чите на 410 мест, а также два отделения для лечения инфекционных больных, поступающих с санитарных поездов [328. С. 881]. Отряд состоял из 52 человек, из которых было 15 сестер милосердия Федоровской общины сестер милосердия при ярославском дамском комитете и 30 санитаров [174. Лл. 79об., 80об.]. Особого внимания заслуживает врачебный состав ярославского санитарного отряда. Интересно, что врачебный персонал состоял не только из врачей Ярославской губернии. Так, старший врач отряда Борис Львович Гордон-Клячко являлся ординатором Морозовской университетской клиники в Москве по лечению опухолей. Он работал под руководством мос-

ковской профессуры и имел самостоятельные научные труды. Врач Николай Фатеевич Надеинский в 1903 г. окончил курс медицины в Томском университете, но уже в 1902 г. в составе санитарного отряда принял активное участие по оказанию врачебно-питательной помощи от Общества Красного Креста населению Томской губернии, пострадавшему от неурожая. Врач Павел Петрович Успенский занимал должность земского врача Кинешемского уезда Костромской губернии. Фармацевт Иван Владимирович Груздев в 1901 г. окончил курс в ярославской земской фельдшерской школе и заведовал аптекой при крупной фабричной больнице в Шуе Владимирской губернии. Из ярославских врачей в состав отряда Красного Креста входили врач Николай Самсонович Крейс, который специализировался в хирургии и имел обширную практику в Ярославле, врач Николай Павлович Орлов, занимавший должность земского врача Рыбинского уезда Ярославской области, и классный медицинский чиновник, заведующий в отряде хозяйственной частью Николай Сергеевич Никитин, имевший свой зубоврачебный кабинет в Ярославле [174. Л.47]. Н.С. Никитин открыл в Чите при ярославском лазарете Красного Креста зубоврачебный кабинет, который безвозмездно оказывал помощь не только больным и раненым лазарета, но и воинам читинского гарнизона, а также жителям Читы [205. Л.7].

Подобная деятельность по организации санитарных отрядов и отправке их на Дальний Восток была характерна и для местных комитетов РОКК Костромской губернии. Так, кинешемский комитет Красного Креста организовал Кинешемско-Вичугский отряд, который в июне 1904 г. прибыл в Манчжурию и развернул лазарет на 150 мест в Айсяндзане. Кроме оказания медицинской помощи отряд предоставлял и продовольственную помощь (был накормлен один санитарный поезд с ранеными) [328. С. 199]. В июле 1904 г. отряд развернул постоянный лазарет в Кайюане, куда во время боя на Шахэ поступило 162 больных и раненых офицеров и нижних чинов [328. С.267].

Костромское местное управление РОКК также организовало отряд Красного Креста, который в конце августа 1904 г. прибыл в Харбин, но по-

скольку там не было помещения для лазарета, часть персонала развернула лазарет на одной из станций Южно-Китайской железной дороги, а свободный персонал отправился в Мукден, где на вокзале устроил перевязочный пункт. Персонал занимался не только перевязкой раненых, их оперированием и снабжением бельем, одеялами, халатами, но иногда даже ездил с теплушечными поездами за ранеными на передовые позиции. Всего на пункте Костромского отряда было перевязано 2000 человек и сделано 58 операций [328. С.268].

Был сформирован и отправлен на Дальний Восток врачебно-санитарный отряд с лазаретом на 200 кроватей и Владимирским местным управлением Российского общества Красного Креста [403]. Снаряжение владимирского санитарного отряда Красного Креста осуществлялось при активном участии общественных сил города. Заготовлением хирургических инструментов, медикаментов, перевязочных средств, постельных принадлежностей и белья для раненых занимались женский Дом трудолюбия, Благотворительное общество, Свято-Успенский Княгинин женский монастырь, Епархиальное женское училище, женская воскресная школа, владимирская женская гимназия, Александрийский приют. В состав этого отряда входили 5 врачей, 15 сестер милосердия, 30 санитаров, фармацевт и заведующий хозяйством, во главе стоял старший врач владимирской городской больницы, доктор медицины А.А. Головачев. 19 марта 1904 г. владимирский врачебно-санитарный отряд отправился на Дальний Восток. Он работал в Мукдене, Хайгене, Айсяд-зяне, Ляояне, Телине, Гудзулине и Куаньченды и вернулся во Владимир 3 ноября 1905 г. [316. С. 2]. Главноуполномоченный Российского общества Красного Креста С.В. Александровский высоко оценив работу владимирского врачебно-санитарного отряда, писал в своей телеграмме: «От души благодарю за прекрасно снаряженный Владимирский отряд. В несколько часов госпиталь в Мукдене развернулся, принял свыше 100 раненых, привезенных с Тюренченской позиции. Состав отряда удивительно применяется к местным условиям, вызывая всеобщее одобрение» [405].

Из Владимирской губернии на Дальний Восток во время русско-японской войны 1904-1905 гг. было отправлено ещё два отряда: 31 марта 1904 г. в Нерчинск был отправлен лазаретный отряд на 50 кроватей, организованный Иваново-Вознесенским местным комитетом общества Красного Креста, а 14 апреля 1904 г. – отряд Владимирской Георгиевской общины, состоящий из 10 сестер милосердия.

«Деятельность Красного Креста разрослась до громадных размеров, объединяя в себе всю общественную благотворительность по организации медицинской и санитарной помощи на театре войны» [340. С. 1256]. Всего было создано свыше 160 лазаретов, объединенных Красным Крестом, и в районе боевых действий, и в тылу. Лечебные учреждения Красного Креста, организованные в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях, располагались в Маньчжурии и в Забайкалье. Так, к концу 1904 г. на территории Маньчжурии действовало 30 лечебных учреждений Красного Креста, в том числе костромской земский лазарет (на 150 мест), владимирский Георгиевский лазарет (на 250 мест), костромской лазарет Красного Креста (на 200 мест), кинешемско-вичугский лазарет (на 150 мест), ярославский земский лазарет (на 150 мест). Там же были открыты ярославский земский питательный пункт, владимирский питательный пункт Красного Креста и костромской земский питательный пункт. В Забайкалье из европейской части России в течение 1904 г. прибыло 12 санитарных отрядов Красного Креста, первым из которых был ярославский врачебно-санитарный отряд Красного Креста с лазаретом, расположившийся в Чите.

Земская помощь больным и раненым воинам в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Можно утверждать, что наряду с деятельностью общественных организаций происходит активизация земских учреждений губерний Центральной промышленной области по оказанию помощи военнослужащим, пострадавшим на войне. Следует рассматривать земства как еще одну силу, деятельность которой стала эффективным дополнением государственной помощи военнослужащим в период русско-японской войны 1904-

1905 гг. Земские учреждения губерний Центральной промышленной области были готовы участвовать «в удовлетворении нужд государственных, вызванных бедствием войны». Прежде всего, земская деятельность выразилась в выделении денежных средств на нужды, связанные с войной. В русле общероссийского опыта земства выделяли средства на надобности армии и флота, на Красный Крест, на помошь семействам, пострадавших на войне. Так, экстренное ярославское губернское земское собрание от 21 февраля 1904 г. постановило «... позаимствовать из капитала добровольного страхования 150 тысяч рублей...», из которых 50 тысяч рублей были направлены на усиление флота, 50 тысяч рублей предполагалось выплатить в виде пособий семьям чинов запаса, которые проживали в Ярославской губернии и призывались в действующую армию, и наконец, 50 тысяч рублей было израсходовано на организацию земского санитарного отряда. Организация и деятельность врачебно-этапных земских отрядов стала основным видом помощи больным и раненым воинам в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Выбор подобного вида помощи был не случаен. Он был обусловлен тем опытом, который был накоплен земствами в деле оказания помощи населению в периоды голода и эпидемий, а также определялся планом деятельности общеземской организации по оказанию помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке.

Вопрос о том, «какое назначение дать земским пожертвованиям» волновал деятелей местного самоуправления по всей стране. Земский гласный Ялтинского уезда Таврической губернии В. Винберг в своем открытом письме к земским гласным от 26 марта 1904 г. отмечает, что «... нам (земству – *прим. авт.*) следует остановиться на тех нуждах, которые земство может всего полнее и всего лучше удовлетворить. ... Земство должно направлять свои пожертвования исключительно на помошь пострадавшим на войне и их семействам». Он подчеркивает, что «...земство, заведя более четверти века продовольственным делом, имеет необходимый опыт в деле оказания помощи населению в тяжелые годы; ему приходилось не раз спасать

население от последствий острой нужды... Самим пострадавшим на войне от ран и болезней земство может оказать существенную помощь не только отправлением санитарных отрядов на театр войны, но и организацией врачебной помощи у себя на месте...» Вместе с тем, земский деятель отмечает, что при осуществлении подобной деятельности все земства должны действовать по единому плану, который бы объединил усилия земств и тем самым «...равномерно распределил тяжесть бремени между различными губерниями...» [385. С.294-295].

Для выработки единого плана действий и объединения усилий земств при московской губернской управе была создана исполнительная комиссия по организации помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке, к которой присоединились представители 11 земств, в том числе ярославского и костромского. Это был первый опыт объединившихся земств «...обслуживать совокупными силами общероссийские нужды в моменты всенародного бедствия войны». Согласно плану, разработанному на совместных совещаниях представителей земств, присоединившихся к московскому земству для организации общеземской помощи больным и раненым воинам, в мае 1904 г. ярославским губернским земством был сформирован врачебно-этапный отряд для отправки на Дальний Восток. Формирование и снабжение земских отрядов, в том числе и ярославского отряда, осуществлялось централизовано и координировалось исполнительной комиссией при московской губернской земской управе. Подобная совместная работа имела ряд преимуществ. Во-первых, она позволяла уполномоченным от земств обмениваться знаниями, опытом, принимать оперативные решения на общих совещаниях и действовать наиболее эффективно. Во-вторых, в ходе совместной работы была выработана единая для всех земств программа для снаряжения санитарных отрядов, что на практике облегчало их формирование. К тому же, земские отряды, снаженные единообразно, могли заменять друг друга и помогать тем, кто терял оборудование, что было не редкостью в условиях военного времени. В-третьих, совместная деятельность при соз-

дании отрядов позволяла осуществлять закупку предметов снаряжения сразу для нескольких отрядов оптом, что было значительно дешевле и удобнее. Вместе с тем, каждое земство обладало полной свободой в выборе персонала и в управлении своим отрядом, как административном, так и хозяйственном.

Врачебно-этапные отряды создавались с целью устройства врачебно-питательных пунктов, где эвакуируемые с поля сражения раненые до поступления в госпиталь или санитарный поезд могли бы отдохнуть, получить первую медицинскую помощь и питание. Сформированный ярославским земством врачебно-этапный отряд представлял собой подвижной лазарет на 25 мест, который в случае необходимости можно было увеличить до 50 мест. Персонал отряда состоял из двух врачей, фельдшера, лекарской помощницы, четырех сестер милосердия, заведующего счетоводством и делопроизводством отряда и семи санитарных служителей. Руководил деятельностью отряда уполномоченный губернского земства врач Д.И. Блатов. «Бодрость духа и нескрываемое желание отезжающих поработать на общую пользу» отмечалось среди персонала ярославского земского врачебно-этапного отряда, который в мае 1904 г. отправился в Харбин [387. С.405]. Снаряжение отряда, состоящее из 496 мест весом около 1500 пудов, включало в себя все необходимое для работы в районе боевых действий. Вместе с ярославским врачебно-этапным отрядом в мае 1904 г. на Дальний Восток отправились ещё пять отрядов московского земства и костромской земский отряд. Впоследствии ярославский и костромской земские отряды работали совместно.

Первоначально эти отряды предполагалось разместить в тылу армии и использовать в качестве врачебно-питательных этапов или эвакуационных передаточных пунктов. На практике дело обстояло иначе. В результате военных действий пункт назначения ярославского отряда ещё с начала июня 1904 г. оказался на передовых линиях театра военных действий. Уполномоченный отряда Д.И.Блатов отмечал: «Русская армия неуклонно отодвигается

на север по направлению железных дорог, поэтому грунтовых этапов не существует вовсе... ...Этапно-врачебные пункты, открываемые земствами близ станций железных дорог с приближением линии огня к северу должны были превращаться из питательных в перевязочные и эвакуационные...» Поэтому было решено отказаться от плана земских этапно-продовольственных отрядов и устроить обыкновенный стационарный госпиталь. В июле 1904 г. такой объединенный лазарет ярославского и костромского земств был открыт около станции Айсяндзань. Устройство ярославо-костромского лазарета вызывало восхищение посетителей и становилось в пример уполномоченными Красного Креста. «...Оборудование земских отрядов настолько полно, что они не терпят решительно никаких недостатков и им даже удавалось удовлетворять просьбы некоторых лазаретов Красного Креста, снабжая их подчас необходимым» [389. Отд. II. С.144]. Лазарет на станции Айсяндзань проработал до конца июля 1904 г. За это время в нем находилось 451 больной, из которых 30 раненых. С отступлением русской армии ярославский и костромской земские отряды отошли в Тьелин и развернули там госпиталь и продовольственный пункт на станции железной дороги. Так, с 17 по 26 августа этим продовольственным пунктом было накормлено 10370 человек, то есть почти все раненые под Ляояном и Янтаем [391. Отд.I. С.253]. Всего объединенная земская организация для помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке к июню 1904 г. подготовила 20 оборудованных врачебно-этапных отрядов на 525 мест.

Таким образом, в деятельности санитарных отрядов земских учреждений и региональных управлений общества Красного Креста Ярославской, Костромской и Владимирской губерний отчетливо прослеживается соединение государственной и общественной помощи военнослужащим в военное время, поскольку эти отряды служили «дополнением войсковых лазаретов». Вместе с тем, по признанию Военного ведомства, «эти отряды самая подвижная, а потому самая целесообразная форма помощи» [340. С.1257]. Кроме того, Военное ведомство высоко оценивало устройство земских врачеб-

но-питательных пунктов. Генерал-адъютант Куропаткин отмечал «...выдающуюся, полезную, самоотверженную деятельность врачебно-санитарных отрядов при манчжурской армии, снаряженных на средства 14 земств внутренних губерний...» и высказывал пожелание об увеличении числа отрядов [392. Отд. I. С.372]. Корреспондент «Русского Слова» В.И. Немирович-Данченко после осмотра нескольких земских отрядов, в том числе и ярославского и костромского, писал: «...Тут все, и врачи, и сестры, и санитары соперничают в трудной и опасной работе. Организация дела строгая. Обязанности от старшего до младшего исполняются точно, неуклонно. Между земцами не встречал белоручек. Каждый знает, что он должен делать, и делает, в общем, сверх ему определенного. Уход за ранеными превосходный, серьезный, научный. Земские деньги тратятся осмотрительно, целесообразно. Короче, тут вы разом попадете в область изумительного порядка и отчетности, полного принесения самого себя в пользу ближнего. Видишь, что выполняется не казенное формальное дело, а совестливая работа, которой выбранные земством люди отдают и сердце, и мозг, и руки» [391. Отд. II. С.264].

Вместе с тем, современники отмечали не просто отсутствие недостатка в госпитальном имуществе и медицинском персонале лазаретов Красного Креста, но даже подчеркивали их излишнюю роскошь. Благодаря наличию значительных денежных средств медицинские учреждения Красного Креста были лучше оснащены и укомплектованы, чем госпитали военного ведомства. О.А. Баумгартен, сестра милосердия Георгиевской общины, работавшая в осажденном Порт-Артуре, писала: «Да, счастлив тот, кому случится попасть в какое-либо учреждение под ведомством общества Красного Креста! Он может быть уверен, что нуждаться ни в чем не будет, а, наоборот, его там ожидает полный комфорт, даже роскошь. Красный Крест ни в чем не отказывает; Красный Крест любит роскошь; Красный Крест щедро тратит врученные ему деньги, а также и пожертвованные гроши бедняков!» [421. С.10]. Роскошь лазаретов Красного Креста, а также особые условия работы

врачей в этих лазаретах, получавших при этом более высокое жалованье, негативно сказывались на отношении к ним персонала медицинских учреждений военного ведомства. О.А. Баумгартен приводит в своих воспоминаниях высказывание доктора Иванова, старшего хирурга сводного военного госпиталя: «Наша работа, то есть работа военных врачей, несравненно труднее работы врачей Красного Креста. В военном ведомстве не спрашивают врача, в силе ли он справиться со своими больными; в наших госпиталях нет определенного числа больных в военное время, а у вас уже всегда определенное число и всегда спрашивают врача, может ли он справиться с работой. Вы работаете в роскоши, всего у вас вдоволь, а у нас во всем недостаток. А жалованье-то у вас какое огромное, вдвое больше нашего!» [421. С.18]. Неоправданную роскошь лазаретов Красного Креста признавали даже деятели Красного Креста. Врач ярославского отряда Красного Креста Н. Орлов писал: «Возможность бесцельных затрат значительных сумм отрядами Красного Креста и явные злоупотребления в расходовании этих сумм действительно наблюдались в течение войны, контроль над расходованием этих сумм был фиктивным, отчеты явно несообразные утверждались главным управлением, а суммы Красного Креста, собранные главным образом помошью налога на билеты (железнодорожные, театральные и т.п.), по своему существу близкие к казенным суммам, тратились непроизводительно, а нередко и «экспроприировались». ... В большинстве лазаретов Красного Креста особенной бережливости с суммами Красного Креста не наблюдалось...» [205. Л.49]. Тем не менее, несмотря на существовавшие злоупотребления, именно благодаря общественной помощи, организованной и управляемой Российским обществом Красного Креста, удалось обеспечить осуществление медико-санитарной помощи раненым и больным воинам в дополнение к государственной медицинской помощи военным, пострадавшим во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

Таким образом, приоритетным направлением общественного признания военнослужащих и деятельности общественных организаций и земских

учреждений губерний Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн стала организация медико-санитарной помощи больным и раненым воинам. Реализация именно этого направления, прежде всего, была обусловлена требованием времени, необходимостью оказать поддержку той категории, которая больше всего в ней нуждается. В военные периоды в качестве такой категории нуждающихся несомненно выступают больные и раненые воины. Вместе с тем, организация медицинской помощи на театре военных действий и забота о раненых являлись частью системы общественного признания и благотворительности, складывавшейся во второй половине XIX в.

Медико-санитарная помощь раненым воинам, оставаясь приоритетным направлением общественного признания в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн, претерпела ряд изменений. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., первой крупной военной кампании с участием России с момента основания Общества попечения о больных и раненых воинах, медицинская помощь пострадавшим во время военных действий со стороны общественных сил губерний Центральной промышленной области преимущественно заключалась в создании и обеспечении деятельности тыловых эвакуационных лазаретов. Участие российской провинции в осуществлении врачебной помощи непосредственно на театре военных действий не носило массовый характер и выражалось в отправке на фронт небольших санитарных отрядов и транспортов с госпитальным имуществом.

В период русско-японской войны 1904-1905 гг. медицинская помощь раненым воинам от земских, городских и общественных учреждений Ярославской, Костромской и Владимирской губерний заключалась в организации и содержании санитарных отрядов, которые действовали как в Маньчжурии, так и в Забайкалье, то есть приближенно к району боевых действий. С одной стороны, эффективную деятельность таких отрядов обеспечивали, самоотверженный труд медицинского и санитарного персонала и хорошее

снабжение, поступавшее исключительно из Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Российская провинция стала по существу той базой, откуда поступали материальные и людские ресурсы, необходимые для функционирования санитарных отрядов и их лазаретов на Дальнем Востоке. С другой стороны, успешному осуществлению медико-санитарной помощи больным и раненым воинам в период русско-японской войны 1904-1905 гг. способствовали особенности организационного характера. Главное достоинство частной помощи на войне – её гибкость, способность приспособливаться к обстоятельствам. Деятельность санитарных отрядов Красного Креста и земских врачебно-этапных отрядов, организованных в российской провинции, была централизована, подчинена единому плану, позволявшему формировать подобные отряды единообразно. Вместе с тем, при практическом осуществлении помощи и земским врачебно-питательным отрядам, и санитарным отрядам РОКК была предоставлена полная свобода действий. Это приводило к тому, что отряды и их медицинские учреждения действовали подвижно и мобильно, легко приспосабливались к вновь возникающим потребностям военного времени и адекватно реагировали на новые условия. В результате медико-санитарное направление общественного признания военнослужащих периодов русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн в губерниях Центральной промышленной области стало самым масштабным и наиболее результативным.

2.2. Участие общин сестер милосердия Красного Креста губерний Центральной промышленной области в деле общественного признания военнослужащих во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн

Оказание общественной помощи военнослужащим особенно в периоды войн требовало от региональных обществ Красного Креста и частных лиц губерний Центральной промышленной области не только материальных средств, но и активного личного участия. Кроме организационной работы по сбору пожертвований, проведению благотворительных мероприятий и ак-

ций, созданию лазаретов, складов и швейных мастерских местные управления и комитеты Красного Креста Ярославской, Костромской и Владимирской губерний занимались подготовкой опытного санитарного персонала для ухода за больными и ранеными воинами. Рассмотрение этой стороны деятельности управлений Красного Креста при изучении темы общественного признания военнослужащих представляется важным, поскольку позволяет рассмотреть вопросы кадрового обеспечения дела общественного признания, от которого зависели успешность и эффективность помощи военнослужащим. Преимущественно подготовка медицинского и санитарного персонала силами учреждений Красного Креста выражалась в создании и обеспечении деятельности общин сестер милосердия.

Общие принципы организации деятельности общин сестер милосердия в России в конце XIX в. Вопрос о подготовке опытного санитарного персонала для нужд военного времени встал почти сразу же после образования Общества. Одновременно стали предлагаться и пути его решения. В декабре 1868 года была высказана идея о тесной взаимосвязи и совместной деятельности Общества попечения о больных и раненых воинах с медицинскими обществами при подготовке и обучении сестер милосердия, фельдшеров, санитарной прислуги и в поиске уже подготовленного медицинского персонала в военное время. Эта идея имела свои основания, так как из 35 медицинских обществ, которые действовали в России, 23 находились в губерниях, где были открыты местные управления Общества попечения о раненых и больных воинах. Например, подобная ситуация в указанный период отмечалась в Ярославской губернии, где наряду с местным управлением Общества попечения о раненых и больных воинах существовало и общество ярославских врачей [217. Л.77 б]. Тем не менее, на практике была реализована идея подготовки в мирное время сестер милосердия Красного Креста.

Оказание медицинской помощи больным и раненым воинам во время войны силами сестер милосердия, входивших в общину, впервые практикуется в России в годы Крымской войны. 120 сестер милосердия Крестовоз-

движенской общиной, учрежденной в сентябре 1855 г. в Петербурге с целью служения во время войны в военных госпиталях, прибыли в Крым для оказания помощи больным и раненым. «...Великая княгиня (Елена Павловна) отрядив сестер милосердия в Севастополь, оказала услугу истинную страждущему человечеству, и сделала переворот в госпиталях, введя в них чуткий женский элемент при уходе за больными...» [427. С.51]. В основном общины сестер милосердия находились в Санкт-Петербурге и Москве. (Так, в Санкт-Петербурге в указанный период действовало 6 общин численностью 300 сестер милосердия).

При изучении «Правил о сестрах Красного Креста» и «Правил для сестер милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами в военные госпитали, утвержденных военным министром» [333], изданных в 1875 г., были выявлены основные принципы подготовки лиц женского пола к обязанностям сестер Красного Креста, а также права и обязанности сестер милосердия. Эти документы стали руководством для региональных управлений и комитетов Общества в деле подготовки женского санитарного персонала для ухода за ранеными воинами. Так, для подготовки сестер Красного Креста принимались женщины в возрасте от 20 до 45 лет, христианского вероисповедания, грамотные и не имеющие физических недостатков или болезней, которые не позволяли бы им ухаживать за больными. Замужние женщины обязаны были предоставить свидетельство от мужа о его согласии на принятие женой обязанностей сестер Красного Креста. Это было необходимо, поскольку сестры Красного Креста находились под постоянным наблюдением местных комитетов и управлений Общества и обязаны были прослужить в распоряжении Общества попечения о раненых и больных воинах в случае начала военных действий в течение всей войны. С этой целью по окончании обучения они давали расписку с обязательством сообщать о любом изменении места жительства в местное управление Общества.

Обучение обязанностям сестер Красного Креста проходило при военных, военно-морских госпиталях или гражданских больницах. Если буду-

щие сестры милосердия зачислялись в штат военных госпиталей, то они содержались за счет военного ведомства. Те, кто проходил обучение в гражданских больницах, содержались на средства местных управлений и комитетов Общества. Порядок занятий согласовывался местными управлениями или комитетами с госпитальным или больничным начальством. Сестры милосердия были обязаны ухаживать за больными и ранеными в палатах, наблюдать за точным исполнением назначений врача, следить за приготовлением пищи на кухне, наблюдать за состоянием больных и обо всех изменениях сообщать дежурному врачу. Срок обучения определялся главным врачом, и заканчивался, как только обучаемая приобретала «достаточные сведения и навыки к отчетливому выполнению врачебных предписаний», но не более двух лет. По истечении этого срока ученицы сдавали экзамен и получали звание сестер Красного Креста с выдачей свидетельства от местного управления или комитета Общества.

Штатным сестрам Красного Креста, которые прослужили в военных и военно-морских госпиталях не менее 25 лет и у которых ежегодно делались вычеты из жалованья в общий пенсионный капитал, выплачивалась пенсия по 100 р. в год из Государственного Казначейства. Сестры Красного Креста могли получать пенсию и через 15 лет службы, если «сделаются по болезни неспособными к исполнению своих обязанностей». Те из сестер милосердия, кто получал раны илиувечья при исполнения своих обязанностей, могли обратиться за помощью в Александровский комитет о раненых, как и другие военные инвалиды.

Программа подготовки сестер Красного Креста (ученых сиделок) содержалась в «Правилах о сестрах Красного Креста и сестрах милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами», опубликованных в 1876 г. Обучение было рассчитано на 1 год и сочетало теоретические знания с практической работой по уходу за больными в различных отделениях больницы. Через 1 год слушательницы выдерживали экзамен, по ре-

зультатам которого им присваивалось звание либо ученой сиделки 1-го или 2-го разряда, либо сестры Красного Креста.

Во второй половине XIX в. общины сестер милосердия воспринимались современниками как учреждения, для которых уход за больными был профессиональным делом. На основании двух факторов – какому учреждению община подчиняется и каким категориям нуждающихся помогает - все общины сестер милосердия, созданные на территории России, можно условно разделить на 3 группы. Во-первых, это общины, осуществлявшие широкую благотворительную деятельность, включая призрение бедных, неимущих, воспитание бедных и брошенных детей. Во-вторых, выделялись общины, чья основная деятельность заключалась в помощи больным и раненым воинам (именно подобные общины тесно сотрудничали с дамскими комитетами Общества попечения о раненых и больных воинах). В-третьих, отмечались общины, которые существовали при женских монастырях и находились в ведении Святейшего Синода (эти общины часто вели широкую благотворительную деятельность и существовали на основе монастырского общежития).

В конце 60-х годов XIX в. отмечалось несколько попыток со стороны Московского, Вяземского, Полтавского и Одесского Дамских комитетов общества Красного Креста, а также Подольского местного управления организовать подготовку сестер милосердия, способных оказывать квалифицированную помощь не только больным и сиротам, но и участникам военных конфликтов, в т.ч. непосредственно на театре военных действий. Так, «Проект положения об образовании сестер милосердия при Полтавском Дамском комитете» предусматривал подготовку одновременно не более шести сестер милосердия в возрасте от 20 до 50 лет в течение одного года. Во время обучения уходу за больными сестры обеспечивались пищей и одеждой от Дамского комитета. Окончившие годовой курс получали аттестат сестры милосердия и крест для ношения на шее. Важным моментом было то, что даже после завершения обучения сестры оставались в ведении

Полтавского Дамского комитета и были обязаны два раза в год являться на одну неделю в Полтаву «для упражнения в уходе за больными в больницах». По требованию Дамского комитета сестры милосердия обязаны были явиться в его распоряжение, а в случае их отправки в армию они получали «путевое пособие, одеяние и содержание» [217. Л.77а].

В начале 70-х гг. XIX в. становится очевидным, что было необходимо создание специальной сестринской общины Общества со своими лечебными заведениями для подготовки «военных» сестер милосердия. Подобной общиной стала Свято-Георгиевская община сестер милосердия, открытая в Петербурге в ноябре 1870 г. по инициативе председательницы 5-го Санкт-Петербургского Дамского комитета Российского общества Красного Креста графини Е.Н. Гейден при поддержке председательницы 2-го Санкт-Петербургского комитета РОКК Евгении Максимилиановны принцессы Ольденбургской. Это была первая сестринская община, основанная в мирное время для попечения о раненых и больных воинах и находившаяся в ведении Российского общества Красного Креста. В основе создания общины св. Георгия сестер милосердия лежал иной принцип подготовки женщин для ухода за больными и ранеными воинами по сравнению с другими, ранее возникшими общинами. В «Записке о подготовлении женщин для ухода за больными и ранеными воинами» графиня Е.Н. Гейден отмечала, что «...женщины из военного сословия как поставленные в самое близкое со-прикосновение с нуждами и условиями военного быта...» должны «...заботиться в мирное время о приискании и подготовлении благонадеж-ных солдатских жен для образования из них фельдшериц и санитарной при-слуги», а также «принять участие в приискании лиц женского пола, желаю-щих посвятить себя обязанностям сестер милосердия, и солдатских жен, ко-торые могли бы исполнять обязанности фельдшериц в военное время» [217. Л. 77в].

Следует отметить, что создание общины св. Георгия в Петербурге ста-ло общим делом российской общественности. Поскольку Свято-

Георгиевская община сестер милосердия находилась в ведении общественной организации, Российского общества Красного Креста, её содержание осуществлялось с привлечением частных пожертвований со всей России. Так, в течение 1873 г. ярославская духовная консистория отсылала пожертвования разных лиц в размере 99 рублей 23 копейки в пользу общин сестер милосердия св. Георгия в Петербурге [224. Л.13].

Появление Георгиевской общины в Санкт-Петербурге стало началом движения по созданию общин сестер милосердия Красного Креста при женских монастырях в российской провинции. Подобная тенденция отмечалась и в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях. В Ярославской губернии вопрос об организации общин сестер милосердия при женских монастырях впервые поднимается в 1870 г. в связи с тем, что в «Программе занятий Общества попечения о больных и раненых воинов в мирное время» предусматривалось «... подготовление сестер милосердия и ... изыскание средств к тому, чтобы по наступлении военного времени не было недостатка в этих существенно полезных и необходимых людях» [219. Л. 3]. Необходимость создания общин сестер милосердия была обусловлена, «во-первых, несомненной помощью, которую хорошо приспособленные к уходу лица женского пола могут оказывать раненым, во-вторых, значительностью их числа в военное время», в-третьих, возможностью собрать уже подготовленный санитарный персонал при наступлении войны [221. Л.26]. Однако все обращения ярославского местного управления Общества к настоятельницам ярославского Казанского, мологского Афанасьевского, рыбинского Софийского и ростовского Рожденственского женских монастырей с просьбой учредить при монастырях общины сестер милосердия не были удовлетворены. Основными причинами отказа стало отсутствие условий, средств, на которые можно было содержать и обучать сестер милосердия в общине, и подходящих для этой цели людей. Сестрами милосердия могли стать незамужние женщины или вдовы в возрасте от 20 до 40 лет. Многие ярославские монастыри ссылались на то, что у них жили преимущественно престарелые,

а «...молодые необходимы для монастырской службы». Ещё одной причиной невозможности открыть общину сестер милосердия являлось отсутствие при монастыре больницы, где можно было бы обучать сестер, а «посылать за монастырь – в городскую больницу – несообразно с правилами монастырскими» [492. С.34].

Региональный опыт организации общин сестер Красного Креста в губерниях Центральной промышленной области в последней четверти XIX в. К вопросу о создании общины сестер Красного Креста ярославское местное управление Общества возвращается в 1873 году. Организация общины происходила при участии ярославского земства. Подготовка сестер при больнице губернского земства признавалась необходимой «... как для оказания помощи раненым и больным воинам во время войны, так и для ухода за больными в самой больнице в мирное время» [371. С.155]. Губернская управа бесплатно предоставила для сестер Красного Креста помещение на 10 человек с отоплением и освещением, а местное управление Общества попечения о раненых и больных воинах взяло на себя содержание сестер из расчета по 6 рублей в месяц на каждую. Поскольку ярославское местное управление Общества испытывало «недостаточность расходных сумм», было решено обратиться к частной благотворительности и организовать подписку для сбора добровольных пожертвований на создание общины сестер милосердия. С 10 июля по 17 ноября 1873 г. по этой подписке было собрано 1994 рубля 50 копеек, и 12 января 1874 г. при ярославской губернской земской больнице была открыта община сестер Красного Креста [406]. В июне 1874 г. в честь бракосочетания Великой княгини Марии Александровны с Альфредом-Эрнестом-Альбертом великобританским, герцогом Эдинбургским, герцогом Саксен-Кобург-Готским ярославской общине Красного Креста было присвоено название «Мариинская» [222. Л.77].

В состав первой общины сестер Красного Креста в Ярославле вошли 7 послушниц ярославского Казанского и 3 послушницы ростовского Рождественского женских монастырей. В январе 1875 г., завершив годичное обуче-

ние в Мариинской общине при ярославской губернской земской больнице, все 10 слушательниц выдержали экзамен и получили свидетельства на звание сестер Красного Креста. Через год, в 1876 г., завершили обучение в общине и стали сестрами Красного Креста ещё 2 послушницы рыбинского Софийского женского монастыря. Так, в 1876 г., до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в распоряжении ярославского управления Общества состояло 12 сестер Красного Креста, которые все были монастырскими послушницами и жили в своих монастырях [229. Л.1]. По окончании обучения сестры Красного Креста ярославской Мариинской общины дали расписки с обязательством сообщать о любом изменении места жительства в ярославское местное управление Общества и таким образом находились под его постоянным наблюдением [222. Л.108]. Из тех, кто окончил курсы в 1875 г., одна монахиня отказалась от санитарной службы в 1877 г., и была исключена из общины.

Таким образом, до начала войны с Турцией в 1877 г. число ярославских сестер милосердия было невелико и не смогло бы обеспечить потребности эвакуационных лазаретов губернии в случае войны. В связи с этим, с началом русско-турецкой войны в 1877 г. при ярославской губернской земской больнице были открыты курсы подготовки санитарного персонала для лиц женского пола, куда принимались представительницы всех сословий. Необходимость подобных курсов была очевидна, поскольку кроме нравственных качеств сестры должны были обладать специальными знаниями и навыками по уходу за больными и ранеными. «...Сестры «Красного Креста» должны удовлетворять двум требованиям бескорыстного стремления на помочь ближнему и знания дела. Самоотверженная деятельность, не опирающаяся на знание и умение, будет в большинстве случаев бесплодною тратою сил; познание и опыт, не согретые лучами смирения и бескорыстной любви у страждущим – не редко будут лишены той внутренней силы, которая делает их особенно полезными» [455. С.12]. Подготовка женского санитарного персонала на этих курсах осуществлялась в соответствии с «Правилами для

приема лиц, желающих поступить в сестры Красного Креста, на время настоящей войны» и продолжалась шесть недель. Всего в Ярославле на курсах в течение 1877 г. обучалось 28 женщин, 24 из которых в 1877 г. получили звание сестер Красного Креста, остальные 4 завершили обучение в 1878 г. Курсы для подготовки сестер Красного Креста были организованы и рыбинским местным комитетом Общества при местной земской больнице, на которых обучались 5 женщин различных сословий, успешно выдержавших экзамены и получивших звания сестер Красного Креста. Они служили при госпитале, созданном местным комитетом Общества в Рыбинске [240. Лл.2,17]. В итоге за время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. при ярославском местном управлении Общества образовалась община сестер Красного Креста в составе 39 человек, из которых 25 монастырских послушниц и 14 лиц разных званий и сословий.

Представляется возможным проанализировать сословный состав слушательниц курсов подготовки санитарного персонала для лиц женского пола, получивших звания сестер Красного Креста за годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Среди них были представительницы купеческого сословия (купеческая вдова, купеческая жена, дочь купца), выходцы из семей священнослужителей (дочь священника), мещанки (мещанская девица), женщины из военного сословия (жены подпоручиков, поручиков) и крестьянки (крестьянские девицы) [234. Л.21; 237. Л.3; 235. Л.63]. Важно отметить, что из-за недостатка денежных средств в мае 1877 г. ярославским местным управлением было принято решение, «чтобы монастыри содержание при больнице и мужского и женского санитарного персонала приняли на свой счет. А одиночные лица - добровольцы для обучения санитарному делу – должны содержаться за свой счет и размещаться на частных квартирах» [233. Л.16]. Фактически лишь наиболее состоятельные представительницы купеческого сословия оплачивали своё содержание и обучение санитарному делу [235. Л.63]. Финансирование обучения и содержания сестер Красного Креста других сословий, а также монастырских послушниц осуществлялось

за счет средств местного управления из расчета по 7 рублей в месяц на каждую [238. Л.4].

Подобные курсы для подготовки сестер милосердия также были открыты в конце мая 1877 г. во Владимире. 30 июля и 2 августа 1877 г. 20 слушательниц этих курсов были удостоены звания сестер Красного Креста, а 8 – звания сиделок. Все сестры были распределены по местным лечебным учреждениям. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. они работали в лазаретах Красного Креста (9 сестер), в военных госпиталях (5 сестер), в земских больницах (3 сестры) и в частном лазарете Баранова (2 сестры) [363. С.2].

Одновременно с ярославским, костромское местное управление Общества попечение о раненых и больных воинах приступает к подготовке сестер милосердия до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Однако костромичи в этом вопросе оказались успешнее ярославцев. Инициатива костромского управления Общества была подхвачена Богоявленским женским монастырем. В 1873 г. при Богоявленском монастыре при содействии местного управления Общества создаются две лечебницы, одна из которых располагалась в здании упраздненного Крестовоздвиженского монастыря, другая в Назаретской пустыни в 15 верстах от Костромы [492. С.35]. Открытие этих лечебниц при монастыре преследовало несколько целей. Во-первых, «... чтобы при женских монастырях формировались и подготавливались отряды сестер милосердия для ухода в военное время за больными и ранеными воинами...», а, во-вторых, «... чтобы устройством лечебниц и приемных покоя для упражнения подготовляемых в сестры милосердия лиц, монастыри могли на местах проявлять благотворительность нуждающимся и распространять на население, лишенное врачебной помощи» [99. Л.18]. Именно эти монастырские лечебницы и стали центром подготовки женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными воинами в период русско-турецкой войны в 1877-1878 гг. Здесь были организованы специальные курсы по программе подготовки сестер Красного Креста.

Программа сочетала теоретическое обучение с практической работой по уходу за больными и была рассчитана на один год, но в связи с условиями военного времени обучение было сокращено до 6 недель. Интересно отметить, что наряду с монахинями и послушницами костромских монастырей на этих курсах обучались 12 сестер Холмогорского Успенского женского монастыря Архангельской губернии, а также «лица светского звания». Всего при Богоявленском монастыре было подготовлено 66 сестер Красного Креста и сиделок, из которых большую часть составляли монастырские сестры (49 сестер монастырского звания и 17 светского) [93. Л.21].

Деятельность региональных общин сестер Красного Креста во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Подготовленный в российской провинции за время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. женский санитарный персонал работал как в местных лазаретах, организованных для больных и раненых воинов на территории губерний Центральной промышленной области, так и в лечебных учреждениях действующей армии. Так, в 1877 г. по распоряжению Главного Управления Общества одна сестра милосердия ярославской общины была направлена в харьковский госпиталь. Вскоре по собственной инициативе она перешла на службу ярославского дамского комитета и была отправлена вместе с тремя сестрами Красного Креста в действующую армию в Болгарии в составе летучего санитарного отряда, организованного ярославским дамским комитетом в декабре 1877 г. [236. Лл. 6,7]. Кроме того, ещё пять сестер милосердия светского звания были отправлены в резерв, в госпитали Харькова [166. Лл.53,54]. 9 сестер светского звания и 25 послушниц ярославских монастырей, выдержавших экзамен на звание сестры милосердия, остались при ярославском местном управлении Общества. Большая часть из них поступила на службу в местные лазареты Ярославской губернии. Всего в ярославских эвакуационных лазаретах во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. работало 28 сестер милосердия [посчитано по: 236], преимущественно послушницы монастырей, обученные уходу за больными и ранеными.

Женский санитарный персонал, подготовленный по программам Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах в Костромской губернии, широко использовался для службы не только в местных лечебных учреждениях, но и на театре военных действий. Отряд из 16 сестер Красного Креста и сиделок под руководством старшей сестры А.Д.Свербеевой был отправлен на Кавказ в район боевых действий. Он был сформирован при Богоявленском монастыре «...из лиц женского пола, изъявивших желание послужить страждущим воинам. В отряд монастырское начальство принимало таких лиц, которые были готовы и по нравственности, и по способности к трудному делу» [99. Лл. 18об.,19]. С мая по сентябрь 1877 г. эти 10 сестер Красного Креста и 6 сиделок светского звания ухаживали за ранеными и больными в Александропольском военном госпитале (Закавказье) [111. Лл. 27,28]. Оценивая участие общества Красного Креста в организации помощи больным и раненым воинам на фронтах русско-турецкой войны 1877-1878 гг., князь Э.Н. Мещерский, полковник, флигель-адъютант, герой Шипки писал именно об этом военно-медицинском учреждении: «Прежде всего скажу, что ещё раз, именно здесь, в Александрополе, более чем где либо, я убедился как велико и уместно благодеяние Красного Креста... .Можно положительно сказать, что не будь Красного Креста с его неоскудевающею деятельностью, не только врачи военных госпиталей оказались бы в невозможности лечить раненых удовлетворительно, но на 2/3 раненых не хватило бы белья...» [347. С.5]. Военные медики, оценивая деятельность Общества Красного Креста периода русско-турецкой войны 1877-1878 гг., к положительным сторонам относили именно медико-санитарную помощь на театре боевых действий силами сестер милосердия. В своём отчёте главный врач 21-го госпиталя на Кавказе писал: «Самую существенную пользу общество Красного Креста оказалось больным в присылке в госпиталь сестер милосердия. ...Вообще сестры, к чести их, самым добросовестным образом исполнили возложенную на них обязанность» [455. С. 76].

Большинство костромских сестер Красного Креста было распределено по лазаретам внутри империи: 15 сестер служили в госпиталях Кинешмы, двое работали при костромской уездной земской больнице, 20 сестер милосердия ухаживали за больными и ранеными воинами в лечебницах Богоявленского монастыря, одна была отправлена в госпиталь в Сергиев Посад, и 12 сестер находились в запасе [329. С.4]. Любопытно, что и сестры Холмогорского монастыря Архангельской губернии, получив звание сестер Красного Креста, не уехали с костромской земли и с августа 1877 г. работали в кинешемских госпиталях [100. Л. 8]. В целом, большая часть женского санитарного персонала, подготовленная в российской провинции, осталась в пределах своих губерний, и лишь незначительная его часть была отправлена в район действующей армии.

Незначительное количество сестер Красного Креста, отправленных в район театра военных действий, объясняется рядом причин. Во-первых, большую часть сестер, подготовленных провинциальными (ярославским и костромским) местными управлениями Общества, составляли монастырские послушницы, приписанные к местным женским монастырям. «Правила...» предписывали «таких лиц ... оставить в местных госпиталях, в районе их Епархий» [101. Л.4]. Соответственно их направляли в госпитали, находившиеся в районе их Епархии. Во-вторых, желающих попасть в госпитали действующих армий было очень много, но попадали на передовые перевязочные пункты «отдельные личности, заслужившие полное доверие и получившие разрешение главного военного начальства» [455. С.92]. Среди них были опытные сестры столичных общин, дамы, принадлежавшие к общинам сестер милосердия, и жены начальников военных частей, которые назначались уполномоченными общества Красного Креста. Насколько трудно было получить направление из провинции в лечебные учреждения действующих армий видно из слов одной сестры из Екатеринославля: «После утомительной просьбы у начальника я едва-едва могла получить разрешение и попала прежде в Харьков в лазарет «Красного Креста», где выказала способности

по уходу за ранеными и где признали усердной и терпеливой, так что профессор Грубе нашел удобным поместить к себе в клинику для ухода за отборными ранеными» [455. С.91]. В-третьих, условия жизни и работы на передовых пунктах были крайне тяжелыми и признавались «неудобными и невыносимыми» для самой женщины. Рабочий день сестры милосердия в госпитале начинался в 6-7 часов утра и продолжался до 21-22 часов вечера. Обязанности сестер были достаточно широки: они не только выполняли врачебные предписания, но иногда даже брали на себя обязанности фельдшеров по лечению больных и раненых, участвовали в перевязках.

Основным занятием сестер милосердия в лазаретах и госпиталях во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был уход за больными и содержание в чистоте их белья, одежды, постели. Большое значение имело дежурство сестер на кухне с целью наблюдения за приготовлением пищи для больных и раненых и её раздачей. В своем отчете главный врач 21 госпиталя на Кавказе отмечал: «Они (сестры милосердия – прим. авт.) оказали особенные услуги присмотром за приготовлением пищи, правильною раздачею её, а также правильною раздачею больным чая, вина, водки и пр., следили за тем, чтобы все распоряжения палатных ординаторов были в точности исполнены, особенно касающиеся трудных больных» [455. С.76]. Наконец, почти везде сестры Красного Креста читали больным и писали письма за тех, кто был не в состоянии это сделать, а нередко просто подбадривали добродушной беседой. В обязанности сестер милосердия кроме исполнения предписаний врача и осуществления хорошего ухода входило оказание особой заботы тяжело больным воинам. «Попечение сестер милосердия особенно должно быть обращено на трудно больных или умирающих... В минуты безнадежного отчаяния утешить его словом... Ей другой раз придется написать безграмотному письмо на родину, принять от умирающего последние его поручения, а может быть и выслушать сердечную тайну... ...как много наберется для неё дела и без медицинского дела» [121. Л.41].

«Война с турками показала необходимость и благотворность частной помощи во время войны и на войне. ... Самую существенную и серьезную услугу принесло Общество «Красного Креста», оказав помочь персоналом: сестрами, фельдшерицами и пр.» [455. С.225]. Опыт подготовки и использования женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. оказался настолько положительным, что «необходимость введения в состав госпитального персонала нового элемента, специально для ухода за больными, элемента женского, который ... имел значительные преимущества для прохождения обязанностей по уходу за больными и ранеными...» стала очевидной [455. С.228].

Активное участие в деятельности по уходу за ранеными и больными воинами стало тем делом, которое позволило русской женщине, пожалуй, впервые в истории, проявить себя на общественном поприще. «Барыни до сих пор славившиеся своими куриными мозгами и куриными наклонностями, вдруг точно прозрели. Красный крест сестры милосердия сманил многих из теплых насиженных мест... Первый раз за все последнее время – русская женщина, тщетно бившаяся в охватывающем её со всех сторон омуте ничегонеделания, почувствовала под ногами что-то твердое... Вышла на тяжелый путь, но всё-таки путь...» [424. С.41]. Начало войны вызвало рост патриотических настроений, в результате чего женщины всех слоев провинциального общества активно откликаются на нужды военного времени, становясь сестрами Красного Креста, фельдшерицами, сиделками. С одной стороны, представительницы слабого пола спешат воспользоваться возможностью проявить себя в служении обществу и государству наравне с мужчинами. С другой, введенная незадолго до начала войны всеобщая воинская повинность не просто затронула почти каждую семью, но и заставила женщину стать сопричастной военным реалиям. «Это был ... порыв чувства, проникнутого гражданским долгом служения обществу и государству ... » [455. С.7].

Стремление посвятить себя уходу за ранеными в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., было свойственно и образованным представительницам общества, и выходцам из простого народа. «Русская женщина без различия звания, состояния, возраста, образования ... выразила полную готовность нести служебные занятия на доступном ей поприще» [45. С.6]. Одним из требований, предъявляемых слушательницам курсов сестер Красного Креста, было «уметь читать и писать по-русски и знать 4 правила арифметики» [241. Л.120]. Это способствовало привлечению к деятельности сестер милосердия образованных и грамотных женщин. Так, из 39 человек женского персонала, подготовленного при лечебницах костромского женского Богоявленского монастыря во время русско-турецкой войны в 1877 г., 5 женщин имели образование выше уездного училища, 28 женщин были грамотными и лишь 6 человек неграмотными [72. Лл.52,53].

Общины сестер милосердия Красного Креста губерний Центральной промышленной области в межвоенный период (1880-е – 1900-е гг.) Приобретенные за годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. осознание собственной значимости, опыт служения обществу и государству, профессиональная медицинская подготовка изменили мировосприятие русской женщин, которые трудились в качестве сестер милосердия, являясь активными участниками дела общественного призрения военных. После окончания войны Турцией бывшие сестры милосердия не могли не продолжить свое общественное служение и применить полученные знания и опыт в мирной жизни. Поскольку все сестры милосердия, находившиеся на войне, находились в ведении Российского общества Красного Креста, то именно эта организация взяла на себя заботу «об устройстве и обеспечении сестер милосердия, окончивших свою деятельность в лазаратах». В августе 1878 г. Главное управление Общества, осознавая, что «из всего персонала сестер милосердия только принадлежащие к правильно организованным общинам сестер милосердия или послушницы женских монастырей найдут приют в своих обителях», просило местные дамские комитеты предоставить остальным сестрам мило-

сердия постоянную врачебную деятельность в мирное время. Предлагалось использовать знания и опыт сестер Красного Креста в земских и городских больницах, военных госпиталях и местных лазаретах, а также для ухода за больными в частных домах [367. С.5]. Такие мероприятия преследовали две цели: во-первых, предоставить возможность женщинам трудиться в мирное время и обеспечить себе содержание, во-вторых, сохранить контингент опытных и обученных сестер милосердия под эгидой общества Красного Креста на случай военного времени. Так, в Ярославской губернии в ноябре 1878 г. с целью развития деятельности состоящей при местном управлении общины сестер Красного Креста было решено в мирное время передать её в ведение ярославского дамского комитета. Председательница ярославского дамского комитета М.Н. Шмит должна была «при некоторых денежных пособиях из сумм управления приискать приют и занятия для сестер, остающихся без дела и средств к жизни» [249. Л.70].

Как правило, региональные органы общества Красного Креста старались направить сестер милосердия на службу в местные земские больницы. Этот процесс проходил достаточно сложно и долго. Так, в январе 1880 г. лишь одна сестра милосердия ярославского управления Общества была устроена на службу в любимскую уездную земскую больницу «с производством ей столового офицерского довольствия» [165. Л.28]. Это объяснялось тем, что провинциальные городские и земские больницы предпочитали обходиться без женского ухода за больными, поскольку, с одной стороны, это было достаточно затратно для земств (например, сестра милосердия, находящаяся на службе в госпитале, должна была получать офицерскую порцию, по сравнению с сиделкой, которой полагалась солдатская порция), с другой стороны, использование женского персонала в земских больницах было новшеством, которое с трудом пробивало себе дорогу. Кроме того, за время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. было обучено санитарному делу и уходу за больными и ранеными воинами около 3 тысяч женщин по всей России (из них 500 женщин только в Санкт-Петербурге) [455. С.22]. Такое

значительное количество сестер Красного Креста было избыточным в условиях мирного времени и создавало большие трудности в устройстве на службу в госпиталь. При этом в первую очередь в больницы и госпитали устраивались сестры милосердия, входившие в общины. Не имея возможности устроить огромное количество сестер, окончивших свою деятельность в лазаретах Красного Креста, местные управления зачастую обращались с просьбами решить подобную проблему в Главное управление РОКК. Однако, центральный орган Красного Креста не брал на себя решение этой проблемы, отмечая, что сестры милосердия «должны обратиться к местным учреждениям Общества о приискании им занятий у себя дома, а не отправлять их в Санкт-Петербург в Главное управление, которое и без того озабочено устройством участия массы сестер, ожидающих мест» [165. Л.39].

Изучение архивных документов фонда костромского Богоявленско-Анастасиина женского монастыря позволяет выяснить, каким образом были устроены сестры милосердия костромского дамского комитета, занимавшиеся уходом за больными и ранеными воинами в военное время. Представляется, что их судьбы являются типичными для сестер милосердия после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и наглядно демонстрируют желание женщин продолжить свою профессиональную деятельность по уходу за больными в мирное время. Костромской санитарный персонал военного времени состоял из монастырских послушниц, из воспитанниц монастырского училища, окончивших курсы сестер милосердия, и из лиц светского звания, получивших звания сестер Красного Креста по окончании курса при сельских лечебницах Богоявленского монастыря. Монастырские сестры по окончании своей службы в госпиталях Красного Креста вернулись в свои обители. Большинство сестер милосердия светского звания продолжили свою профессиональную деятельность. Так, из 9 сестер светского звания костромского дамского комитета одна поступила в Крестовоздвиженскую общину, одна продолжила работу в больнице при доме призрения в Сергиевом Посаде, куда была направлена на время войны, двое остались

штатными сестрами в кавказских госпиталях, двое желали продолжить и в мирное время свою деятельность по уходу за больными, одна вернулась в Кострому, будучи больной тифом, и не могла работать. Окончившие курс санитарной подготовки при костромском Богоявленском монастыре стремились продолжить обучение уходу за больными с тем, чтобы сделать это своей профессией. Из 6 сестер милосердия, окончивших курс подготовки, одна продолжила обучение в фельдшерском училище Санкт-Петербургского дамского лазаретного комитета, одна просила отправить её в фельдшерское училище при Покровской общине, трое продолжили курс обучения при училище Богоявленского монастыря [110. Л.33]. В своем письме к принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской Главноуполномоченный общества Красного Креста П.А. Рихтер причины желания женщин продолжить занятия санитарным делом объяснял «...не только порывами самопожертвования, но и сознанием большинства из сестер милосердия, что они должны будут променять свою тяжелую, но почетную деятельность на заботы о насущном хлебе для себя и для семейств...» [455. С.212]. Тем женщинам, которые во время войны получили сестринскую подготовку и отказались от занятий мирного времени ради службы в госпиталях и лазаратах, было сложно вернуться к своим прежним занятиям, «... особенно при известной конкуренции для женского труда».

Вместе с тем, даже к 1890-м годам проблема устройства сестер милосердия, служивших в госпиталях в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., все ещё не была решена. Главное управление РОКК по этому вопросу обращалось в министерство внутренних дел, которое рекомендовало губернаторам обратиться к уездным земствам по вопросу «...о принятии в их больницы сестер милосердия из числа бывших на службе Общества во время минувшей войны, для ухода за больными за известное вознаграждение. Цель этой меры – обеспечение участия сестер и образование их кадра на случай надобности. ...Определение сестер в больницы должно производить-

ся по соглашению с местными учреждениями Общества Красного Креста» [165. Л.22].

Следует отметить, что сестры милосердия, которые участвовали в уходе за больными и ранеными воинами, сами становились объектом сферы признания общества и государства. Особо определялся порядок выплаты пенсий сестрам милосердия, окончившим службу. Впервые сестры милосердия, находившиеся при войсках и военных госпиталях, получили право на пенсию от Александровского комитета о раненых в 1869 г. [307. Т.44. № 46739]. Затем в период русско-турецкой войны в июле 1877 г. к категориям, получавшим пособия от Александровского комитета о раненых, были добавлены «лица женского пола, официально допущенные военным начальством к уходу за больными и ранеными в военное время, в случае получения ими ран илиувечий при исполнения служебных обязанностей» [307. Т.52 № 57616]. В 1882 г. для сестер милосердия общества Красного Креста, которые по болезни или по старости не могли продолжать свое дело и которых по окончании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. насчитывалось значительное количество, Главное управление Общества учредило эмеритальную кассу на 600 участниц [170. Л.259]. И, наконец, в 1901 г. сестры милосердия и фельдшерицы РОКК получили право на пенсию из сумм Государственного Казначейства. Все сестры милосердия и фельдшерицы, прослужив в РОКК не менее 25 лет, имели право на пенсию от государства в размере 200 рублей в год, а в случае болезни сестры милосердия могли рассчитывать на пенсию в 150 рублей в год после 15 лет службы. Эмеритальный фонд Главного управления РОКК был передан в Государственное Казначейство. Пенсионные выплаты в Государственное Казначейство за тех сестер Красного Креста, которые не состояли в эмеритальной кассе, должны были вносить общины за каждую из своих сестер в размере 12 рублей в год (по 1 рублю в месяц). При этом право на получение государственной пенсии не лишало сестер милосердия права на пенсию из инвалидного капитала, то есть от Александровского комитета о раненых [170. Лл.300,303]. В целом, заботы о

дальнейшей участи сестер, завершивших службу в общине в связи с «расстройством здоровья», находились в сфере влияния местных комитетов РОКК. Именно они устраивали вышедших на пенсию сестер милосердия в благотворительные заведения и выдавали им временные пособия.

Следует подчеркнуть, что активная деятельность общества Красного Креста по подготовке санитарного персонала, организации общин сестер милосердия и обеспечению их работы по уходу за больными и ранеными воинами в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. создала прочную основу для дальнейшего развития такого направления общественного признания военнослужащих как лечение и уход за военными, пострадавшими на фронте, силами общин сестер милосердия. Игуменья костромского Богоявленского монастыря Мария после окончания русско-турецкой кампании в 1878 г. ходатайствовала о поддержании врачебно-образовательных учреждений, существовавших при монастыре, «с целью иметь как в мирное, так и в военное время, в распоряжении общества достаточное число надежных и вполне подготовленных к своему служению сестер милосердия» [455. С.239]. Личная инициатива настоятельницы монастыря способствовала тому, что деятельность монастырского училища для образования сестер милосердия Красного Креста не прекратилась и в мирное время. В результате к 1895 г. 152 выпускницы монастырского училища получили звания сестер милосердия. Из них 29 сестер вышло на пенсию после десятилетней службы, 30 выпускниц училища вышли замуж, 5 сестер умерло. Из оставшихся 88 выпускниц монастырского училища 60 сестер несли службу в различных общинах сестер милосердия Красного Креста в Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве, а 28 сестер занимались уходом за больными в земских, городских и частных больницах губерний [119. Л.9]. Богатый опыт по подготовке сестер милосердия, накопленный в Костромской губернии, был использован в 1900 г. костромским местным управлением РОКК при создании костромской Фёдоровской общине сестер милосердия Красного Креста.

В Ярославле, напротив, традиции подготовки женского санитарного персонала на случай военного времени были прерваны. Созданная до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и действовавшая в военный период Мариинская община сестер милосердия перестала существовать, поскольку преимущественно состояла из монастырских послушниц, которые после окончания войны вернулись в свои монастыри. Поэтому открытая в декабре 1893 г. ярославская Федоровская община начиналась с 5 сестер милосердия [208. Л.48]. К началу русско-японской войны в 1904 г. в ярославской общине было 25 сестер милосердия Красного Креста [188. Л.15].

В процессе организации и деятельности общин сестер милосердия Красного Креста в 1890-1900-е гг. в губерниях Центральной промышленной области прослеживаются общие черты. Во-первых, открытие общин сестер милосердия в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях происходит почти одновременно: в 1892 г. состоялось открытие Георгиевской общины во Владимире, в 1893 г. была открыта Фёдоровская община в Ярославле, в 1900 г. была основана Фёдоровская община в Костроме. Во-вторых, все общины сестер милосердия Красного Креста получили названия в честь местных чудотворцев: владимирская - «во имя святого благоверного князя Георгия Всеволдовича, владимирского чудотворца», ярославская – «во имя ярославского чудотворца Фёдора», костромская – «во имя Федоровской Божьей Матери». В-третьих, организаторами общин сестер милосердия в российской провинции стали местные органы Общества Красного Креста. В-четвертых, непосредственное обучение сестер милосердия осуществлялось только в общине, поскольку лишь общинная организация способствовала «...выработке сестер милосердия, вполне отвечающих своему трудному признанию, сознающих значение принятого на себя долга и всецело отдающихся избранному роду деятельности...» [208. Л.1]. В-пятых, деятельность местных управлений РОКК по подготовке сестер милосердия в общинах была обеспечена специальными финансовыми средствами, которые использовались не только на обучение сестер, но и на их содержание в общи-

не, поскольку «...из общих средств общества на этот предмет может расходоваться лишь ограниченная часть расходных сумм» [208. Л.69]. Так, ярославский дамский комитет ежегодно выделял из своих сумм по 500 рублей на содержание общин. Ещё 300 рублей в год на нужды общин поступало из ярославского местного управления общества Красного Креста [208. Л.48].

Вместе с тем, наряду с общими чертами в деятельности провинциальных общин сестер Красного Креста существовали и отличия. Например, значительную роль в организации Фёдоровской общине сестер милосердия в Ярославле сыграло участие ярославского губернского земства. Оно не только выделило помещение при своей больнице для общине, но и снабжало сестер продовольствием, что обходилось в 250 рублей в год. Кроме того, обучение проводили врачи земской больницы бесплатно [208. Л.48]. Костромская Фёдоровская община сестер милосердия Красного Креста пользовалась покровительством представителей Российского императорского дома, а именно принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской [89. Л.4]. Эти отличия были обусловлены тем опытом подготовки женского санитарного персонала, который был накоплен за предыдущие годы, в частности за время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Следует отметить, что деятельность всех общин сестер милосердия Красного Креста осуществлялась на основе единобразия «в порядке подготовления сестер, в условиях их быта, в порядке содержания (всегда натураю), в общей строгой дисциплине, во внутреннем строе общине, в самом установлении этого строя» [170. Л.172]. Таким образом, цель деятельности, система управления общиной, обязанности руководства общине, а также права и обязанности сестер милосердия Красного Креста в общинах губерний Центральной промышленной области были аналогичными. Так, устав ярославской Фёдоровской общине определял, что её деятельность заключалась «в приготовлении опытных сестер милосердия для безвозмездного ухода за больными и ранеными в военное время, а в мирное время для ухода за больными в военных госпиталях, больницах гражданского ведомства и в ча-

стных домах города и уездов, а также для командирования в города и селения Ярославской губернии в помощь сельскому врачебному персоналу при развитии эпидемических болезней» [208. Л. 5]. Непосредственное управление Федоровской общиной Ярославля осуществляло попечительство, в состав которого входили попечительница, её помощница, старший врач больницы, на базе которой велась подготовка сестер, священник и член-казначай. Главный контроль за исполнением сестрами их обязанностей осуществляла попечительница общины, на которой также лежала «забота об успешном развитии деятельности общины и об удовлетворении всех хозяйственных нужд» [208. Л.7]. В обязанности попечительства входило решение всех хозяйственных и финансовых вопросов, прием и отчисление учениц в школу для изучения обязанностей сестер милосердия, а также устройство и увольнение сестер милосердия и ведение их послужных списков. Непосредственной начальницей над всеми сестрами была старшая сестра, которая назначалась попечительницей общины. Старшая сестра не только назначала сестер на дежурство, но также заведовала хозяйством общины и вела отчетность по её содержанию. Она могла участвовать в уходе за больными, но освобождалась оточных дежурств.

В ярославскую Федоровскую общину Красного Креста принимались женщины не моложе 20 и не старше 45 лет, здоровые, грамотные и христианского вероисповедания. Будущие сестры милосердия должны были обладать крепким физическим здоровьем и высокими нравственными качествами, которые требовались для того, чтобы полностью посвятить свою жизнь тяжелой работе по уходу за больными и ранеными. Несмотря на то, что ограничения для желающих поступить в общину по семейному статусу не существовало, и замужние женщины наряду с вдовами и девицами могли войти в общину, предоставив подпиську от мужа о его согласии на принятие женою обязанностей сестры милосердия, фактически в общину поступали незамужние женщины. Звание сестры милосердия Красного Креста с выдачей свидетельства присваивалось после сдачи экзамена и испытания в общине

не менее 1,5 лет. Программа подготовительного курса для сестер милосердия РОКК, утвержденная Главным управлением общества Красного Креста в октябре 1895 г., была также единая для всех общин. В течение первых девяти месяцев наряду с теоретическим обучением, которое должно было «производиться по возможности демонстративно», обучающиеся с самого начала поступления в общину допускались к больным. Весь оставшийся период обучения (не менее трех месяцев) был посвящен уходу за больными в лечебных учреждениях [170. Л.239]. Таким образом, основное внимание при подготовке сестер милосердия Красного Креста уделялось обучению практическим навыкам ухода за больными. После 5 лет безупречной службы сестра милосердия получала диплом и знак отличия, который носила на шее постоянно и на службе, и вне службы. Этот знак снимался и сдавался на хранение старшей сестре общины, если сестра милосердия отправлялась в отпуск. При выходе из общины знак отбирался. Знак отличия оставляли на память тем сестрам, которые ухаживали за ранеными в военное время или безуказненно прослужили в общине не менее 10 лет. Сестры милосердия не получали плату за службу в общине, но обеспечивались жильем, питанием, одеждой, обувью, бельем и получали на мелкие расходы по 2 рубля ежемесячно.

Финансирование общин сестер милосердия Красного Креста губерний Центральной промышленной области. Представляется важным рассмотреть вопрос о финансовом обеспечении региональных общин сестер милосердия Красного Креста в мирное время. Источники финансирования общин сестре милосердия РОКК можно условно разделить на две группы: постоянные средства и средства, поступающие нерегулярно. Так, к первой группе можно отнести постоянные ежегодные пособия, выделяемые местными управлениями и комитетами РОКК; пособия, отпускаемые разными ведомствами на содержание общины; пожертвования и членские взносы членов общины; проценты с капитала, образованного из специальных пожертвований и остатков от ежегодных поступлений; сумм, вырученных сестрами за уход за

больными в госпиталях, больницах, частных домах. Чтобы способствовать привлечению общинных сестер в различные лечебные заведения своей губернии, а также в частные дома для ухода за больными за плату, подчеркивалось, что «местные учреждения должны принимать все меры к тому, чтобы склонить общественное мнение к сознанию полезности для всякого лечебного заведения иметь для ухода за больными опытных сестер милосердия» [170. Л. 173]. Например, в 1895 г. за службу в лечебных учреждениях и частных домах сестер милосердия ярославской Фёдоровской общины взималось 50 копеек в сутки, неимущие больные освобождались от этой платы. Через 10 лет, в 1905 г. эта плата была увеличена до 75 копеек в сутки [171. Лл.6,35]. Кроме того, общины сестер милосердия освобождались от гербового сбора и крепостных пошлин по всем документам и актам, совершаевшимся на её имя или от её имени [208. Л.14]. Вторую группу составляли случайные пожертвования; кружечный сбор; сборы от балов, спектаклей, базаров, вечеров и лотерей, устраиваемых для увеличения средств общины.

Общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста, в том числе и созданные в губерниях Центральной промышленной области, стали главными источниками подготовленного и опытного санитарного персонала, который был отправлен в районы боевых действий в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, первый отряд сестер милосердия в количестве 15 человек из ярославской Фёдоровской общины был отправлен на Дальний Восток в марте 1904 г. в составе врачебно-санитарного отряда ярославского местного управления РОКК [188. Л.16]. Оставшиеся в общине 11 сестер служили в местных больницах. К началу августа 1904 г. владимирская Георгиевская община развернула свой госпиталь на станции Айсяндзян, к югу от Ляоляна [328. С.207].

Несмотря на то, что Российское общество Красного Креста в 1890-х - 1900-х годах уделяло большое внимание подготовке санитарного персонала путем организации общин сестер милосердия, все же «в русско-японскую войну замечался недостаток в медицинском персонале на передовых пози-

циях, недостаток рук при той массе раненых, которая поступала в короткий промежуток времени» [340. С.1248]. В создавшихся условиях именно общины сестер милосердия стали центрами подготовки медицинского персонала для ухода за ранеными, поскольку практические курсы для подготовки сестер милосердия разрешалось организовывать только при общинах. Кроме того, отправлять санитарный персонал в район боевых действий можно было только из общин Красного Креста под ответственностью начальниц общин [172. Л.28]. Поэтому в связи с началом русско-японской войны в 1904 г. именно при общинах сестер милосердия в губерниях Центральной промышленной области открылись двухмесячные курсы для подготовки сестер. Так, с февраля по апрель 1904 г. при ярославской Фёдоровской общине 41 слушательница окончила временные курсы для получения свидетельства на звание сестры милосердия для отправки на Дальний Восток и успешно сдала экзамен [190. Л.240]. Выпускницы этих курсов составляли второй отряд сестер милосердия Красного Креста ярославской Фёдоровской общины в количестве 21 человека, который был отправлен на Дальний Восток в августе 1904 г. [189. Л.11].

Наряду с деятельностью на Дальнем Востоке, сестры милосердия общин российской провинции направлялись на борьбу с эпидемией холеры, которая охватила юго-восточные губернии России летом-осенью 1904 г. Так, в августе 1904 г. в Самару из г. Рыбинска Ярославской губернии на борьбу с эпидемией холеры было отправлено 12 сестер милосердия (2 дворянки, купеческая дочь, дочь капитана, дочь землемера, 4 мещанки и 3 крестьянки) [189. Л.3]. Несмотря на то, что денежные выплаты сестрам милосердия при командировках на войну или на борьбу с эпидемией были одинаковыми: подъемные – 125 рублей, жалованье за месяц вперед – 30 рублей и суточные – 10 рублей, желающих отправиться на Дальний Восток в район боевых действий было намного больше. Так, в своей телеграмме в Исполнительную комиссию общества Красного Креста, адресованной барону Корфу, ярославский губернатор Рогович сообщал: «Прошу телеграфировать требу-

ются ли 30 сестер на войну или по холере. Первого желают все, на второе менее желающих» [188. Л.418]. Всего в общероссийском масштабе во время русско-японской войны 1904-1905 гг. учреждениями Российского общества Красного Креста было подготовлено и отправлено в лазареты и госпитали для ухода за ранеными 959 сестер милосердия, ещё 976 сестер находились в запасе на случай замены и пополнения медицинского персонала [340. С.1257]. Такое значительное увеличение численности сестер милосердия произошло в результате подготовки сестер на сокращенных курсах при общинах в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. Однако после окончания военных действий на Дальнем Востоке все общины были обязаны «довести число сестер до штата мирного времени или до той нормы, которая соответствует обыкновенному годовому бюджету каждой общины». Так, штат ярославской Фёдоровской общины был определен в 25 сестер милосердия. Сестры милосердия, уволенные со службы, получали единовременное денежное пособие [171. Л.38].

Таким образом, организация общин сестер милосердия и подготовка санитарного персонала на случай войны стала одним из важнейших направлений общественной помощи военнослужащим в губерниях Центральной промышленной области в последней четверти XIX - начале XX вв., а деятельность сестер милосердия Красного Креста по уходу за ранеными и больными воинами имела большое значение в деле общественного призрения военных. Очевидно, что наиболее активно в последней четверти XIX – начале XX века подготовка санитарного персонала и создание общин сестер милосердия проходили в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) военных кампаний. Признание полезности института сестер милосердия в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. привело к активизации создания общин сестер Красного Креста в губерниях Центральной промышленной области на рубеже XIX - XX веков. В состав общин входили представительницы различных социальных слоев провинциального общества. Деятельность в качестве сестры милосердия позволяла женщинам

проявить себя в периоды социальной нестабильности, осознать свою общественную значимость и принести пользу. Кроме того, эта работа в военное время предполагала материальное поощрение, что для женщин, занимающих невысокое социальное положение, имело большое значение. Однако в мирное время деятельность провинциальных общин сестер милосердия не отличалась масштабностью. Это было связано с ограниченными финансовыми ресурсами и с недостатком персонала. Тот факт, что общины должны были своими силами искать денежные средства на содержание и обучение сестер милосердия, приводил к недостатку финансов, что влекло за собой небольшое количество сестер милосердия в штате провинциальных общин. Кроме того, в мирное время женщины не стремились поступить в общины, поскольку сестры милосердия не получали жалованья за свою службу, а деньги, заработанные при осуществлении ухода за больными в гражданских больницах и частных домах они были обязаны сдавать в общину.

2.3. Социальная поддержка военных инвалидов и членов семей военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в последней четверти XIX – начале XX вв.

При обеспечении социальной поддержки военнослужащих, пострадавших во время войны, и семье военных помошь поступала от общественных организаций и частных лиц. Вместе с тем, помощь военным инвалидам признавалась важной задачей государственного признания. Это была та категория нуждающихся и социально незащищенных, в отношении которых устремления государства и общества находили точки соприкосновения. Попытаемся рассмотреть, какие организации и учреждения занимались оказанием помощи участникам русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн и членам их семей в губерниях Центральной промышленной области, каковы были виды и размеры этой помощи и какой элемент - общественный или государственный - преобладал в признании военнослужащих и их семей в российской провинции.

Региональный опыт оказания социальной помощи военным инвалидам в губерниях Центральной промышленной области последней четверти XIX - начала XX вв. Вопросы финансового обеспечения военных инвалидов нижних воинских чинов со стороны государства были определены Уставом о Воинской повинности, на основании которого «нижние чины, сделавшиеся во время состояния на действительной службе, неспособными к продолжению оной ... получают от казны по 3 рубля в месяц...» [356. С.7]. Кроме казенного пособия военные инвалиды могли претендовать на получение пенсии от Александровского комитета о раненых, который имел в своем распоряжении инвалидный капитал. Характерно, что приток средств в инвалидный капитал обеспечивался не только доходами с него, но и пожертвованиями частных лиц. Так, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Александровский комитет о раненых поступило пожертвований от частных лиц до 600000 рублей [372. Отд. I. С.25]. Например, пожертвования в пользу раненых, собранные в 1877 г. председателем ярославского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах губернатором Н.К. Шмитом на сумму 11114 руб., были также отправлены в Александровский комитет [236. Л.4].

Пожертвования частных лиц продолжали поступать на счета Александровского комитета о раненых и во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, в апреле 1904 г. из Ярославской губернии в Александровский комитет о раненых был передан процентный вычет с жалованья за три месяца, получаемого служащими ярославского женского училища духовного ведомства, пожертвованный на семьи убитых и раненых воинов [194. Л.70]. Из Владимирской губернии в апреле 1904 г. в Александровский комитет были переданы пожертвования разных лиц в размере 45 рублей 11 копеек, собранные по подписному листу [33. Л.4]. В Шуе любителями пения и драматического искусства был дан благотворительный спектакль в пользу вдов и сирот убитых и раненых воинов. Представление от 25 июля 1904 г. принесло доход 10 рублей 65 копеек, повторный спектакль 3 октября 1904 г. позво-

лил собрать 41 рубль 65 копеек. Все средства были переданы в Александровский комитет.

Оказание помощи нуждающимся военным со стороны региональных организаций Общества попечения о больных и раненых воинов посредством выплаты денежных пособий началось после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг., но не было системным и носило заявительный характер. Размер пособий и условия их выдачи не были четко определены, а выплата пособий была единичным явлением. Например, по ярославскому местному управлению Общества удалось установить лишь один случай выдачи единовременного пособия 100 рублей в январе 1879 г. по ходатайству прапорщика Спасского, получившего тяжелое ранение в сражении с турками в августе 1877 г. Основанием для этой выплаты послужило то, что «... все получаемое содержание...далеко недостаточно на поправление состояния его (прапорщика – *прим. авт.*) при постоянном лечении от поражения» [258. Л.3]. Это было связано с тем, что оказание помощи пострадавшим военным не было определено Уставом Общества в качестве задачи деятельности его местных учреждений. Однако, появление в Российской провинции после завершения русско-турецкой войны 1877-1878 гг.увечных воинских нижних чинов, которые зачастую не имели пособий ни от государства, ни от земских учреждений, способствовало привлечению общественных организаций в решении этой проблемы.

Устав Российского общества Красного Креста в редакции 1882 г. указывал, что «обязанности попечения об увечных воинских чинах возложено на местные органы общества Красного Креста, и все пособия нижним чинам, проживающим в районе ведения управления или комитета производятся из сумм последнего» [6. Л. 49]. Следующая редакция Устава РОКК, утвержденная 17 апреля 1893 г., не только подтверждала, что «дело помощи увечным воинским чинам, проживающим в районе каждого данного учреждения Общества, входит в круг задач, предписываемых обществу Красного Креста в лице всех его учреждений уставом РОКК...» [6. Л.128], но и опре-

деляла источник для выплаты помощиувечным воинам. Местные управлениия или комитеты ежегодно должны были отчислять третью часть остатка своих расходных сумм «для образования особого для этого вида помощи капитала. Проценты с этого капитала и являются источником для выплаты помощиувечным воинам» [6. Л.129]. Подобное финансирование по остаточному принципу приводило к тому, что денежные средства региональных управлений и комитетов РОКК, предназначенные на эти цели, были незначительные. Так, к январю 1904 г. (то есть к началу русско-японской войны) «капитал для оказания пособияувечным воинским чинам» ярославского местного управления РОКК составлял 4131 рубль 82 копейки [210. Л.21]. Вместе с тем, Устав РОКК в редакции 1893 г. отмечал, что «...назначение ежемесячных пособий, пенсий и проч. выходит за пределы возможной для общества Красного Креста деятельности. ...Независимо от денежной помощи необходимо более заботливое отношение к отставнымувечным воинам в смысле ходатайств о приискании им занятий, забот о помещении их в больницы, богадельни, отправки на минеральные воды и проч. Этим живым участием деятели общества Красного Креста могут принести больше пользы, чем ограниченными средствами учреждений общества» [6. Л.128об.]. Несмотря на это, на практике провинциальные управлениия РОКК предпочитали сводить помощь «отставнымувечным воинам» к выплате единовременных денежных сумм, игнорируя просьбы об устройстве на работу. Так, рядовой Бахтиаров, уволенный с военной службы по болезни, в ноябре 1905 г. обратился в ярославское управление Российского общества Красного Креста с просьбой «...об устройстве на какую-либо службу, чтобы заработать...». Однако местное управление РОКК взамен трудоустройства выдало единовременное пособие 15 рублей [176. Л.240]. В результате, оказание помощи нуждающимся военнослужащим, пострадавшим во время военных действий, со стороны провинциальных управлений и комитетов РОКК заключалось в выплате единовременных пособий и осуществлялось эпизодически, в

случае отсутствия любой другой поддержки (государственной, земской), что, по сути, являлось благотворительной помощью.

Благотворительная помощь военнослужащим, пострадавшим в результате военных действий и вернувшихся с войны, от местных управлений и дамских комитетов обеспечивалась частными и общественными пожертвованиями. Так, ярославский купец 1-й гильдии П.И. Оловянишников пожертвовал две лавки в рогожанном ряду в Ярославле «...на обращение их в денежный капитал, чтобы эти деньги предоставить в распоряжение местного управления для устройства приюта или выдачи единовременных или постоянных пособий военным, пострадавшим в русско-турецкую войну, те, кто не сможет работать и не будет получать пособий из казны и инвалидного капитала и не будет иметь ни средств, ни родственников» [248. Л.34]. А воспитанницы 3 класса костромской Григоровской женской гимназии в январе 1878 г. пожертвовали в пользу больных и раненых воинов или членов их семей, находившихся в Костроме 10 рублей 50 копеек [121. Л.202].

Провинциальная благотворительность была обусловлена особым социокультурным фактором. Небольшие, по сравнению со столицами, провинциальные города отличало более тесное общение, где почти все жители были связаны друг с другом родственными, профессиональными или дружескими связями. В условиях подобной публичности, когда поступки людей становились достоянием общественности, внесение пожертвования рассматривалось как необходимое социально одобряемое социумом действие. При этом, подача пожертвования и общественная оценка этого действия почти совпадали, т.к. не были опосредованы временем и расстоянием, а происходили здесь и сейчас. Таким образом, подача пожертвований и почти одновременное общественное одобрение этих действий побуждали к благотворительной деятельности всё новых и новых представителей провинциального общества.

Оказание общественной помощи военным инвалидам в связи с увеличением их числа продолжалось в период войны с Японией. Уровень военно-

го искусства и военной техники, который был достигнут к началу XX в., привел к тому, что в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. количество изувеченных на фронте солдат и офицеров было во много раз выше, чем в предыдущую, русско-турецкую (1877-1878 гг.) войну. За время войны с Японией контуженных и раненых насчитывалось 151 944 человека, больных 405 910 человек [460. С.39,43], что было в шесть раз больше по сравнению с 90 000 больных и раненых воинов за период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [409. С.82]. В российскую провинцию начали возвращаться военно-служащие, получившие ранения на фронте и нуждающиеся в срочной помощи, которую могло предоставить общественное признание. Главным условием для назначения единовременного денежного пособия от местных организаций общества Красного Креста было отсутствие любых источников дохода нуждающегося. Например, в октябре 1904 г. ярославское местное управление РОКК выдало единовременное пособие 10 рублей гальванеру крейсера «Паллада» Горбачеву, «...заболевшему и уволенному для поправления здоровья, так как ввиду отсутствия связи с Порт-Артуром он не получал жалованье...» [210. Л.7]. В феврале 1905 г. рядовому Малиновскому было назначено единовременное пособие 25 р. в качестве временной помощи «...до получения пенсии из ярославского губернского казначейства» [176. Л.138]. В марте 1905 г. ярославское местное управление Российского общества Красного Креста назначило единовременное пособие в размере 15 рублей старшему унтер-офицеру Светоградову, «...потерявшему работоспособность от полученной на театре военных действий болезни – ревматизма ног и правой руки...», который «...находился в шестимесячном отпуске и никаких пособий не получал...» [176. Л.186]. Таким образом, в основе выплаты пособий от общества Красного Креста лежали два принципа: факультативность (пособие не рассматривалось как обязательный вид помощи) и условность (право на помочь имели только военнослужащие, пострадавшие в результате военных действий и не имеющие никаких средств к существованию).

Выплата единовременных пособий военным инвалидам обеспечивалась специальными суммами «для оказания пособияувечным воинским чинам», которые имели на своих счетах региональные управления общества Красного Креста и которые пополнялись за счет общественных пожертвований. Так, к сентябрю 1904 г. ярославское местное управление РОКК располагало суммой в 12451 рубль 45 копеек «на призрение раненых и больных в Ярославской губернии» [192. Л.217].

Необходимо отметить, что в период русско-японской войны 1904-1905 гг. отмечается рост числа организаций и комитетов, которые занимались оказанием помощи военным, пострадавшим в ходе боевых действий, и были включены дело общественного призрения военных инвалидов. Зачастую подобные учреждения создавались под покровительством членов императорского дома, которые видели в благотворительности средство снижения социальной напряженности. Комитеты, созданные представителями правящей династии, имели поддержку властей, располагали широкими возможностями и зачастую обладали обширной сетью местных отделений. Поэтому деятельность некоторых из них можно проследить и на территории Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

12 февраля 1904 г. в Москве при Исполнительной комиссии Российского общества Красного Креста был образован Особый комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны для объединения благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке. С 18 марта 1906 г. по 1 января 1907 г. на этот комитет «...было возложено дело заботы о тех нижних чинах, которые серьёзно пострадали вследствие участия в русско-японской войне и ныне возвратились с Дальнего Востока, а также о тех, которые были призваны в войска для отправки на Дальний Восток, впали из-за этого в состояние нищеты» [156. Л.1]. Помощь комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны заключалась в выдаче денежных пособий, которые выплачивались наиболее нуждающимся нижним чинам «для удовлетворения самой острой хозяйственной надобности, явившейся непременным по-

следствием долговременного участия его в русско-японской войне, например, на покупку лошади или коровы, на поправку избы» [156. Л.10]. Размер каждого пособия зависел от степени нужды просителя и варьировался от 10 до 20 рублей. Общая сумма, приходившаяся на каждую губернию, зависела от числа призванных в армию во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, в Ярославской губернии через уполномоченных комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны предполагалось оказать помощь нижним чинам, которые серьёзно пострадали в период русско-японской войны и испытывают крайнюю нужду, на общую сумму 2655 рублей 45 копеек [посчитано по: 156. Л.9]. В сферу влияния комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны попадали нуждающиеся нижние чины, проживающие в 36 губерниях Московского, Киевского, Казанского и Одесского военных округов. На местах комитет действовал через своих уполномоченных, которые выдавали разрешение на выдачу пособия и определяли его размер. Так, в Ярославской губернии такими уполномоченными по уездам стали члены местных по воинской повинности присутствий. Можно утверждать, что помощь комитета великой княгини Елизаветы Фёдоровны была единовременной, как правило, однократной, и обусловлена степенью нужды просителя. Таким образом, принцип добровольности и факультативности в деятельности общественных организаций и благотворительных комитетов не предполагал выплату ежемесячных пособий и пенсий военным инвалидам.

Вместе с тем, для вышедших в отставку военных инвалидов было крайне важно адаптироваться в мирной жизни и найти место работы. «Устройство судьбы воинских членов, пострадавших на войне с Японией, предоставлением им мест» являлось основной задачей Состоящего под Августейшим председательством Государыни Императрицы Александры Фёдоровны Комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, основанного 22 декабря 1905 г. Практическая деятельность Комитета выражалась в сборе сведений о просителях мест и о вакансиях, замещение которых военнослужащими, пострадавшими на войне с

Японией, было возможным. С этой целью Комитет постоянно обращался за информацией о вакансиях к губернскому начальству провинциальных губерний, однако местные власти оказывали «...весьма слабое содействие Комитету по определению на должности чинов, пострадавших на войне с Японией...», и в большинстве случаев возвращали прошения «...со стереотипной фразой «за неимением вакансий места предоставлено быть не может»...» [154. Л.120]. Одновременно число ходатайств превышало число предоставленных мест, поэтому просителям приходилось ждать год и более, и все же не получать места.

Зачастую многие военные, физически пострадавшие во время русско-японской войны 1904-1905 гг., которые обращались в Комитет за содействием в поисках рабочих мест, не получали помощи. Об этом свидетельствуют и статистические данные. С 22 декабря 1905 г. (с начала деятельности Комитета) по 1 ноября 1907 г. (Комитет полностью прекратил свою деятельность с 1 мая 1908 г.) в указанное учреждение было подано 894 прошения от офицеров и 8778 ходатайства от нижних чинов. Из них были предоставлены должности 222 офицерским и 1765 нижним чинам. Таким образом, лишь четверть нуждающихся в трудоустройстве офицеров и пятая часть нижних чинов были трудоустроены. Примерно такая же часть просителей (180 офицеров и 2228 нижних чинов) получила отказ. Более половины тех, кто обратился за помощью в Комитет остались неустроенными (492 офицера и 4786 нижних чина) [154. Л.186]. Такие результаты вызывали «...скептический взгляд на деятельность комитета, претензии, нарекания и сомнения».

С 1 января 1908 г. Комитет прекратил принимать прошения, и вся практическая деятельность по устройству кандидатов Комитета перемещалась на местный уровень, для чего в губерниях создавались местные губернские комитеты под председательством губернаторов. Так, в состав ярославского губернского комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, входило 26 человек. С января по декабрь 1908 г. в ярославский комитет поступило 73 прошения. Троим из них было отка-

зано, прошения девятерых были переданы в другие комитеты по местожительству кандидатов и 23 человека были сняты с учета, поскольку сами нашли места работы. В итоге 33 кандидата были трудоустроены ярославским губернским комитетом, что составляет почти половину от подавших прошения [154. Л.199]. Таким образом, практика перемещения на региональный уровень такого вида помощи военным, пострадавшим во время русско-японской войны 1904-1905 гг., как трудоустройство в Ярославской губернии оказалась успешной, а деятельность ярославского губернского комитета более эффективной.

Во Владимирской губернии губернский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, начал действовать с 25 ноября 1907 г. В комитет входили не только представители губернской администрации во главе с владимирским губернатором И.Н. Сазоновым, но и крупные промышленники и почетные граждане Владимира и уездных городов губернии. Анализ документов владимирского комитета позволяет проследить, на какие места работы претендовалиувечные воины. Как правило, это была работа курьеров, сторожей, швейцаров, то есть такие виды деятельности, с которыми мог справиться инвалид. Если состояние здоровья у отставного солдата позволяло, то он мог продолжить службу. Так, выходец из крестьян деревни Симонцевой Вязниковского уезда Владимирской губернии младший унтер-офицер 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка В.В. Соловьев, который был уволен в запас, поступил на сверхурочную службу в 10 гренадерский Малороссийский полк по ходатайству владимирского губернского комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией [33. Л.58].

Русско-турецкая (1877-1878 гг.) и русско-японская (1904-1905 гг.) войны актуализировали потребность в признании не только военных инвалидов, но и семей военнослужащих, пострадавших или погибших на фронте. Анализируя признание этой категории нуждающихся, можно отметить стремление государства передать на местный уровень организацию, финан-

сирование и непосредственное осуществление этого дела. Семьи нижних чинов получали помощь из средств уездных и губернских земств. Это было закреплено указом императора «О призрении семейств военных чинов, убитых и без вести пропавших на войне, или умерших от ран, полученных в сражениях» от 26 февраля 1878 г.: «...семействам нижних чинов доставлять и после войны обеспечение на основании утвержденных 25 июня 1877 г. Временных правил о призрении семей чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу...» [312].

Для того, чтобы оценить размеры этой помощи, рассмотрим положения Постановления Государственного Совета от 25 июня 1877 г., которые вменяли в обязанности земству призрение семей чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу. Земские управы должны были предоставлять женам и детям призванных на военную службу продукты питания «...натураю или деньгами, на каждое призреваемое лицо не менее 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунта соли в месяц» [309]. Так, уездные земские управы Ярославской губернии израсходовали на помощь семьям нижних чинов в 1877 г. 13358 рублей, в 1878 г. 55264 рубля [379. Отд. II. С.15]. В Костромской губернии подобной земской помощью только в одном Чухломском уезде с июня 1877 г. по январь 1878 г. воспользовалось 58 семей [посчитано по: 57. Лл. 10, 25-26, 86, 88, 90, 93-95, 99]. В Ярославской и Костромской губерниях это пособие выдавалось деньгами. В основе расчета размера пособия лежали цены на рожаную муку, овсяную крупу и соль. Таким образом, в Костромской губернии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. размер пособия от земства на каждого члена семьи военнослужащего составлял 1 рубль 80 копеек [57. Л.28].

Подобные подходы к оказанию социальной помощи семьям военнослужащих, пострадавших во время войн, сохранились и в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Несмотря на то, что Высочайшим повелением «О призрении семейств нижних чинов» от 5 августа 1904 г. предписывалось

«...образовывать губернские и уездные комитеты по призрению семейств нижних чинов» [305. С.235], практическая сторона деятельности по призрению семейств нижних чинов по-прежнему оставалась за земствами. Неслучайно губернские и уездные комитеты открывались по распоряжению министра внутренних дел «...в тех губерниях, где земство исполняет возложенные на него обязанности по призрению семейств воинских чинов, без испрошения пособий из государственного казначейства» [305. С.237]. Губернский и уездный комитеты возглавляли губернатор и уездный предводитель дворянства соответственно. Цель губернского комитета – «...объединение всех распоряжений по призрению семейств воинских чинов в губернии... Комитет рассматривает передаваемые на его обсуждение вопросы и дела, касающиеся призрения означенных семейств» [305. С.236]. Таким образом, губернские и уездные комитеты не занимались выплатой конкретных пособий отдельным семьям. Все пособия семьям военных выплачивались из средств земств. Так, ярославское губернское земское собрание в феврале 1904 г. выделило из капитала добровольного страхования 50000 рублей «...на пособия семьям чинов запаса, которые будут призваны в ряды действующей армии из среды населения Ярославской губернии, а также на пособия семьям лиц, пострадавших на войне из среды населения Ярославской губернии...» [383. Отд.П. С.179]. В Ярославской губернии в указанный период размер ежемесячного пособия от уездной земской управы семьям нижних чинов, призванных на военную службу, составлял 2 рубля на одного человека [390. Отд.П. С.204].

Во Владимирской губернии пособия семьям призванных на военную службу в годы русско-японской войны также выплачивались из средств губернского земского сбора. Назначение пособий происходило после обследования семей уездными земскими управами и определения их имущественного положения. Однако размер пособия зависел не от благосостояния семьи, а от уровня цен в соответствующем уезде. Так, в Переславле семья призванного на военную службу получала 1 рубль 80 копеек, в Покровском уезде –

2 рубля 14 копеек, а в Муроме, Гороховце, Меленках и Владимире размер пособия составлял 2 рубля. В итоге с мая 1904 г. по сентябрь 1906 г. Владимирское губернское земство выплатило пособий на сумму 1060703 рубля 09 копеек [33. Л.370]. Пособия, которое получала семья призванного на фронт, было достаточно лишь для пропитания. Поэтому особенно для крестьянских семей была своевременной и полезной помощь со стороны сельских обществ, связанная с хозяйственной деятельностью и поддержанием крестьянских хозяйств тех, кто был призван на службу. Крестьянские семьи призванных на военную службу во время русско-японской войны освобождались от уплаты волостных и сельских сборов, им выдавался хлеб и единовременные денежные пособия на покупку инвентаря и перевозку дров, им оказывалась помощь в сельскохозяйственных работах. Однако вследствие «крайней бедности населения по случаю упадков заработков и торговли» не везде наблюдалась подобная помощь. Так, крестьянин села Петровка Новокотлицкой волости Муромского уезда жаловался, что «никакой помощи не оказали, так что семьи запасных очень нуждаются в дровах и керосине, скоро и хлеб весь выйдет» [537. С.132].

Семьям призванных на фронт, проживающим в городах Владимирской губернии, помогали мещанские общества. Эта помощь выражалась в выдаче пособий. Так, мещанская управа Иваново-Вознесенска ежемесячно выдавала женам военнослужащих пособия в размере 2 рублей, женам с ребенком - пособие в 3 рубля, а женам с двумя детьми – в 4 рубля. Всего помощь оказывалась 24 семьям [33. Л.56].

Государственный и общественный элементы в призрении семей военнослужащих в Российской провинции в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Необходимо отметить, что слияние государственного и общественного элементов в призрении семей военнослужащих в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. можно проследить на примере создания попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов. Именно государству принадлежала инициатива создания попечительств, которые создава-

лись на основании «Временных Правил об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов», разработанных министерством внутренних дел в июле 1877 г. Поскольку до этого времени помочь семьям военнослужащих большей частью ложилась на плечи общества в лице благотворительных организаций, особо подчеркивалось, что «местные попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов не входят в ведение общества Красного Креста» [166. Л.2]. В 1877 г. в Российской империи открывается 870 губернских, уездных, городских, сельских и волостных попечительств, из которых 834 продолжали действовать в 1879 г., то есть после окончания войны. Было создано Главное попечительство, канцелярия которого находилась в главном штабе при департаменте таможенных сборов в Санкт-Петербурге. Председателем Главного попечительства выступал видный государственный и общественный деятель статс-секретарь К.К. Гrot.

Виды призрения, предложенные Главным попечительством, были намного шире, чем у губернских, уездных или городских. Так, Главное попечительство предоставляло капитал, пожертвованный неизвестным благотворителем, для воспитания одной девочки-сироты, дочери павшего воина, «...с целью приготовить из неё в будущем учительницу народной школы.» Попечительный Совет костромской Григоровской женской гимназии предоставил в распоряжение Главного попечительства три вакансии для бесплатного обучения дочерей офицеров, убитых или раненых на войне. И, наконец, Главное попечительство определяло сыновей нижних чинов, пострадавших во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., на обучение в двух кондукторских школах Тверской и Витебской губерний, в которых им были специально оставлены места по распоряжению министра путей сообщения. Кроме того, попечительство учредило приют «в память Восточной войны» в Санкт-Петербурге для сыновей убитых, умерших и тяжело раненых воинов [379. Отд. I. С.3-4]. Впрочем, воспользоваться этой помощью могли вдовы и дети, пострадавшие от войны, не только столичного региона, но и любой провинциальной губернии.

Местные попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов появляются и действуют в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и на территории Ярославской и Владимирской губерний. Данные попечительства (уездные и городские) создавались с целью «...пособия таким семействам и лицам, которые вследствие призыва на военную службу родственников, доставлявших им средства к жизни, будут нуждаться в посторонней помощи...» [304. С.15]. Пособия могли получить также те, кто «...впадет в крайнюю нужду вследствие влияния войны» [304. С.16]. Тем самым значительно расширялся круг призреваемых попечительствами: от членов семей военнослужащих, призванных на фронт, до любого нуждающегося во время войны.

Предоставлению пособия предшествовало тщательное обследование положения просящих и определение необходимости помощи, а также её размера и вида. Военное время диктовало и то, и другое: размеры пособий жестко не фиксировались, а их виды были чрезвычайно разнообразны. Интересно, что наряду с традиционными денежными пособиями и ссудами нуждающиеся могли получить «...необходимые для прокормления припасы, предметы одежды и обуви, временное призрение, врачебное пособие, семена, домашних животных или рабочий инвентарь...» и даже срочное погашение долга [304. С.17].

На основании «Временных Правил от 9 июля 1877 г. об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов» «...учреждение попечительств предоставлено всецело частной инициативе...», поскольку «...в деле благотворения всякое принуждение и обязанность, принятые не по собственному почину, может скорее повредить, а не содействовать предположенной цели» [304. С.16]. Вместе с тем, государство опасалось, «...чтобы дело это не попало в ненадежные руки...», что могло привести к злоупотреблениям в сборе пожертвований [304. С.18]. Поэтому право предоставлять разрешение на учреждение попечительств, а также оп-

ределять круг лиц, кому разрешалось собирать пожертвования, было дано представителям власти на местах, а именно губернаторам.

Так, в Ярославской губернии 23 июля 1877 г. с разрешения ярославского губернатора было создано ярославское губернское попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов. В его состав вошло 10 человек [165. Л.204]. В октябре 1877 г. было открыто уездное попечительство в Ростове [166. Л.2], а в ноябре 1877 г. в Мологе [381. Отд.П. С.104]. При этом помочь, которую оказывали местные попечительства, обеспечивалась не государственными средствами, а частными пожертвованиями. Местные попечительства должны были оказывать помощь с использованием средств, «...состоящих из приношений или добровольных взносов деньгами, припасами, вещами» [304. С.17].

В связи с недостатком средств, деятельность уездных попечительств Ярославской губернии не была распространена. Так, мологское уездное попечительство собрало по подписке 190 рублей и оказалось помочь трем лицам в виде выплаты единовременных пособий в размере 12 рублей и 18 рублей. «По окончании обстоятельств, вызвавших учреждение попечительств (то есть по окончании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. – *прим. авт.*)...», попечительство было закрыто [381. Отд.П. С.107]. Ярославское губернское попечительство действовало и после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг., однако число обратившихся с просьбой о выдаче денежного пособия сокращается. Так, в 1877 г. в ярославское губернское попечительство обращается за помощью семь человек, в 1878 г. – десять человек, в 1879 г. – всего двое, а в 1880 г. – пятеро [161. Л.20]. С июля 1877 г. по ноябрь 1880 г. было собрано средств на сумму 5561 рубль 69 копеек, которые пошли на выдачу денежных пособий солдатским вдовам, вдове майора и вдове титулярного советника. Это были не только единовременные пособия, но и ежемесячные выплаты в течение нескольких месяцев. Так, солдатским вдовам выплачивалось по 1 рублю 50 копеек, вдове титулярного советника по 10 рублей, а вдове майора по 17 рублей 50 копеек ежемесячно [165. Л.204].

Во Владимирской губернии деятельность городских и уездных попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов была организована шире. С 1877 г. по 1879 г. во Владимирской губернии существовало 15 городских и уездных попечительств. За время своего существования Владимирское городское попечительство собрало 878 рублей 79 копеек и выплатило семи семьям ежемесячные пособия от 1 рубля до 5 рублей, а также шести семьям единовременные пособия от 1 рубля до 4 рублей. В 1879 г. Владимирское городское попечительство прекратило свою деятельность, переведя оставшиеся средства в процентные бумаги, доход с которых предназначался на выплату пособий учащимся детям воинов во Владимире [165. Л.198], остальные 14 попечительств продолжали действовать. Так, Шуйское уездное попечительство ежемесячно оказывало помощь шестнадцати семьям, Юрьевское уездное – девятнадцати, Мелинковское городское – двадцати пяти, а Вознесенское городское помогало двадцати шести нуждающимся семьям воинов каждый месяц. Всего в течение 1879 г. ежемесячно помочь местных уездных и городских попечительств Владимирской губернии получали 149 семей военнослужащих [165. Л.200].

Деятельность общества Красного Креста в губерниях Центральной промышленной области по оказанию помощи семьям военных в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн. Оказание помощи семьям военных, погибших или получившихувечье, можно проследить в деятельности местных управлений и комитетов Российского общества Красного Креста в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн. Этому способствовало наличие специальных денежных сумм, пожертвованных исключительно на эти цели, а также то, что помочь этой категории нуждающихся стала наиболее востребованной и актуальной. Оказание помощи семьям военнослужащих было обеспечено частными пожертвованиями. Пожертвования «в пользу семей убитых и раненых воинских чинов» поступали от представителей различных социальных слоев. Так, с 20 апреля 1877 г. ярославские купцы братья

Лопатины начали жертвовать ежемесячно в течение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. 100 рублей и выделяют единовременно 1000 рублей «...на вспомоществование семействам убитых, умерших от ран и изувеченных в настоящую войну на поле брани воинов нижних чинов» [239. Л.6]. В декабре 1877 г. в пользу семей погибших и пострадавших на войне военнослужащих поступают пожертвования от ярославской казенной палаты (90 рублей) и ярославского купца 1-й гильдии П.И. Оловянишникова (100 рублей) [248. Л.50]. Крестьяне Кондаковской волости Угличского уезда Веретейской волости Мологского уезда Ярославской губернии собрали 100 рублей 20 копеек в пользу семей раненых и убитых воинов [236. Л.3]. В 1877 г. в пользу семей убитых и раненых воинов на счет ярославского местного управления Общества от разных лиц и учреждений поступило пожертвований на сумму 2151 рубль 75 копеек, которые были переданы в распоряжение губернского попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов [236. Л.3]. Это было связано с тем, что в указанный период «...главная цель Общества Красного Креста – забота о раненых и больных воинских чинах, а призрение их семей не составляет прямой обязанности Общества» [235. Л.81]. После окончания войны с Турцией в 1878 г. «оказание пособия семействам нижних воинских чинов, умерших от болезней или от ран в русско-турецкую войну» выделяется в отдельное направление деятельности местных комитетов общества Красного Креста. Всего в 1877 г. специальная сумма ярославского местного управления Общества «на призрение семейств убитых и раненых воинов» составляла 2302 рубля [251. Л.7].

Кроме того, помочь этой категории нуждающихся была обеспечена специальными фондами, сформированными местными управлениями общества Красного Креста и предназначенными для оказания помощи семьям больных и раненых воинов постоянно. Так, к 1 сентября 1905 г. в специальном фонде на оказание помощи семьям убитых и раненых воинов Ярославской губернии в ярославском местном управлении Красного Креста числилось денежных средств на сумму 3184 рубля 34 копейки, которые шли в ос-

новном на выплату единовременных пособий [176. Л.243]. При этом создание этого фонда началось с крупного частного пожертвования в размере 1000 рублей, поступившего от председателя собрания страхователей Рыбинского Общества взаимного страхования от огня недвижимых имуществ К.И. Растворгуева и директора правления этого общества Ф.С. Рябинина [192. Л.128].

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. пожертвования в пользу общества Красного Креста для оказания помощи семьям погибших военнослужащих поступали даже из-за рубежа. Например, с 5 марта 1905 г. до окончания военных действий на Дальнем Востоке в Петербург на имя супруги французского посла начали поступать посылки с пожертвованиями, собранными французами в пользу вдов и сирот русских воинов, погибших в Манчжурии. Эти пожертвования рассыпались по российской провинции. Присланные, например, в Ярославль вещи были отосланы в Ростов Ярославской губернии и там разданы 202 солдатским женам города и уезда [203. Лл.102,103].

При этом, если военнослужащие, обратившиеся за благотворительной помощью, как правило, получали единовременное пособие, то члены их семей могли рассчитывать не только на единовременную выплату, но и на ежемесячное содержание от общественной организации. Так, солдатским вдовам и детям ежемесячно выплачивалось пособие в размере 2 рубля [208. Л.48]. Вместе с тем, следует отметить, что масштабы этой деятельности были достаточно скромными. Например, ярославский дамский комитет в 1893 г. выплачивал пособия всего трем вдовам и детям погибших в русско-турецкую войну 1877-1878 гг., а муромский местный комитет РОКК в 1899 г. выдавал пособие лишь одной вдове унтер-офицера Осиповой [6. Л.149]. Эта тенденция сохранялась вплоть до начала русско-японской войны. В 1903 г. ярославское местное управление РОКК выдало единовременных пособий семьям «...воинских чинов, погибших в минувшую русско-турецкую войну...» всего 51 рубль [210. Л.19].

С началом войны с Японией в 1904 г. правом на получение благотворительной помощи от управлений и комитетов РОКК на местах пользовались члены семей не только погибших, но и призванных на фронт из запаса. Однако, если члены семей погибших получали пособия от общества Красного Креста безусловно, то семьи призванных на действительную службу могли рассчитывать на пособие от местного управления Общества только в случае отсутствия у них права на пособие из других источников (например, от земства). Так, в ноябре 1904 г. крестьянская девица Мурашова, находившаяся в гражданском браке с Самородковым, который был призван на военную службу, обратилась за помощью в ярославское местное управление РОКК, поскольку осталась одна с двумя детьми без средств к существованию. Так как брак не был официальным, она с детьми не имела права на пособие в размере 2 рублей на каждого члена семьи от уездной земской управы как «семья нижнего чина, призванного на военную службу» [176. Л.60]. Также, например, не имела право на пособие от земства крестьянка Ростовского уезда Ярославской губернии Тяпова, муж которой ушел на войну не по призыву, а добровольцем [210. Л.6]. Таким семьям ярославское местное управление Российского общества Красного Креста выплачивало ежемесячные пособия в размере 5 рублей.

Денежное содержание семьям военнослужащих, призванных на фронт рассматривалось местными организациями РОКК как временная мера, призванная поддержать нуждающихся только в случае крайней необходимости. Как только условия менялись, и семьи приобретали какой-либо источник дохода, выплата пособия отменялась. Так, жена старшего боцмана Квантунского флотского экипажа Мельникова с шестью детьми осталась без средств к существованию, поскольку её муж находился в осажденном Порт-Артуре и не мог высыпать ей денег из своего жалованья. В связи с этим ярославское местное управление общества Красного Креста выплачивало ей по 10 рублей в месяц. Но как только семья военнослужащего начала получать пособие «...из ярославского казначейства в счет содержания главы семьи...»,

ярославское местное управление РОКК прекратило свои выплаты [210. Л.10].

Особый вид пособий, который получали семьи военнослужащих от местных управлений общества Красного Креста – это выплата денежных пособий на воспитание и содержание детей погибших. Этот вид деятельности региональных управлений общества Красного Креста активно осуществлялся в период русско-японской войны 1904-1905 гг. Так, ярославское местное управление общества Красного Креста оказывало благотворительную помощь тем детям, чьи отцы были призваны на действительную военную службу по Ярославской губернии в указанный период, выплачивая ежемесячно от 2 рублей до 5 рублей на их воспитание [176]. Кроме того, из пожертвований, поступивших в ярославское управление РОКК в пользу семей воинских чинов в ноябре 1904 г., было оплачено обучение в гимназии ярославского Екатерининского дома призрения близкого дворянки Ксении Сысоевой, дочери подпоручика Сысоева, погибшего во время русско-японской войны [210. Л.12].

Оказанием помощи детям военнослужащих, погибших в русско-японскую войну 1904-1905 гг., занимался также специально созданный Алексеевский главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, открытый 16 июня 1905 г. Он занимался выдачей денежных пособий детям военнослужащих, погибших или пропавших без вести во время русско-японской войны. Прежде, чем поданное ходатайство удовлетворялось, и ребёнок включался в списки призреваемых Алексеевского комитета, исследовалось его семейное и имущественное положение. В российской провинции этим занимались местные земские управы, которые отчитывались по данным вопросам перед губернаторами. «О всех ... изменениях Губернатор должен сообщать в канцелярию Алексеевского комитета для исправления основных списков» [47. Л.2].

Пособия на содержание и воспитание детей нижних чинов от Алексеевского главного комитета выдавались три раза в год: 1 апреля, 1 августа и 1

декабря. Размер пособия составлял 8 рублей в течение трёх месяцев, то есть 24 рубля в год. Удалось оценить размеры деятельности Алексеевского комитета на территории Костромской губернии после завершения русско-японской войны в 1905 г. Так, в Костромскую губернию в 1909 г. из Алексеевского комитета было перечислено 488 рублей для выдачи детям военнослужащих, погибших или пропавших без вести во время русско-японской войны, за три месяца с 1 апреля по 1 августа 1909 г. [47. Л.1]. Таким образом, в Костромской губернии на 1 апреля 1909 г. пособиями от Алексеевского главного комитета пользовался 61 ребенок. Число их росло, и к 1 апреля 1910 г. В Костромской губернии в покровительстве комитета находилось 78 детей [47. Лл.3-8].

Периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской военной кампании 1904-1905 гг. стали временем активизации общественно-го признания по оказанию помощи пострадавшим от военных действий и их семьям. Войны послужили стимулом для создания новых организаций, которые занимались оказанием социальной помощиувечным военнослужащим, семьям и детям погибших, военным, вернувшимся с фронта. Но поскольку в России государство традиционно влияло на все сферы жизни общества, общественное признание также испытывало на себе это влияние. Новые учреждения либо были основаны представителями правящей династии (Попечительство о семействах воинов, призванных в ряды армии на Дальнем Востоке, под покровительством императрицы Марии Фёдоровны, Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, под председательством императрицы Александры Фёдоровны, Алексеевский главный комитет, Особый комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны), либо создавались по указанию правительства (местные попечительства для пособия нуждающимся семействам воинов, губернские и уездные комитеты по признанию семейств нижних чинов). Губернии Центральной промышленной области, которые жили в русле общероссийских тенденций, оказываются в зоне влияния этих организаций. Однако размеры

помощи столичных комитетов в российской провинции были невелики, а помощь не отличалась разнообразием.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. органы местного самоуправления начинают оказывать помощь семьям военнослужащих, призванных в армию, в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. эта тенденция получила продолжение. В земских Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях эту функцию выполняли губернские и уездные земские управы. Активизация учреждений местного самоуправления в сфере общественного признания, с одной стороны, является проявлением стремления правительства перенести на региональный уровень решение таких социальных проблем как помочь семьям военных, пострадавших на войне, сохранив при этом свои регламентацию и контроль в этой сфере. С другой стороны, значительный уровень развития дела общественного признания военнослужащих в российской провинции в военные периоды стал результатом проявления растущей общественной инициативы.

Рассмотрев основные направления общественного признания военнослужащих и членов их семей в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг., допустимо сделать следующие **выводы по главе 2:**

1. Основным направлением общественного признания в губерниях Центральной промышленной области во время указанных военных кампаний последней четверти XIX - начала XX в. стала организация медико-санитарной помощи больным и раненым воинам. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. она выразилась в создании системы эвакуационных лазаретов внутри империи, а в годы русско-японской войны была максимально приближена к театру боевых действий в Маньчжурии и в Забайкалье.

2. Важное значение для развития сферы общественного признания военнослужащих имела деятельность провинциальных общин сестер милосердия, которые оказывали медико-санитарную помощь больным и раненым

воинам в годы войн и одновременно позволяли женщинам реализовать себя на поприще служения обществу.

3. Решение такой значимой для военного времени социальной проблемы как помочь военным инвалидам и членам их семей в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн в губерниях Центральной промышленной области объединило на поприще благотворительности и призрения и государство, и органы местного самоуправления, и общественные организации, и частные лица.

Заключение

Общественное признание в губерниях Центральной промышленной области во время русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн представляет собой важнейшее историко-социальное явление. Характерно, что именно в эти периоды особенно активизируется благотворительная помощь и социальная поддержка в отношении военных и членов их семей.

Признание военнослужащих, пострадавших в ходе военных кампаний, находилось в поле внимания российских правящих кругов на протяжении многих столетий. Именно эта категория нуждающихся одной из первых получила организацию, которая занималась оказанием помощи отставным военным и их семьям. Александровский комитет о раненых, возникший в 1814 г. как благотворительная организация, ко второй половине XIX в. становится крупнейшим учреждением, помогавшим офицерам и солдатам, пострадавшим в ходе военных действий, и их семьям. В этот период деятельность Комитета выражалась в выдаче пенсий, единовременных пособий, помещении в особые богадельни и инвалидные дома для военных и распространялась не только на столицы, но и на российскую провинцию. Однако достаточно сложный порядок обращения за помощью делали помощь от Александровского комитета недоступной для многих военных инвалидов на региональном уровне. Отставные нуждающиеся военные, проживавшие на территории губерний Центральной промышленной области, как правило, получали признание в местных богадельнях, содержание которых оплачивалось из казны. Отставные солдаты составляли основную категорию призываемых в богадельнях Ярославской, Костромской и Владимирской губерний. Так, в 1876 г. в богадельне ярославского губернского земства всего получали признание 114 человек, из которых более половины (76 человек) были отставные солдаты и члены их семей [373. С.11].

Вместе с тем, войны последней четверти XIX – начала XX в., которые сопровождались человеческими жертвами и появлением военнослужащих, получивших увечья, вновь выдвинули перед государством и обществом проблему признания военных, пострадавших в ходе войны. Военные кампании последней четверти XIX - начала XX в. оказали большое влияние на состояние общественного признания и способствовали его активизации в губерниях Центральной промышленной области. В оказание помощи больным и раненым воинам и их семьям в условиях военного времени были включены представители различных слоев российского провинциального общества: дворянство, духовенство, купечество, чиновничество, интеллигенция, мещанство и крестьянство. Они участвовали в подаче пожертвований для военных инвалидов и семей погибших военнослужащих, в заготовке белья, одежды, продуктов питания для госпиталей и лазаретов, а женщины этих сословий нередко становились сестрами милосердия и лично участвовали в оказании медико-санитарной помощи больным и раненым воинам. При изучении архивных документов фондов Ярославского, Костромского и Владимира областных архивов удалось зафиксировать, что пожертвования в пользу военнослужащих и членов их семей поступали не только от наиболее состоятельных дворянства, духовенства и купечества, но и от мещан и крестьян. Следует отметить, что занимающиеся непосредственным оказанием помощи военнослужащим сестры милосердия и члены дамских комитетов также представляли различные социальные слои. Для того, чтобы подобная массовая всесословная благотворительность была эффективна в условиях военной нестабильности, ей требовалась четкая организация и управление. В российской провинции эту задачу успешно решали местные управления Общества попечения о больных и раненых воинах (с 1879 г. Российское общество Красного Креста), возникшие в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях в 60-е годы XIX в.

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать корпус сведений о том, что в первые годы своего существования эта органи-

зация действовала более, чем скромно. Основная деятельность местных управлений сводилась к кружечному сбору и уплате членских взносов, недоимки по которым росли, при этом численность местных управлений сокращалась. Так, ярославское местное управление Общества в 1868 г. насчитывало 445 человек, в 1872 г. – 404 человека, а в 1875 г. – лишь 109 [218. Л.122; 220. Л.38; 227. Л.11].

Деятельность Общества в мирный период первых лет его существования сводилась к оказанию помощи населению, пострадавшему от различных бедствий: например, сбор средств для оказания помощи жителям Самарской губернии, пострадавшим от неурожая в 1873 г. или сбор пожертвований для славян Балканского полуострова в 1876 г. Анализ деятельности региональный управлений Общества попечения о больных и раненых воинах губерний Центральной промышленной области свидетельствует о том, что они (управления – *прим. авт.*) в тот период не принимали участия в деле общественного призрения военнослужащих. Однако именно деятельность по оказанию помощи мирному населению позволила этой общественной организации расширить своё влияние в российской провинции и привлечь общество к участию в судьбе нуждающихся военных в периоды войн.

Факты, выявленные в ходе изучения архивных материалов фондов управлений и комитетов Российского общества Красного Креста, действовавших в Ярославской, Костромской и Владимирской губерниях, свидетельствуют о том, что начало русско-турецкой войны в 1877 г. привело к росту количества членов региональных управлений Общества и появлению местных и дамских комитетов. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. дамские и местные комитеты на территории губерний Центральной промышленной области действовали наиболее активно по оказанию общественной помощи военнослужащим, располагая широкой общественной поддержкой и аккумулируя значительные материальные и финансовые ресурсы. Многочисленные местные комитеты во главе с управлениями Общества попечения о больных и раненых воинов составляли в Ярославской, Костром-

ской и Владимирской губерниях систему управления общественной помощью в военные периоды. Так, в Ярославской губернии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. было создано и действовало 6 местных и дамских комитетов, во Владимирской губернии таких комитетов насчитывалось 12, а в Костромской губернии – 10 [236. Л.1; 363. С.1; 95. Л.1; 97. Л.9; 100. Л.13; 109. Л.38; 121. Лл.10, 19, 71, 107]. Окончание войны привело к сокращению количества местных и дамских комитетов в губерниях Центральной промышленной области более, чем в 2 раза. Новый процесс открытия комитетов Российского общества Красного Креста был связан с началом войны с Японией в 1904 г. Так, во Владимирской губернии существовало не менее 11 комитетов, в Костромской губернии – не менее 4, в Ярославской губернии – 11 комитетов [328. С.15-19; 175. Л.10]. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. в своей деятельности местные управления и комитеты общества Красного Креста на территории губерний Центральной промышленной области использовали опыт по оказанию общественной помощи, накопленный за годы предыдущей русско-турецкой военной кампании 1877-1878 гг., что позволило им эффективно действовать, используя имеющиеся ресурсы.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что основными источниками финансирования общественного признания в периоды войн последней четверти XIX - начала XX в. в губерниях Центральной промышленной области стали средства местных общественных организаций, состоящие преимущественно из пожертвований, а также деньги учреждений местного самоуправления – городских дум, губернских и уездных земств. Среди общественных организаций крупнейшими финансовыми и материальными средствами и в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и во время русско-японской войны 1904-1905 гг. располагало Российское общество Красного Креста. Так, в военной кампании 1877-1878 гг. Красный Крест израсходовал более 16,5 миллионов рублей, основная часть из которых была получена в виде частных пожертвований [192. Л.63]. Во время русско-

японской войны 1904-1905 гг. сумма только частных пожертвований в Российской общество Красного Креста составила более 20 миллионов рублей [320. С.2]. В Ярославской и Владимирской губерниях по случаю русско-турецкой войны за 1877 г. было собрано пожертвований на сумму 244899 рублей 74 копейки [236. Л.4; 363. С.3]. За время русско-японской войны 1904-1905 гг. в местные управления общества Красного Креста Ярославской, Костромской и Владимирской губерний всего поступило более 480 тысяч рублей, 50 % из которых из Владимирской губернии [320. С.14].

При анализе пожертвований, поступавших в пользу больных и раненых воинов во время военных кампаний конца XIX - начала XX вв. удалось установить, что их размеры и формы были различными. Сведения, содержащиеся в документах местных архивов Ярославской, Костромской и Владимирской губерний, позволяют утверждать, что наиболее значительные поступления различных видов пожертвований происходили с апреля по декабрь 1877 г. во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и с января по октябрь 1904 г. и в феврале-марте 1905 г. в годы войны России с Японией. При этом, увеличение и активизация потока пожертвований связана либо с началом военных действий, либо с крупными сражениями в ходе войны, которые сопровождались значительными человеческими жертвами. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на территории губерний Центральной промышленной области преобладали пожертвования деньгами или вещами, кружечный сбор, предоставление помещений для благотворительных нужд, безвозмездные благотворительные работы. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. наряду с таким традиционным и наиболее значительным источником финансирования общественного призрения как денежные пожертвования получили распространение пожертвование продуктами, средства, полученные от благотворительных спектаклей, лотерей, концертов, отчисление процентов с заработной платы на благотворительные цели.

Архивные материалы, выявленные лично автором диссертации, свидетельствуют о том, что в финансировании общественного призрения военно-

служащих в военные периоды участвовали представители всех социальных слоев общества губерний Центральной промышленной области. Вместе с тем, наиболее заметную роль в этом процессе играло местное купечество. Финансирование благотворительной деятельности частными лицами через общественные организации в условиях военного времени имело принципиальное значение для развития помощи больным и раненым воинам. Значительные суммы на финансирование помощи военным были получены от земских учреждений губерний Центральной промышленной области. Во время войны России с Турцией 1877-1878 гг. эти средства шли на лечение и содержание раненых и больных воинов в земских больницах. В период русско-японской войны 1904-1905 гг. призрение военнослужащих со стороны земств стало более масштабным и выразилось в создании и отправке на Дальний Восток врачебно-санитарных земских отрядов, деятельность которых по оказанию помощи раненым солдатам и офицерам отличалась высокой степенью организации и эффективностью.

Следует отметить, что основным направлением общественного признания военнослужащих в годы войн последней четверти XIX - начала XX в. была организация медицинской и санитарной помощи. Приоритетность данного направления была обусловлена складывающимися обстоятельствами. В годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на территории губерний Центральной промышленной области это направление реализовывалось через создание и функционирование эвакуационных лазаретов для больных и раненых воинов. В период русско-японской войны 1904-1905 гг. данный вид помощи оказывался непосредственно на театре военных действий и выражался в создании и отправке на фронт санитарных отрядов Красного Креста из Ярославской, Костромской и Владимирской губерний.

Несомненно, что успех медико-санитарной помощи раненым военным зависел от наличия квалифицированного медицинского персонала. В связи с этим, в ходе исследования было важным установить, что в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн на террито-

рии губерний Центральной промышленной области при местных учреждениях общества Красного Креста были созданы и действовали общины сестер милосердия, где осуществлялась подготовка квалифицированного санитарного персонала. Общины сестер милосердия Ярославской, Костромской и Владимирской губерний активно участвовали в уходе за больными и ранеными воинами в годы войн последней четверти XIX – начала XX в. При этом первые попытки создания общин сестер милосердия в Ярославской и Костромской губерниях отмечаются в 1873-1874 гг. В итоге к началу русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Костромской губернии уже существовала община сестер милосердия, что было связано с непосредственным личным участием в этом деле настоятельницы костромского Богоявленского монастыря игумении Марии. На территории губерний Центральной промышленной области особенно активно процесс создания общин проходил в 90-е годы XIX в. Примечательно, что данный вид деятельности предполагал участие в нем женщин и позволял им принести пользу обществу и осознать свою значимость.

Проведенное исследование позволило установить, что на территории губерний Центральной промышленной области в последней четверти XIX – начале XX вв. военные инвалиды и члены семей военнослужащих имели возможность получить материальную и социальную помощь от государства, местного самоуправления и общественных организаций. Однако недостаток государственных средств, а также вызванное военными действиями растущее количество пострадавших от войны привело, с одной стороны, к появлению многочисленных общественных комитетов и учреждений для оказания помощи пострадавшим воинам и их семьям, а с другой стороны, активизировало деятельность уже существующих общественных организаций и органов местного самоуправления на региональном уровне.

Анализ видов помощи военным инвалидам и членам семей военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области позволяет утверждать, что преимущественно признение этих категорий нуждающихся со

стороны благотворительных организаций заключалось в виде выплаты единовременных либо ежемесячных пособий. Размеры этих пособий зависели не только от уровня обеспеченности нуждающегося, но и от наличия или отсутствия пособий из казны или от земских учреждений. В этом порядке реализовывался один из основных принципов благотворительности – её добровольность, необязательность. Вместе с тем, именно общественная помощь оказывалась наиболее уместной и своевременной для тех, кто был лишен социальной поддержки из других источников.

Можно утверждать, что, в целом, общественное признание военнослужащих в губерниях Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой (1877-1878 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войн осуществлялось в соответствии с общероссийскими тенденциями в деле признания военнослужащих. Местоположение губерний в значительной близости от столичного региона, а также то обстоятельство, что Ярославская, Костромская и Владимирская губернии принадлежали к числу типичных губерний центрально-промышленного района страны конца XIX - начала XX в. по экономической специализации, социальному составу населения и другим признакам, позволяет во многом объяснить сходство основных направлений, а также целей и методов общественного признания в указанных губерниях в военные периоды с главными тенденциями общественной помощи в общероссийском масштабе.

В деятельности общественных организаций существовали и серьезные недостатки, которые выражались в нерациональном использовании средств, финансовых злоупотреблениях и частом отсутствии взаимопонимания с военно-медицинским ведомством. Эти негативные моменты отмечались в деятельности Красного Креста как во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг., так и в период русско-японской войны 1904-1905 гг.

Проведенный в работе анализ состояния общественного признания военнослужащих губерний Центральной промышленной области в периоды русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905

гг. позволяет сделать вывод о том, что общественная помощь в отношении больных и раненых воинов развивалась и прошла несколько этапов:

I этап – конец 60-х – середина 70-х годов XIX в.: складывание системы общественной помощи больным и раненым воинам под влиянием изменений в общественном сознании по итогам Крымской войны и на основе норм международного права.

II этап – конец 70-х – 80-е годы XIX в.: оформление и развитие медико-санитарного и социального направлений общественного признания больных и раненых воинов и членов их семей под влиянием русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и послевоенного периода, определение направлений деятельности в мирное время.

III этап – 90-е годы XIX в.: развитие медицинского направления в деятельности общественных организаций по оказанию помощи пострадавшим от военных действий, создание провинциальных общин сестер милосердия при местных управлениях РОКК, оказание помощи в чрезвычайных ситуациях.

IV этап – начало XX в. – 1905 г.: развитие медико-санитарного направления в связи с русско-японской войной 1904-1905 гг., активизация процесса создания и функционирования благотворительных комитетов и организаций по оказанию социальной и материальной помощи военным инвалидам и членам семей военнослужащих. В основу данной периодизации положены следующие критерии: условия развития общественного признания, направления общественной помощи в отношении больных и раненых воинов, динамика активности основных общественных организаций, которая оценивалась на основе численности членов этих организаций и количестве собранных пожертвований.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что русско-турецкая (1877-1878 гг.) и русско-японская (1904-1905 гг.) войны оказали значительное влияние на развитие общественного признания и благотворительной деятельности в отношении больных и раненых воинов. В указанные периоды в губерниях Центральной промышленной области обществен-

ными организациями были выработаны методы оказания помощи военным и их семьям, привлечены ресурсы, развиты новые направления и сформировано благоприятное общественное мнение. Общественная помощь военнослужащим и членам их семей носилаственный характер, привлекала представителей всех слоев общества, справлялась с решением поставленных временем задач. Дело общественного признания военнослужащих стало важной составляющей жизни дореволюционного российского провинциального общества в военные периоды последней четверти XIX - начала XX вв.

Изучение ценного теоретического и практического наследия, накопленного общественным признанием в губерниях Центральной промышленной области в военные периоды последней четверти XIX – начала XX в., позволяет не только лучше понять историю российской провинции, но и попытаться найти ключ к решению проблем, стоящих перед российским обществом на современном этапе.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

1. Неопубликованные источники

а) архивные документы и материалы

Государственный архив Владимирской области (ГАВО)

Ф. 524. – Управление и комитеты Российского общества Красного Креста
Владимирской губернии.

1. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 1. Отчет Владимирского местного управления РОКК за 1908 г.
2. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 142. Журнал заседаний Александровского местного комитета общества Красного Креста и переписка об обучении сиделок при больных (19 апреля 1900 г. – 9 апреля 1905 г.).
3. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 143. Отчет о деятельности Владимирского местного управления общества Красного Креста за 1910 г. (1910-1911 гг.).
4. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 145. Меленковский местный дамский комитет. Циркуляры Главного Управления РОКК и Исполнительной комиссии Главного Управления о сборе пожертвований от населения для армии, отчет о деятельности комитета (8 февраля 1904 г.- 15 мая 1906 г.).
5. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 146. Протоколы заседаний Муромского местного комитета общества Красного Креста (1877 – 1905 гг.).
6. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 147. Годовые отчеты Муромского комитета РОКК за 1877-1905 гг.
7. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 148. Отчет Муромского местного комитета РОКК за 1899 г.
8. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 149. Отчет Муромского местного комитета РОКК за 1900 г.
9. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 150. Циркуляры Главного Управления РОКК; отчеты Владимирского местного управления Красного Креста и переписка по финансовым вопросам (1901 1910 гг.).

10. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 151. Отчет Муромского комитета РОКК за 1901 г.
11. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 152. Циркуляры Главного Управления по сбору пожертвований в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке за 1904 год.
12. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 153. Циркуляры Главного Управления и Исполнительной комиссии по оказанию помощи больным, раненым и пострадавшим от неурожая (1904-1905 гг.).
13. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 154. Отчет Исполнительной комиссии Главного Управления РОКК по оказанию помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке (22 февраля 1904 г.).
14. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 155. Циркуляры Главного Управления и Исполнительной комиссии по оказанию помощи больным и раненым, пострадавшим в русско-японскую войну (1906-1907 гг.).
15. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 156. Циркуляры Главного Управления РОКК за 1908 – 1909 гг.
16. ГАВО. Ф. 524. Оп. 1. Д. 157. Воззвание Муромского местного комитета РОКК о сборе пожертвований в пользу воинам (б/д).
- Ф. 539. – Контора Владимирских благотворительных заведений.
17. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2. О получении денег конторой заведений за пользование больных с разных учреждений (8 января – 26 марта 1872 г.).
18. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 9. О пользовании лиц состоящих под покровительством Благотворительного Общества (2 апреля – 14 апреля 1873 г.).
19. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 11. Ведомость о числе нижних чинов военного ведомства находившихся на излечении в Владимирской Губернской Земской больнице в течение сентябрьской трети (за 1873 г.).
20. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 28. Книга записи нижних чинов бывших на лечении в больнице разных воинских частей (1 января – 31 декабря 1868 г.).

21. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 32. О стоимости содержания в больнице с 1 августа 1868 г. по 1 августа 1869 г. одного больного военного ведомства и об издержках на погребение умершего (19 июня 1869 г.).
22. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 54. О пожертвовании служащим при заведениях в пользу раненых славянских воинов – денег (21 июля – 31 декабря 1876 г.).
23. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 59. Разная переписка с Владимирской Земской Управой за 1876 год.
24. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 60. Разная переписка с Владимирским мещанским старостой (26 февраля 1876 г.).
25. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 71. Разного рода переписка с учреждениями за 1878 год.
26. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 72. О предоставлении ежемесячных отчетов (21 февраля – 31 декабря 1879 г.).
27. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 80. Разная переписка с Владимирской Губернской Земской Управой за 1879 год.
28. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 86. О доставлении Владимирскому Уездному Воинскому Начальнику каждомесячных сведений о лицах военного ведомства и их семейств поступающих на излечение в больницу (4 мая – 31 декабря 1880 г.).
29. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 100. О приеме сестер милосердия в Губернскую Земскую Больницу (20 – 31 января 1883 г.).
30. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 145. О принятии на практические занятия в Губернскую Земскую больницу сестер милосердия Владимирского отделения Красного Креста (3 июля – 18 июля 1894 г.).
31. ГАВО. Ф. 539. Оп. 1. Д. 162. Об испытании фельдшеров в практическом знании госпитального дела (3 июля – 14 августа 1896 г.).
32. ГАВО. Ф. 539. Оп. 2. Д. 23. 1898 год. Выписка из отчета о результатах ревизии Владимирских благотворительных заведений, произведенной Владимирским Вице-губернатором князем И.П. Шереметьевым.
- Ф. 638. – Владимирское губернское по воинской повинности присутствие.

33. ГАВО. Ф. 638. Оп. 1. Д. 1319. Отчеты по признанию семейств нижних чинов. 1904 – 1906 гг.

Ф. 655. – Александровское уездное попечительство по признанию семейств нижних воинских чинов.

34. ГАВО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1. О денежных приходах и расходах в Александровском уездном попечительстве. (1902).

35. ГАВО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2. По прошению ратника 13 разряда 301 технического запасного полка Герасима Грачева о назначении казенного пособия его семье (25 апреля 1905 г. – 24 апреля 1917 г.).

Государственный архив Костромской области (ГАКО)

Ф. 128. – Костромской уездный предводитель дворянства.

36. ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 87. 1905 г. О сборе пожертвований в пользу семей погибших воинов.

37. ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 88. 1906 г. О сборе пожертвований в пользу семей погибших воинов.

38. ГАКО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 93. 1907 г. О сборе пожертвований в пользу семей погибших воинов.

Ф. 134. – Костромское губернское правление.

39. ГАКО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 393. 1877 г. Сведения об эвакуации раненых в Костромскую губернию.

40. ГАКО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 395. 1877 г. О количестве мест в госпиталях губернии.

41. ГАКО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 404. 1877 г. Об эвакуации раненых в Костромскую губернию.

42. ГАКО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 407. 1878 г. О количестве мест в госпиталях для раненых.

Ф. 143. – Костромское губернское по земским и городским делам присутствие.

43. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Т. 1. Д. 135. Отчетные ведомости признания семейств нижних воинских чинов.

44. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Т. 1. Д. 167. Сведения о погибших нижних воинских чинах.

Ф. 167. – Кологривский местный комитет Российской общества
Красного Креста.

45. ГАКО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 2. Журналы заседаний Кологривского местного комитета Общества Красного Креста (1904).

Ф. 208.– Костромская уездная земская управа.

46. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1300. Переписка и заявления по вопросу содержания семей погибших на войне с Японией.

47. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1302. Предписание Алексеевского главного комитета о пособии на содержание и воспитание детей военнослужащих.

48. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1304. Предписание Алексеевского главного комитета о пособии на содержание и воспитание детей военнослужащих.

49. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1307. Копия циркуляра Костромского губернатора.

Ф. 212. - Чухломская уездная земская управа.

50. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 389. По признанию семейств нижних воинских чинов (1904).

51. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 390. По признанию семейств нижних воинских чинов (1904).

52. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 391. По признанию семейств нижних воинских чинов (1904).

53. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 393. По признанию детей лиц, погибших в войну с Японией (1906).

54. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 395. По признанию детей лиц, погибших в войну с Японией (1906).

55. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 404. О признании семейств убитых иувечных на войне на Дальнем Востоке (1906).

56. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 407. О признании семейств убитых иувечных на войне на Дальнем Востоке (1906).

57. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1658. Об оказании помощи семьям (1877).
58. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1659. О выдаче пособия семьям (1878).
59. ГАКО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1660. Об оказании помощи семьям (б. г.).
- Ф. 429. - Костромская 1-я мужская гимназия.
60. ГАКО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 112. О сборе пожертвований среди учащихся на подарки воинам действующей армии. (1905)
- Ф. 536. – Костромское местное управление Российского общества Красного Креста.
61. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 21. О распоряжениях Костромского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах по различным отделам и окончательные бумаги (1873).
62. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 22. О сведениях земских управ Костромской губернии по предмету предоставления в своих больницах во время войны некоторого числа бесплатных мест для раненых и больных воинов и привлечения врачей на службу в военные госпитали (1873).
63. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 23. О сведениях городских голов по предмету предоставления в городских больницах во время войны бесплатных мест для больных и раненых воинов (1873).
64. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 24. Приходные денежные документы о суммах пожертвования Общества попечения о больных и раненых воинах в 1873 г. и в кружечных сборах (1873).
65. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 25. Расходные денежные документы Общества попечения (1873).
66. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 26. Приходные документы всех сборов и пожертвований в пользу Общества попечения о раненых и больных воинах (1875).
67. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 27. По предложению Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинах о сборе пожертвований в пользу бедствующих славян с Балканского полуострова (1875).

68. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 28. Приходная книжка костромского местного управления Общества попечения о раненых и больных воинах (1876).
69. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 29. О лицах изъявивших желание поступить в сестры милосердия для ухода за больными и ранеными, а также и добровольцы в ряды Сербской армии (1876).
70. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 36. Материальные пожертвования в пользу славян Балканского полуострова (1876).
71. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 41. О вызове собраний и разных сведений (1877).
72. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 45. Об открытии курсов для обучения братьев милосердия из добровольцев. (1877).
73. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 50. С бумагами уполномоченного по госпиталям Красного Креста Л.Д. Свербеева (1877).
74. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 54. О перемещении Костромского Крестовоздвиженского госпиталя ближе к тылу действующей армии (1877).
75. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 55. По предложению Главного Управления о привлечении монашествующей братии к делу служения РОКК (1877).
76. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 56. С циркуляром Главного Управления Общества попечения о больных и раненых воинах (1877).
77. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 73. Документы при которых доставлены материальные пожертвования в пользу Общества попечения о больных и раненых воинах (1878).
78. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 78. С циркулярами Главного Управления Общества Красного Креста (1878).
79. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 100. Протокол Костромского местного управления РОКК (1880).
80. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 101. С циркуляром Главного управления Общества (1880).
81. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 103. С кратким произведениям Костромского РОКК (1880).

82. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 104. О наблюдении о поступлении копеечного сбора (1880).
83. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 202. По учреждению в Костроме общины сестер милосердия во имя Федоровской божьей матери (30/VI – 15/X 1903).
84. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 266. Сведения о лицах принятых в Федоровскую общину сестер милосердия Красного Креста (1904).
85. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 277. Циркуляров Главного Управления (1904).
86. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 309. Списокувечных воинских чинов (1906).
87. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 367. С прошениями о выдаче пособий из Красного Креста (1908).
88. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 381. О лицах принятых в Федоровскую общину сестер милосердия Красного Креста (1909).
89. ГАКО. Ф. 536. Оп. 1. Д. 393. О переписке Костромской Федоровской общиной сестер милосердия (1910).

Ф.707. – Богоявленско-Анастасиин женский монастырь.

90. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 750. Ведомость о расходе вещественных по-жертвований нижним воинским чинам выходящим из эвакуационных госпи-талей (1877).
91. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 751. Протокол собрания членов Общества попе-чения о раненых и больных воинах (1877).
92. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 752. Книга входящих бумаг по Дамскому коми-тету Общества попечения (1877).
93. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 767. Журнал Дамского комитета Общества Красного Креста, протокол дамского общества (1877).
94. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 768. Ведомость о расходе вещественных по-жертвований больным и раненым нижним чинам (1877).
95. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 771. Отчет по Дамскому комитету и состоящей при ней мастерской (1877).
96. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 776. Журнал дамского комитета Общества попе-чения о раненых и больных воинах (1877).

97. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 777. О деятельности дамского комитета РОКК при монастыре (1877).
98. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 787. Отчеты о приходе, расходе и остатке материальных и вещественных пожертвований (1877).
99. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 796. О деятельности дамского комитета РОКК при монастыре (1877).
100. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 797. Сообщения сестер милосердия игуменье монастыря о больных и раненых и их состоянии (1877).
101. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 798. Прошения девиц от Общества попечения принять их в сестры милосердия (1877).
102. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 801. Бумаги относящиеся к делопроизводству по дамскому комитету Общества попечения о раненых и больных воинах (1877).
103. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 804. Циркулярные предписания Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
104. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 807. Отправка в армию санитарных принадлежностей (1878).
105. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 820. Отчет дамского общества о приходе, расходе, остатке вещей (1878).
106. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 822. Отчет о деятельности Дамского комитета РОКК (1878).
107. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 824. Ведомость, отчет дамского комитета (1878).
108. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 829. Отчет дамского комитета РОКК (1878).
109. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 835. Журнал Дамского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
110. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 837. Журналы Дамского комитета общества РОКК (1878).

111. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 846. Предписания Костромского управления Общества попечения о раненых и больных воинах местному Дамскому комитету (1878).
112. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 855. Проект отчета Дамского комитета РОКК (1879).
113. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 859. Отчет комитета РОКК.
114. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 903. Циркулярные предписания общества РОКК.
115. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 927. Отчеты о деятельности общества комитета РОКК (1881).
116. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 933. Отчет о деятельности Дамского комитета РОКК.
117. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1045. Отчет о деятельности санитарного учреждения РОКК при монастыре.
118. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1136. Отчет о деятельности комитета общества РОКК (1893).
119. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1157. Отчет о деятельности санитарного учреждения РОКК.
120. ГАКО. Ф. 707. Оп. 1. Д. 1489. Ведомость о монастыре, отчет о деятельности Костромского дамского комитета общества РОКК (1880 – 1881).
- Ф. 1400. - Костромское местное управление общества попечения
о больных и раненых воинах.
121. ГАКО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 1. Документы Дамских комитетов, монастырей о пожертвованиях обществу попечения о раненых и больных воинах за 1877 г.
122. ГАКО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 2. Переписка с Макарьевским, Галичским и другими уездными полицейскими управлениями и рапорты о пожертвованиях населения в пользу раненых и больных воинов (1877).

123. ГАКО. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 3. Прошения сестер милосердия о принятии их на службу в местное управление общества попечения о раненых и больных воинах. (1878).

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

Ф. 79. – Ярославское губернское правление.

124. ГАЯО. Ф. 79. Оп.5. Т.2. Д. 3076. Отчеты благотворительных учреждений губернии (1900).

125. ГАЯО. Ф. 79. Оп.5. Т.2. Д. 3334. Отчеты о состоянии домов призрения, приютов, женских гимназий и общественных организаций губернии (1906).

126. ГАЯО. Ф. 79. Оп.5. Т.2. Д. 3454. Дело по представлениям благотворительных общеполезных учреждений Ярославской губернии (1901).

Ф. 83. – Ярославский приказ общественного призрения.

127. ГАЯО. Ф. 83. Оп.1. Д. 1332. Журналы заседаний Ярославского приказа общественного призрения (1864).

128. ГАЯО. Ф. 83. Оп.2. Д. 48. Доклад правительственної комиссии об организации общественного призрения в России (1892).

Ф. 133. – Ярославское губернское по воинской повинности присутствие.

129. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 352. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия (январь 1877).

130. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 353. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (февраль 1877).

131. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 354. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (март 1877).

132. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 355. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (апрель 1877).

133. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 356. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (май-июнь 1877).

134. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 357. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (июль 1877).

135. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 358. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (август 1877).
136. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 359. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (сентябрь 1877).
137. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 360. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (октябрь 1877).
138. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 361. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (ноябрь 1877).
139. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 362. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (декабрь 1877).
140. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 618. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (январь 1878).
141. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 619. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (февраль 1878).
142. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 620. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (март 1878).
143. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 621. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (апрель 1878).
144. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 622. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (май 1878).
145. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 623. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (июнь 1878).
146. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 624. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (июль 1878).
147. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 625. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (август 1878).
148. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 626. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (сентябрь 1878).
149. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 627. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (октябрь 1878).

150. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 628. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (ноябрь 1878).
151. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 629. Журналы Ярославского губернского по воинской повинности присутствия. (декабрь 1878).
152. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 1844. Отчеты по призрению семейств нижних чинов (1904-1907).
153. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 1954. Сведения об убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинах в войну с Японией (1904).
154. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 2102. Дело о помощи нижним воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией (1906).
155. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 2103. Дело о помощи нижним воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией (1906).
156. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 2105. Дело по отношению комитета великой княгини Елизаветы Федоровны о назначении уполномоченных комитета для принятия прошений от нижних чинов о пособии (1906).
157. ГАЯО. Ф. 133. Оп.1. Д. 2106. Дело по отношению комитета великой княгини Елизаветы Федоровны о назначении уполномоченных комитета для принятия прошений от нижних чинов о пособии (1906).
158. ГАЯО. Ф. 133. Оп.2. Д. 4. Дело об организации государственного ополчения и о порядке призыва ратников на службу (1877).
159. ГАЯО. Ф. 133. Оп.2. Д. 5. Дело об открытии приемных призывных пунктов для ратников по уездам (1877).
- Ф. 614. – Ярославский комитет Российского общества «Красный Крест».
160. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 1. Ведомости о состоянии лазаретов по Ярославской области (1877).
161. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 2. Списки лиц, состоящих при госпиталях Красного Креста (1877).
162. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 3. Журнал общего собрания членов общества (1878).

163. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 25. Журнал заседания общества от 4 сентября (1879).
164. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 26. Отчет о деятельности Даниловского комитета общества Красного Креста (1879).
165. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 27. Дело о деятельности и финансовой части общества (1879).
166. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 31. Копии циркулярных предписаний Российского общества и список лиц, состоящих при комитете и госпитале Красного Креста (1880).
167. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 32. Переписка о личных пожертвованиях в пользу больных и раненых воинов (1880).
168. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 33. Журнал заседания общего собрания членов общества (1881).
169. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 35. Журнал заседания общества (1882).
170. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 37. Циркулярные распоряжения и предписания Главного Управления общества (1891).
171. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 39. Журналы заседаний общего собрания членов Ярославского дамского комитета (1894).
172. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 40. Циркулярные предписания Главного Управления общества (1900).
173. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 41. Циркуляры Главного Управления общества (1904).
174. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 42. Циркуляры Главного Управления общества и списки санитаров общества и свидетельства, выданные сестре и врачу (1904).
175. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 43. Циркулярные распоряжения Главного Управления общества и переписка (1904).
176. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 44. Копии циркуляров, журналы заседаний местного Ярославского комитета общества и прошения разных лиц об оказании им помощи (1904).

177. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 45. Отчет Общества Красного Креста (1904).
178. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 46. Ведомости о поступивших денежных пожертвованиях в Ярославское управление общества (1904).
179. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 47. Ведомости о денежных пожертвованиях в пользу общества (1904).
180. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 48. Заявления о бесплатном помещении больных и раненых воинов по Романов-Борисоглебску и его уезду (1904).
181. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 49. Заявления о бесплатном помещении больных и раненых воинов по г. Данилову и его уезду (1904).
182. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 50. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Мологском уезде для больных и раненых воинов (1904).
183. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 51. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Мышкинском уезде для больных и раненых воинов (1904).
184. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 52. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Пошехонском уезде для больных и раненых воинов (1904).
185. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 53. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Рыбинском уезде для больных и раненых воинов (1904).
186. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 54. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Угличском уезде для больных и раненых воинов (1904).
187. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 55. Заявления от разных лиц в особый комитет княгини Елизаветы Федоровны о бесплатном предоставлении помещений в Ярославском уезде для больных и раненых воинов (1904).
188. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 56. Списки санитаров ярославского врачебно-санитарного отряда общества, отправляющихся на Дальний Восток для по-

лучения содержания и другие расходные документы по отправке отряда и лазарета (1904).

189. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 57. Списки и переписка о лицах, окончивших курс сестер милосердия и направленных в распоряжение общества (1904).

190. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 58. Списки и переписка разных лиц о принятии на курсы сестер милосердия для получения свидетельств (1904).

191. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 60. Список лиц Мышкинского комитета Российского общества на получение медалей в память русско-японской войны и отчет о деятельности комитета (1904).

192. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 61. Дело об организации сбора пожертвований на надобности военного времени в учреждениях общества по Ярославской губернии (1904).

193. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 62. Дело о сборе пожертвований в церквях Ярославской губернии в пользу больных и раненых воинов (1904).

194. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 63. Дело по сбору пожертвований на усиление военного флота (1904).

195. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 64. Дело по сбору пожертвований в пользу больных и раненых воинов по церквам г. Ярославля во время богослужений (1904).

196. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 65. Дело об отправке материальных пожертвований, собираемых по случаю войны с Японией в Московский Центральный склад Красного креста и другие места (1904).

197. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 66. Дело о подготовке сестер милосердия в санитарный отряд в военное время (1904).

198. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 67. Дело о сообщении сведений заготовительно-му отделу Исполнительной комиссии Главного Управления общества о заготовке для войск разных предметов торговыми и промышленными фирмами Ярославской губернии (1904).

199. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 68. Дело о выдаче части подъемных денег и жалованья санитарам врачебно-санитарного отряда Российского общества Красного Креста (1904).
200. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 72. Дело о сборе пожертвований на устройство помощи больным и раненым воинам (1905).
201. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 73. Дело о сборе пожертвований на устройство помощи больным и раненым воинам, собранных во время богослужений по церквам г. Ярославля (1905).
202. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 74. Дело об открытии подписки на учреждение постоянной больничной кровати имени В.В. Воронцова-Дашкова в одном из лазаретов общества на Дальнем Востоке (1905).
203. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 76. Дело об отправке материальных пожертвований, собираемых по случаю войны России с Японией, в Московский Центральный склад и другие места (1905).
204. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 77. Дело о снабжении больных и раненых воинов, выписываемых из больниц и госпиталей, бельем, обувью и другими вещами (1905).
205. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 78. Отчет отряда, находящегося в Чите во время русско-японской войны и переписка о возвращении имущества последнего (1906).
206. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 106. Ведомости о размерах бесплатной помощи, оказанной населением Ярославской области при эвакуации с Дальнего Востока раненых и больных.
207. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 108. Список наград за служебные отличия по Российскому обществу Красного Креста.
208. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 112. Дело об учреждении Федоровской общины сестер милосердия (15 июня – 24 февраля) (1893).
209. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 113. Отчет дамского комитета за 1900 г. (1900).
210. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 115. Журналы заседаний Российского общества Красного Креста (1904).

211. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 116. Журналы заседаний Российского общества Красного Креста за 1908 г. (1908).
212. ГАЯО. Ф.614. Оп.1. Д. 117. Журнал общего собрания членов Дмитриево-Ростовского комитета. Формулярный список о службе врача А.В. Шатского (1909).
- Ф. 1109.– Губернские и уездные воинские начальники.
213. ГАЯО. Ф. 1109. Оп.1. Д. 12. Дело о выдаче свидетельств женам нижних чинов, умерших и пропавших без вести (1869).
214. ГАЯО. Ф. 1109. Оп.1. Д. 15. Дело об отправке рекрут на излечение в больницы (1869).
215. ГАЯО. Ф. 1109. Оп.1. Д. 31. Дело о перевозе больных нижних чинов для продолжения лечения в другие города (1877).
- Ф.1127. – Ярославское местное управление общества попечения
о больных и раненых воинах.
216. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 1. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1868).
217. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 2. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах и отчет о состоянии общества (1868).
218. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 4. Списки учредителей Общества попечения о раненых и больных воинах (1869).
219. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 5. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах по вопросу об учреждении при монастырях общин сестер милосердия (1870).
220. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 15. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1873).
221. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 16. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1873).
222. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 17. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1873).

223. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 21. Книга записи пожертвований в пользу Самарской губернии, пострадавшей от неурожая (1873).
224. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 22. Дело о сборе пожертвований в пользу Самарской губернии, пострадавшей от неурожая (1873).
225. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 23. Циркулярная переписка для пожертвований для неурожая (1873).
226. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 32. Дело о сборе пожертвований в пользу Балканских славян (1875).
227. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 33. Журналы общего собрания Общества попечения о раненых и больных воинах (1876).
228. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 36. Отчет Общества попечения о раненых и больных воинах за 1876 г. (1876).
229. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 37. Ведомости о сестрах милосердия, состоящих в распоряжении Общества на случай войны (1876).
230. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 38. Списки и подписные листы в пользу Балканских славян (1876).
231. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 52. Циркуляры об издании журнала «Вестник народной помощи». Отчет общества (1877).
232. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 56. Циркулярные распоряжения Главного Управления общества Красного Креста о подготовке санитарного персонала для военного времени (1877).
233. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 57. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1877).
234. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 58. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1877).
235. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 61. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1877).
236. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 64. Отчет о деятельности Общества попечения о раненых и больных воинах за год (1877).

237. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 69. Списки лиц, удостоенных звания сестер Красного Креста (1877).
238. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 70. Списки послушниц, обучающихся уходу за ранеными и больными воинами при госпиталях (1877).
239. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 75. Дело о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов. (1877).
240. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 76. Дело о работе госпиталя, устроенного Обществом попечения о раненых и больных воинах, в Рыбинске (1877).
241. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 77. Дело об устройстве в Ярославле на средства Общества попечения о раненых и больных воинах особого офицерского госпиталя (1877).
242. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 78. Дело об организации в Рыбинске местного комитета Общества попечения о раненых и больных воинах, об открытии госпиталей в городах Ярославль, Рыбинск, Ростов и об открытии лазарета купцом Пеговым в Ярославле (1877).
243. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 83. Переписка о больных и раненых воинах, находящихся на излечении в госпиталях (1877).
244. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 85. Циркуляр об организации больным офицерам помощи путем посылки на курорты (1878).
245. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 86. Циркуляр о назначении в военные госпитали сестер милосердия общества Красного Креста (1878).
246. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 87. Копия циркуляра о предоставлении сведений о деятельности учреждений Красного Креста (1878).
247. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 88. Циркулярные предписания и распоряжения Главного Управления (1878).
248. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 89. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
249. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 90. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).

250. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 91. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
251. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 92. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
252. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 93. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
253. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 94. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
254. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 95. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
255. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 97. Отчет о деятельности Даниловского местного общества попечения о раненых и больных воинах (1878).
256. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 101. Дело о закрытии госпиталя Красного Креста в Рыбинске (1878).
257. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 102. Дело о пожертвованиях в пользу раненых и больных воинов (1878).
258. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 104. Журналы заседаний Общества попечения о раненых и больных воинах (1879).
259. ГАЯО. Ф. 1127. Оп.1. Д. 119. Дело об открытии и подписке пожертвований на устройство летучего санитарного отряда для перевозки раненых (1877).
- Ф.1128. – Ярославский губернский комитет по оказанию помощи
больным и раненым воинам.
260. ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 31. Доклад Ярославского губернского комитета о денежных средствах, требующихся на содержание лазаретов и других медицинских учреждений для больных и раненых воинов.
261. ГАЯО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 32. Информационное письмо о приношении пожертвований больным и раненым воинам на Дальнем Востоке личным трудом.

- Ф.1150. – Врачебное отделение ярославского губернского правления.
262. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 160. Дело о воинских чинах, находившихся на лечении в гражданских больницах (1877).
263. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 172. Ведомости о больных и раненых воинах русско-турецкой войны, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
264. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 174. Ведомости о больных и раненых воинах русско-турецкой войны, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
265. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 175. Ведомости о больных и раненых воинах русско-турецкой войны, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
266. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 178. Ведомости о больных и раненых воинах русско-турецкой войны, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
267. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 179. Ведомости о больных и раненых воинах русско-турецкой войны, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
268. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 180. Ведомости о больных и раненых воинах и военнопленных турках, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
269. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 181. Ведомости о больных и раненых воинах и военнопленных турках, находящихся на лечении в больницах губернии в 1878 г. (1878).
270. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 223. Ведомости о воинских чинах, находившихся на лечении в гражданских земских больницах губернии (1880).
271. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 244. Ведомости о воинских чинах, лечившихся в гражданских больницах (1881).
272. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 277. Циркуляры министерства внутренних дел и местного губернского начальства о правилах ветеринарного осмотра гур-

тового скота, лечения больных военного ведомства, рапорты уездных исправников и санитарных осмотрах торгово-промышленных заведений (1882).

273. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 2067. Циркуляры министерства внутренних дел о проведении противохолерных мероприятий, по вопросу о медицинском осмотре раненых во время войны с Японией низких чинов и др. (1905-1907).

274. ГАЯО. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 2281. Ведомости о больных военного ведомства, лечившихся в гражданских больницах губернии.

Ф.1154. – Ярославский воинский начальник.

275. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1. Копия циркуляра штаба местных войск Московского военного округа о порядке освидетельствования неспособных к воинской службе и переписка о военнослужащих (1874).

276. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 2. Книга приказов Управления воинского начальника за 1-е полугодие (1876).

277. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 3. Книга приказов Управления воинского начальника (1882).

278. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 4. Приказы по Ярославскому гарнизону (1904).

279. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 5. Список на выдачу аттестатов семьям офицерских чинов, отправленных на Дальний Восток (1905).

280. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 6. Приказы по Управлению Ярославского уездного воинского начальника (1906).

281. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 7. Списки прапорщиков запаса, подлежащих учебному сбору и переписка по строевой и денежной отчетности (1906).

282. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 8. Именные списки офицерских чинов запаса (1910).

283. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 9. Списки низких чинов запаса, состоящих на чете Ярославского уездного воинского начальника (1910).

284. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 23. Книга приказов по управлению воинского начальника (б.г.).
285. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 24. Алфавит нижних чинов, прибывших в Ярославский уезд по увольнению в отпуска на продолжительный срок болезни.
286. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 25. Дело о выдаче денежного содержания семьям офицеров и офицерам, эвакуированным в действующую армию (1904).
287. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 27. Приказы по Управлению Ярославского уездного воинского начальника (1876).
288. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 28. Проходные свидетельства запасных чинов и переписка с уездными воинскими начальниками о воинских чинах (1902).
289. ГАЯО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 29. Именные списки нижних чинов. Сведения о погибших нижних чинах. Переписка с присутственными местами по разным вопросам (1906).
- Ф. 1168. – Ярославское губернское попечительство детских приютов.
290. ГАЯО. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 64. Отчет Ярославского губернского попечительства о детских приютах (1875).
291. ГАЯО. Ф. 1168. Оп. 1. Д. 68. Устав Ярославского исправительного приюта (1877).
- Ф. 1436. – Комитет для призрения неимущих в Ярославле.
292. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 1. Дело о сборе пожертвований в церквях Ярославля (1886).
293. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 2. Дело об организации лотереи (1887).
294. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 3. Дело об устройстве лотереи (1889).
295. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 4. Дело об устройстве лотереи для оказания помощи бедным вдовам, сиротам (1895).
296. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 5. Дело об организации убежища имени дворянина Горяинова (1895).
297. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 6. Отчет о деятельности Комитета (1896).

298. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 7. Отчеты о приходе, расходе средств Комитета (1898).
299. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 8. Дело об устройстве лотереи (1898).
300. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 9. Дело о пожертвованном капитале на устройство дома для бедных (1898).
301. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 10. Списки лиц, жертвующих в пользу бедных Ярославля (1898).
302. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 11. Ведомости о производстве картонажно-переплетной мастерской (1898).
303. ГАЯО. Ф. 1436. Оп. 1. Д. 13. Список жертвователей в пользу бедных Ярославля (1902).

2. Опубликованные источники

- а) документы законодательного и нормативно-правового характера**
304. Временные Правила от 9 июля 1877 г. об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов [Текст] // Вестник ярославского земства. - 1877. - № 59-60. - Отд.I. - С.15-18.
305. Высочайшее повеление «О призрении семейств нижних чинов» от 5 августа 1904 г. [Текст] // Вестник ярославского земства.- 1904.- № 18.- Отд.I.-С.235-237.
306. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: (Собрание 1-е с 1649 по 12 дек. 1825 г.): В 45 т. – СПб.: Тип. II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, 1830.
307. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: (Собрание 2-е с 12 дек. 1825 г. по 1 марта 1881 г.): В 55 т. – СПб.: Тип. II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, 1830-1884.
308. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: (Собрание 3-е с 1 марта 1881 г. по 1913 г.): В 33 т. – СПб.: Тип. II Отделения собственной е.и.в. Канцелярии, 1885-1916.
309. Постановление Государственного Совета (утв. 25 июня 1877 г.) «О призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, при-

званных в военное время на службу» [Текст] // Вестник ярославского земства. - 1877. - № 61-62. - Отд. I. - С.1.

310. «Правила об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» от 16 июня 1905 г. [Текст] // Вестник ярославского земства. - 1905. - № 14. - Отд. I. - С.187-190.

311. Статья 33 Устава о Воинской повинности, утв. 1 янв. 1874 г. (о призрении инвалидов, их семейств и сирот) [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 11. - С.7.

312. Указ императора от 26 февраля 1878 г. «О призрении семейств военных чинов, убитых и без вести пропавших на войне, или умерших от ран, полученных в сражениях [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 13. - С.1.

б) отчеты общественных организаций и частных лиц

313. Абаза, Н. Красный Крест в тылу Действующей армии в 1877-1878 гг.: отчет Главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах. В 2 т. Т.1. / Н. Абаза. – СПб.: Рос. об-во Красного Креста, 1880. - 387 с.

314. Абаза, Н. Красный Крест в тылу Действующей армии в 1877-1878 гг.: отчет Главноуполномоченного Общества попечения о раненых и больных воинах. В 2 т. Т.2. / Н. Абаза. – СПб.: Рос. об-во Красного Креста, 1882. - 422 с.

315. Извлечение из отчёта Владимирского местного управления за 1877 г. [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 25. - С. 1 - 3.

316. Из дневника Владимирского санитарного отряда за время пребывания его в 1904 году при войсках действующей армии на Дальнем Востоке. – Владимир: Типо-Лит. губ. правления, 1905. – 131 с.

317. Краткий отчет о деятельности русского «Красного Креста» [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 4. – С. 3-4.

318. Отчет генерал-адъютанта Волкова, осматривавшего лечебные заведения в 22 губерниях [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 6. - С.5.

319. Отчет доктора Валя о деятельности евангелического лазарета в Систове [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - № 6. – С. 7.
320. Отчет Исполнительной комиссии при Главном Управлении Российского общества Красного Креста по подаче помощи больным и раненым воинам за время русско-японской войны: Издание Главного Управления Рос. Об-ва Красного креста [Текст]. - СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. – 185 с.
- 321.Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для признания неимущих в г. Ярославле за 1890 г. [Текст].– Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1891. – 42 с.
322. Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для признания неимущих в г. Ярославле за 1891 г. [Текст].– Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1892. – 54 с.
323. Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для признания неимущих в г. Ярославле за 1892 г. [Текст].– Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1893. – 48 с.
324. Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для признания неимущих в г. Ярославле за 1894 г. [Текст].– Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1895. – 62 с.
325. Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для признания неимущих в г. Ярославле за 1904 г. [Текст].– Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1905. – 86 с.
326. Отчёт о действиях состоящего под августейшим покровительством её величества государыни императрицы Марии Фёдоровны Комитета для при-

зрения неимущих в г. Ярославле за 1905 г. [Текст]. – Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1906. – 86 с.

327. Отчет о деятельности летучего санитарного отряда «Красного Креста», командированного под руководством уполномоченного князя Никашидзе, для оказания помощи под Плевною 28 ноября 1877 г. [Текст] // Вестник народной помощи. - 1878. - №1. - С.4.

328. Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны [Текст]: Издание Главного Управления Российского общества Красного Креста. В 2 т. Том 1. - СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911.– 961 с.

329. Отчёт по госпиталю от Красного Креста для больных и раненых воинов при костромском Богоявленском монастыре [Текст] // Вестник народной помощи. -1878. - № 22. - С. 4 - 5.

330. Отчет профессора Н.И. Пирогова об осмотре госпиталей «Красного Креста» [Текст] // Иллюстрированная хроника войны. СПб.: Издание Германа Гоппе, 1882. - Т.2. Хроника № 53.

331. Отчет тайного советника Н.И. Козлова о военно-медицинских мерах, принятых в нашей армии во время войны с Турцией 1877-1878 гг. [Текст] // Русская старина. – 1887. – VII. – С. 75-83.

332. Отчет ярославского местного управления РОКК об организации на средства управления врачебно-санитарного отряда Красного Креста с лазаретом на 200 кроватей [Текст]. – Ярославль: Типография Губернского Правления, 1904. – 22 с.

333. Правила о сестрах Красного Креста с приложением правил, утвержденных военным министром для сестер милосердия, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами [Текст] / Рос. Об-во Красного Креста. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1875. – 18 с.

334. Устав Ярославской Федоровской общины сестер милосердия общества Красного Креста, утвержденный Главным Управлением РОКК 7 мая 1893 г. [Текст]. – Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1893. – 12 с.

в) статистические сборники, справочники, энциклопедии

335. Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России [Текст]: в 2 т. / под ред. П.И. Лыкошина. - СПб.: С.-Петербургская электропечатня, 1901. - Т.1. Ч.2. – 342 с.
336. Владимирский календарь и справочная книжка Владимирской губернии на 1906 г. [Текст]. – Владимир: Издание губернского статистического комитета, 1906. - 213 с.
337. Всеобщий календарь на 1878 г. [Текст]. - СПб.: Издание Германа Гоппе, 1877. – 853 с.
338. Государственность России (конец XV- февраль 1917 г.) [Текст]: Словарь-справочник. Кн.2 (Д-К). М.: Наука, 1999. – 447 с.
339. Иллюстрированная хроника войны 1877-1878 гг. В 2-х томах [Текст]. - СПб.: Издание Германа Гоппе, 1882. - Т.2. – 430 с.
340. История Русско-японской войны [Текст] / редакторы-издатели М.Е. Бархатов и В.В. Функе. - СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. Т.V. – 249 с.
341. Первый женский календарь на 1906 г. П.Н. Ариян. [Текст]: медицинский отдел под ред. проф. Н.И. Быстрова.- СПб.: Издание книжного магазина «Нового времени», 1906. – 399 с.
342. Русский календарь на 1879 г. А.С. Суворина [Текст]. - СПб.: Новое время, 1879. – 638 с.
343. Сборник кратких сведений о правительственные учреждениях [Текст] / сост. Вас. Кривенко. - Второе издание. - СПб.: Типография Департамента Уделов, 1889. – 404 с.
344. Статистический временник Российской империи. Серия 2. [Текст] / СПб.: Издание Центрального Статистического Комитета, 1871. - Выпуск 1.– 305 с.
345. Статистическое обозрение Российской империи [Текст] / сост. В.Ф. де Ливрон, действительный член Императорского Русского Географического

Общества. Издание картографического заведения А. Ильина. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза». – 426 с.

346. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. - СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. Т. IV (7); 1898. Т.25.

г) периодические издания

347. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 1 января (№ 1).

348. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 8 января (№ 2).

349. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 15 января (№ 3).

350. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 22 января (№ 4).

351. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 5 февраля (№ 6).

352. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 12 февраля (№ 7).

353. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 19 февраля (№ 8).

354. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 26 февраля (№ 9).

355. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 5 марта (№ 10).

356. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 12 марта (№ 11).

357. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 26 марта (№ 13).

358. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 2 апреля (№ 14).

359. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 23 апреля (№ 17).
360. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 30 апреля (№ 18).
361. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 14 мая (№ 20).
362. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 28 мая (№ 22).
363. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 18 июня (№ 25).
364. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 9 июля (№ 28).
365. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 16 июля (№ 29).
366. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 6 августа (№№ 31-32).
367. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 13 августа (№ 33).
368. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 20 августа (№ 34).
369. Вестник народной помощи [Текст]: Еженедельный журнал Общества попечения о раненых и больных воинах. - 1878. - 3 декабря (№ 49).
370. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1873. - №№ 7- 8.
371. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1873. - №№ 15-16.

372. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – №№ 57-58.
373. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – №№ 59-60.
374. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – №№ 61-62.
375. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – №№ 63-64.
376. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 67-68.
377. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 69-70.
378. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 71-72.
379. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 73-74.
380. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 75-76.
381. Вестник Ярославского земства [Текст]: издание Ярославской губернской земской управы. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – №№ 77-78.

402. Владимирские губернские ведомости [Текст]. – 1904. - 13 февраля.
403. Владимирские губернские ведомости [Текст]. - 1904. - 26 марта.
404. Владимирские губернские ведомости [Текст]. - 1904. - 27 февраля.
405. Владимирские губернские ведомости [Текст]. - 1904. - 7 мая.
406. Газета политico-литературная, художественная и ремесленная А. Гатцуга [Текст]. - 1877. - №№ 47-53. - Т. III.
407. Газета политico-литературная, художественная и ремесленная А. Гатцуга [Текст]. - 1878. - №№ 1-4. - Т. IV.
408. Людвиг, д-р Страдания и подвиги женщины во время войны [Текст] / Д-р Людвиг: пер. М. Михайловской // Научное обозрение. Ежемесячный журнал. 1900. № 9. С. 1603-1607.
409. Санитарные меры, принятые в последнюю войну с Турцией 1877-1878 гг. [Текст] // Русская старина. – 1887. – VII. - С. 75-83.
410. Трудовая помощь [Текст]: журнал, издаваемый Попечительством о домах трудолюбия и работных домах / под ред. В. Дерюжинского. – СПб.: Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, 1897. - № 1 (ноябрь).
411. Трудовая помощь [Текст]: журнал, издаваемый Попечительством о домах трудолюбия и работных домах / под ред. В. Дерюжинского. – СПб.: Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, 1898. - № 4 (февраль).
412. Ярославские епархиальные ведомости за 1876 [Текст]: часть официальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – 452 с.
413. Ярославские епархиальные ведомости за 1876 [Текст]: часть неофициальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1877. – 416 с.
414. Ярославские епархиальные ведомости за 1877. [Текст]: часть неофициальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – 437 с.
415. Ярославские епархиальные ведомости за 1877. [Текст]: часть официальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1878. – 442 с.
416. Ярославские епархиальные ведомости за 1878. [Текст]: часть неофициальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1879. – 384 с.

417. Ярославские епархиальные ведомости за 1878. [Текст]: часть официальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1879. – 428 с.

418. Ярославские епархиальные ведомости за 1892. [Текст]: часть официальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1893. – 416 с.

419. Ярославские епархиальные ведомости за 1904. [Текст]: часть официальная. - Ярославль: Типография губернской земской управы, 1905. – 412 с.

д) источники личного происхождения и произведения художественной литературы

420. Арендт, С.А. Воспоминания сестры милосердия [Текст] / С.А. Арендт // Русская старина. - 1887. - № VII. - С.85-122; № VIII. - С.375-418.

421. Баумгартен, О.А. В осажденном Порт-Артуре: дневник сестры милосердия Ольги Аполлоновны фон Баумгартен [Текст] / О.А. фон Баумгартен. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. - 237 с.

422. Боткин, С.П. Письма из Болгарии. 1877 г. [Текст] / С.П. Боткин. - СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. - 376 с.

423. Крестовский, В.В. Тьма египетская [Текст] / Роман В.В. Крестовского. Кн.1. (В изд. «Русский Вестник». 1888. Т. 194-199). Продолж.: роман «Тамара Бендавид».

424. Немирович-Данченко, В.И. Боевая Голгофа [Текст]: Роман / Вас. И. Немирович-Данченко. - Изд. 6 – е. - СПб.: Т-во «Просвещение», 1911. – 388 с.

425. Немирович-Данченко, В.И. Год войны (дневник русского корреспондента). 1877-1878 [Текст] / В.И. Немирович-Данченко. – Изд. 2-е, испр. и доп. - СПб.: Издание книжного магазина «Нового времени», 1879. – 342 с.

426. Немирович-Данченко, Вас. Ив. Сестры милосердия на театре войны [Текст] / Вас. Ив. Немирович-Данченко // Иллюстрированная хроника войны. - СПб., 1882. - Т.2. - Хроника 105. - С.434-438.

427. Пирогов, Н.И. Севастопольские письма 1854-1855 [Текст] / Н.И. Пирогов. - СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 172 с.

428. Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу Действующей армии в 1877-1878 гг. [Текст] / Н.И. Пирогов. - СПб.: Издание Глав. Упр. Общества попечения о раненых и больных воинах, 1879. – 384 с.

II. Литература

1. Монографии, сборники статей

429. 100 лет Красного Креста в нашей стране [Текст] /под ред. проф. Г.А. Митерева. – М.: Высшая школа, 1967. - 197 с.
430. Айвазова, С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории: Документальные материалы [Текст] / Светлана Айвазова. - М.: РИК Русанова, 1998. – 408 с.
431. Анненкова, Э.А., Голиков, Ю.П. Русские Ольденбургские и их дворцы [Текст] / Э.А. Анненкова, Ю.П. Голиков. - СПб.: ООО «Алмаз», 1997. – 175 с.
432. Аронов, А.А. Золотой век русского меценатства [Текст] / А.А. Аронов. - М.: МГУК, 1995. – 114 с.
433. Афанасьев, В.Г. Благотворительность в России: Историографические аспекты проблемы [Текст] / В.Г. Афанасьев, А.В. Соколов.– СПб.: Нестор, 1998. – 102 с.
434. Бадя, Л.В. Благотворительность и меценатство в России: Краткий исторический очерк [Текст] / Л.В. Бадя. - М.: Наука, 1993. – 187 с.
435. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
436. Бердова, О.В. Культурная жизнь Костромской губернии в зеркале периодической печати конца XIX - начала XX века [Текст] / О.В. Бердова. - Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2002. – 360 с.
437. Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Сов. писатель, 1990. – 346 с.

438. Благотворительность в России. Сост. по высочайшему повелению Собств. е.и.в. Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии. [Текст] : в 2 т. – СПб.: типо-лит. Ныркина, 1907. - Т.1. – 882 с.; Т.2. – 871 с.
439. Благотворительность в современной России: законодательство, методология, практика [Текст] / Горбань С.В., Елисейская Т.В, Копытов М.А. и др. – Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2003. – 256 с.
440. Благотворительность и милосердие в Санкт-Петербурге. Рубеж XIX-XX веков [Текст] / сост. В.Н. Занозина, Е.А. Адаменко.– СПб.: Лики России, 2000.– 248 с.
441. Благотворительные учреждения Российской империи (Сост. по высочайшему повелению Собств. е.и.в. Канцеляриею по учреждениям императрицы Марии). [Текст]: в 3 т. – СПб.: Типография Санкт-Петербургского общества печатного дела в России. Е. Евдокимов, 1900. – Т.1. – 360с.; Т.2. – 1980 с.; Т.3. – 428 с.
442. Боханов, А.Н. Коллекционеры и меценаты в России [Текст] / А.Н. Боханов. - М.: Наука, 1989. - 192 с.
443. Бурышкин, П. А. Москва купеческая [Текст]: мемуары / П.А. Бурышкин. - М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.
444. Власов, П.В. Благотворительность и милосердие в России [Текст] / П.В. Власов. – М.: Центрполиграф, 2001. – 446 с.
445. Власов, П.В. Обитель милосердия [Текст] / П.В.Власов. - М.: Московский рабочий, 1991. – 302 с.
446. Георгиевский, П.И. Призрение бедных и благотворительность [Текст] / П.И. Георгиевский. – СПб.: Типография Морского Министерства,1894. – 118 с.
447. Герье, В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его организации [Текст] / В.И. Герье. – СПб.: Государственная типография,1897. – 110 с.

448. Гогель, С.К. Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности [Текст] / С.К. Гогель.– СПб.: Типография Общества «Общественная польза», 1908. – 145 с. + 92 с.
449. Дерюжинский, Р.Ф. Заметки об общественном призрении [Текст] / Р.Ф. Дерюжинский. – М.: Книжный магазин Гросман и Кнебель, 1897. – 87 с.
450. Думова, Н.Г. Московские меценаты [Текст] / Н.Г. Думова. - М.: Молодая гвардия, 1992. – 333 с.
451. Женщина и Российское общество: научно-исторический аспект [Текст]: межвуз. сб. науч. тр. / Иванов. гос. ун-т, Голов. совет межвуз. н.-и. программы "Женщины России: пробл. адаптации и развития в новых соц.-экон. условиях"; редкол.: О.А. Хасбулатова (отв. ред.) и др. - Иваново, 1995. - 112 с.
452. Женщины в общественных объединениях [Текст]: сб. ст. / Д.И. Балибалаева, З.Н. Вердиева, А.Н. Власова и др.; редкол.: Н.И. Кондакова (отв. ред.) и др.; Рос. акад. упр. Гуманит. центр. - М.: Луч, 1992. - 171 с.
453. Жизнь купеческая. Забытые страницы истории российского предпринимательства XIX - начала XX века [Текст]. – Нижний Новгород: НОВО, 2008. - 320 с.
454. Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах [Текст] / Ю.Н. Иванова. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. - 272 с.
455. Илинский, П.А. Русская женщина в войну 1877-1878. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшериц и женщин-врачей [Текст] / П.А. Илинский. – СПб.: Типо-Литография П.И. Шмидта, 1879. – 277 с.
456. Исторический город русской провинции - культурный универсум [Текст] : сборник научных трудов / М-во образования и науки Рос. Федерации, ГОУ ВПО "Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского" ; [науч. ред.: Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская]. - Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. - 232 с.
457. Исторический город в аспекте национальной ментальности [Текст]: научный симпозиум (сборник научных трудов) / М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского". - Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. - 232 с.

- ского" ; науч. ред. : Т. С. Злотникова, Н. А. Дидковская]. - Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. - 173 с.
458. Исторический обзор деятельности / Рос. о-во Красного Креста [Текст]. - СПб.: Лештуков. Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1902. – 143 с.
459. Исторический обзор деятельности местных учреждений Красного Креста со времени их основания по 1908 г. [Текст]. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. – 117 с.
460. Каминский, Л.С. Потери в прошлых войнах (1756-1918) [Текст]: справочная книга / Л.С. Каминский, С.А. Новосельский; Гл. военно-мед. упр. вооруженных сил СССР. - М.: Медгиз, 1947. – 210 с.
461. Кауфман, П.М. фон Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904-1905 гг. [Текст]: в 2 т. Т.2. Забайкальский район. Ч.1. Отчет главно-уполномоченного / П.М. Кауфман. - СПб.: Гл. упр. Рос. о-ва Красного Креста, 1909. – 262 с.
462. Кауфман, П.М. фон Красный Крест в тылу армии в японскую кампанию 1904-1905 гг. [Текст]: в 2 т. Т.2. Забайкальский район. Ч.2. Отчеты врачей / П.М. Кауфман. - СПб.: Гл. упр. Рос. о-ва Красного Креста, 1909. – 596 с.
463. Ключевский, В. О. Добрые люди древней Руси [Текст] / В.О. Ключевский. – Сергиев Посад, 1892. – 20 с.
464. Козловцева, Е.Н. Московские общины сестер милосердия в XIX - начале XX века [Текст] / Е.Н. Козловцева. - М.: Издательство ПСТГУ, 2010. - 208 с.
465. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. - СПб.: Искусство - СПб, 1994. – 758 с.
466. Максимов, Е.Д. Законодательные вопросы попечения о нуждающихся [Текст] / Е.Д. Максимов. – СПб.: Гос. тип., 1907. – 68 с.
467. Максимов, Е.Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России [Текст] / Е.Д. Максимов.– Б.м., 1894.– 277 с.

468. Максимов, Е.Д. Очерк земской деятельности в области общественного признания [Текст] / Е.Д. Максимов. – СПб.: тип. Правит. Сената, 1895. - 105 с.
469. Максимов, Е.Д. Общий взгляд на земскую и городскую деятельность по признанию [Текст] / Е.Д. Максимов. – СПб.: тип. В. Киршбаума, 1898. – 11 с.
470. Мартынов, С.Д. Предприниматели, благотворители, меценаты: Строгановы, Алексеевы, Третьяковы, Морозовы, Гучковы [Текст] / С.Д. Мартынов. – СПб.: «Пирс», 1993. – 88 с.
471. Нувахов, Б.Ш. Странноприимный дом Н.П. Шереметьева: традиции российского милосердия, XVII-XX вв. [Текст] / Б.Ш. Нувахов.- [М.: б.и.], 1994.- 111 с.
- 472.Опыт мировых войн в истории России [Текст]: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – 613 с.
473. д'Оссонвилль, Габриэль Поль. Нужда, порок и благотворительность [Текст]: пер. с франц. и введ. Б.К. Ордина / Д'Оссонвилль. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 368 с.
474. Очерк возникновения и деятельности Российского общества Красного Креста [Текст] / Рос. о-во Красного Креста. - СПб.: Гос. тип., 1913. – 63 с.
475. Постернак, А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия [Текст] / А.В. Постернак. - М.: Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2001. – 304 с.
476. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / РАН, Ин-т всеобщей истории [Текст] / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.
477. Репина, Л.П. История исторического знания: Пособие для вузов [Текст] / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
478. Семенова, Е.Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.) [Текст]: учебное пособие / Е.Ю. Семенова. – Самара: Изд. ООО «НТИ», 2001. – 60 с.

479. Семёнова, Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. [Текст] / Л.Н.Семёнова. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1982. – 279 с.
480. Соколов, А.Р. Благотворительность в русском общественном сознании. Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений [Текст] / А.Р. Соколов. – СПб.: Гиперион, 2005. – 284 с.
481. Соколов, А.Р. Российская благотворительность. Исторические исследования [Текст] / А.Р. Соколов. – СПб.: Гиперион, 2005. – 236 с.
482. Соловьев, С. М. Сочинения [Текст]: в 18 кн. / С.М. Соловьёв. - М.: АСТ, 2001. - Кн. 2. История России с древнейших времен. Т. 3-4. – 944 с.
483. Столетие Военного Министерства. 1802-1902 [Текст]: в 50 т. - Т.ХIII. Кн.1. Александровский комитет о раненых. Исторический очерк / сост. Д.И. Бережков; гл. ред. Д.А. Скалон. – СПб.: Тип. М.О. Вольф, 1902. - 418 с.
484. Тончу, Е. Благотворительная Россия [Текст] / Елена Тончу. - М.: ИД ТОНЧУ, 2005. – 672 с.
485. Ульянова, Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей, 1860-1914 гг. [Текст] / Г.Н. Ульянова. – М.: Мосгорархив, 1999. – 512 с.
486. Ульянова, Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века [Текст] / Г.Н. Ульянова; Ин-т рос. истории РАН.– М.: Наука, 2005. – 403 с.
487. Фомин, Э.А. Благотворительность как социокультурный феномен в России [Текст] /Э.А. Фомин, Е.З. Чикадзе.-СПб.: Издательство Чернышева, 1999.-112 с.
488. Хасбулатова, О.А. Опыт и традиции женского движения. 1870-1917 / Иван. гос. ун-т. [Текст] / О.А. Хасбулатова. – Иваново: ИвГУ, 1994. – 135 с.
489. Юкина, И.И. История женщин в России: женское движение и феминизм. 1850-1920-е гг. Материалы к библиографии [Текст] / И.И. Юкина.– СПб.: Алетейя, 2003.–232 с.

2. Научные статьи

490. Ашротт, П.Ф. Развитие призрения бедных в Англии в 1885 г. [Текст] / П.Ф. Ашротт // Трудовая помощь. – 1897-1898.- № 1-13.
491. Белова, Е.Е. Социальная помощь военным инвалидам-офицерам во второй половине XIX в. в деятельности Александровского комитета о раненых [Текст] / Е.Е. Белова // Вестник Академии. Научный журнал. М.: Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы. – 2010.- № 1. – С. 17-20.
492. Белова, Е.Е. Сестры милосердия в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Текст] / Е.Е. Белова // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки = Yaroslavl pedagogical bulletin: научный журнал. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – № 2 . – С. 33-37.
493. Белова, Е.Е. Организация общественного призрения престарелых, больных и инвалидов в Ярославской губернии в конце XIX – начале XX веков [Текст] / Е.Е. Белова // Народ, политика, власть в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3/ Под ред. Г.Н. Кочешкова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. – С.41-51.
494. Белова, Е.Е. Деятельность благотворительных организаций Ярославской губернии по призрению детей на рубеже XIX-XX вв. [Текст] / Е.Е. Белова // Вопросы отечественной и зарубежной истории: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2007. – С.179-187.
495. Белова, Е.Е. Организация общественной помощи больным и раненым воинам в российской провинции в период русско-турецкой войны (на примере Ярославской и Костромской губерний) [Текст] / Е.Е. Белова // 61-я научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов. 8 апреля 2008 г., Ярославль: Тезисы докладов. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2008.- С.36.
496. Белова, Е.Е. Истоки призрения больных и раненых воинов в России: к вопросу об актуализации проблемы [Текст] / Е.Е. Белова // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ: Заочная межрегиональ-

- ная университетская научно-методическая конференция. Материалы конференции.- Ярославль: филиал РГГУ в г. Ярославле, 2008. – С.35-40.
497. Белова, Е.Е. К вопросу об истоках государственного признания больных и раненых воинов в России [Текст] / Е.Е. Белова // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования. Материалы конференции «Чтения Ушинского».- Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2008. – С.22-29.
498. Белова, Е.Е. Становление государственной помощи военным инвалидам в России в XIX веке [Текст] / Е.Е. Белова // Вестник Академии. Научный журнал Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы. – 2009.- № 1. – С. 63-66.
499. Белова, Е.Е.. Подготовка медицинского и санитарного персонала Общества попечения о раненых и больных воинах накануне и во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Текст] / Е.Е. Белова // Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ: Заочная межрегиональная университетская научно-методическая конференция. Материалы конференции.- Ярославль: филиал РГГУ в г. Ярославле, 2009. – С.231-236.
500. Белова, Е.Е. Медико-социальная помощь раненым и больным воинам в Ярославской губернии во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Текст] / Е.Е. Белова // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского».- Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2009. – С.108-115.
501. Белова, Е.Е. «Русское земство останется на веки примером доблестной службы народу» (Земская благотворительность в период русско-японской войны 1904-1905гг.) [Текст] / Е.Е. Белова // Ярославль - центр княжества, губерний, области. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления, международная университетская научно-практическая конференция. Материалы конференции, 20-21 апреля 2010. Ярославский филиал АОУ ВПО Ленинградский государственный университет имени

- А.С.Пушкина. – Ярославль: Изд. ЯФЛГУ им. А.С.Пушкина, 2010. – С. 64 – 67.
502. Белова, Е.Е. Благотворительность в период русско-японской войны 1904-1905 гг. (по материалам Ярославской и Костромской губерний) [Текст] / Е.Е. Белова // XIII Золотаревские чтения. Научная конференция. 26 октября 2010 г. Сборник. – Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2010. – Т.2. – С.166-171.
503. Белова, Е.Е. Финансирование благотворительности в военные периоды конца XIX – начала XX вв. в Верхневолжских губерниях [Текст] / Е.Е. Белова // Региональные аспекты предпринимательства: прошлое и настоящее: Сборник статей участников конференции / Третья межрегиональная научно-практическая конференция «Региональные аспекты предпринимательства: прошлое и настоящее». Ярославль, 27 апреля 2011 г. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2011. С.50-55.
504. Бердова, О.В. Развитие в Костромской губернии общественной помощи участникам и жертвам военных конфликтов (середина XIX – 1917 г.) [Текст] / О.В. Бердова // Благотворительность в России. 2005/2006: Исторические и социально-экономические исследования / под общ.ред. О.Л. Лейкинда; сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007. – С.147-166.
505. Бердяев, Н. П. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Текст] / Н.П. Бердяев // О России и русской философской культуре. - М.: Наука, 1990. – С. 43-271.
506. Блохина, Н.Н. Ведомственная медицина в дореволюционной России [Текст] / Н.Н. Блохина // Главный врач.- 2002. - № 4.- С. 111-118.
507. Блохина, Н.Н. Российское Общество Красного Креста и государственное здравоохранение дореволюционной России [Текст] / Н.Н. Блохина // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.- 2000.- №3.- С.- 60-64.

508. Блохина, Н.Н. Становление государственного российского здравоохранения в начале XX века [Текст] / Н.Н. Блохина // Главный врач.- 2002.- № 1.- С. 63-70.
509. Брэдли, Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России [Текст] / Дж. Брэдли // Общественные науки и современность. - 1994. - N5.
510. Гуревич, А.Я. Социальная история и историческая наука [Текст] / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. – 1990. - № 4. – С. 23-35.
511. Гуревич, А.Я. К пониманию истории как науки о человеке [Текст] / А.Я. Гуревич // Историческая наука на рубеже веков = Historical science at the turn of the century / [Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории]; Отв. ред. А. А. Фурсенко – М.: Наука, 2001– С. 166-174.
512. Емельянов, О.В. Традиции благотворительности и попечительства в истории российской медицины [Текст] / О.В. Емельянов // Российский семейный врач.- 2005.- № 4.- С. 61-63.
513. Жукова, Л.А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказании помощи детям в XVIII – начале XX в. [Текст] / Л.А. Жукова // Женщина в российском обществе (Иваново). - 1996. - № 1.
514. Жукова, Л.А. По заветам Марфы и Марии: Благотворительность в XVIII – начале XX в. [Текст] / Л.А. Жукова // Родина. - 1996. - № 3. – С. 19-23.
515. Каменчук, О.Н. Благотворительная и меценатская деятельность россиянок конца XIX – начала XX вв. [Текст] / О.Н.Каменчук // Женщина. Гендер. Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 261-269.
516. Клецина, А.А. Современные социальные исследования благотворительности в России: трактовки и подходы [Текст] / А.А. Клецина, А.В. Орлова // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. - СПб.: Лики России, 2001. - С. 9-17.

517. Коваль, Г. «Кто душу свою положит за други своя»: награды за попечение о раненых и больных воинах [Текст] / Г. Коваль // Основы Безопасности Жизнедеятельности. – 2003. - № 11. – С. 56-61.
518. Кочешков, Г.Н., Белова, Е.Е. Благотворительность в российской провинции в период Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [Текст] / Г.Н. Кочешков, Е.Е. Белова // Военно-исторический журнал. – 2010. - № 3. – С. 58-61.
519. Кочешков, Г.Н., Белова, Е.Е. «Общество попечения о больных и раненых воинах»: опыт региональной благотворительности во время войн последней четверти XIX – начала XX вв. (на материалах Верхнего Поволжья) [Текст] / Г.Н. Кочешков, Е.Е. Белова // Ушаковские чтения: сборник статей по итогам международной конференции (6 июня 2012 г.) / под ред. д.п.н., проф. В.К. Аксенова. – Ярославль: ЯФ НОУ ВПО «Институт управления», 2012. С.21-31.
520. Краснощеков, А.А. Медицина во время русско-японской войны 1904-1905 гг. [Текст] / А.А. Краснощеков, О.В. Родионов, А.В.Попов, П.П. Пароваев, С.В. Левкин // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН. – 2006.- № 3. – С. 47-49.
521. Линденмайер, А. Добровольные благотворительные общества в эпоху великих реформ [Текст] / А. Линденмайер // Великие реформы в России / под. ред. Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Д. Бушнелл. - М.: изд-во МГУ, 1992. – С. 283-300.
522. Локтев, А.Е. Военно-госпитальное дело в России в конце XIX - начале XX вв. [Текст] / А.Е. Локтев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.- 2001.- № 1.- С. 47-50.
523. Максимов, Е.Д. Наши благотворительные ведомства и учреждения, «на особых основаниях управляемые» [Текст] / Е.Д. Максимов //Трудовая помощь. – 1903. - № 1. – С.1-39; № 2. – С.151-155; № 3.- С. 321-350.
524. Максимов, Е.Д. Очерки частной благотворительности в России [Текст] / Е.Д. Максимов //Трудовая помощь. – 1897.- № 1. – С.57-65; № 2. – С.148-154. 1898. - № 3. С.210 – 218; № 4. – С.322-347.

525. Максимов, Е.Д. Приказы общественного призрения в их прошлом и настоящем [Текст] / Е.Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1901.- № 9. – С.532-555; №10. – С.729-767.
526. Максимов, Е.Д. Статистические и финансовые вопросы общественного призрения [Текст] / Е.Д. Максимов // Новое слово. – 1896. - № 7. - С.6.
527. Малов, В. Участие александровцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. [Текст] / Владимир Малов // Уездный город А. - 2007. - 21 ноября.
528. Нахтигаль, Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915-1917 гг. [Текст] / Р. Нахтигаль // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 83-94.
529. Нувахов, Б.Ш. Общественно-благотворительное движение в период русско-японской войны (1904–1905 гг.) [Текст] / Б.Ш. Нувахов, Л.Н. Войт // Проблемы социальной гигиены и история медицины.- М., 1995. - №5. - С.54-56.
530. Павлова, И.П. Благотворительная помощь в чрезвычайных ситуациях в дореволюционной России [Текст] / И.П. Павлова // Благотворительность в России. 2006/2007: Исторические и социально-экономические исследования / под общ.ред. О.Л. Лейкинда; сост. и науч. ред: О. Л. Лейкинд, А. В. Орлова, Г. Н. Ульянова. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2007. – С.54-59.
531. Прохоров, В.Л. Благотворение – от Древней Руси к новой России [Текст] / В.Л. Прохоров // Вопросы истории. – 2007. - № 5 . – С. 156-165.
532. Пушкарева, Н.Л. Из истории призрения семей низших чиновников запаса в годы войн начала ХХ века [Текст] / Н.Л. Пушкарева, П.П. Щербинин // Нужда и порядок: история социальной работы в России, ХХ в.: Сб-к научных статей. – Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. - С.204-229.
533. Рэнсел, Д.Л. Матери нищеты: брошенные дети в России [Текст]: аннотация / Д.Л. Рэнсел // История СССР. – 1990. - № 6. – С.192-194.

534. Седых, Д.А. Трансформация восприятия войны русским обществом в конце XIX – начале XX века [Текст] / Д.А. Седых // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 330-348.
535. Сенявская, Е.С. «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии [Текст] / Е.С. Сенявская // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 318-329.
536. Соколов, А.Р. Российская благотворительность в XVIII-XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) [Текст] / А.Р.Соколов // Отечественная история. – 2003. - № 6.
537. Суслина, О.Н. Владимирцы в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. [Текст] / О.Н. Суслина // Записки владимирских краеведов. – Владимир: Транзит-ИКС, 2010. – С. 127-132.
538. Ульянова, Г.Н. Благотворительность и общественное признание [Текст] / Г.Н. Ульянова // Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995. – С. 381-392.
539. Ульянова, Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) [Текст] / Г.Н. Ульянова // Отечественная история. – 2005. - № 6. – С. 17-32.
540. Ульянова, Г.Н. Специальная периодика по благотворительности в России (1870-1907) [Текст] / Г.Н. Ульянова // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. – М.: Ин-т российской истории, 1992. – С. 117-141.
541. Ульянова, Г.Н. Участковые попечительства в России [Текст] / Г.Н. Ульянова // Вестник благотворительности. – 1995. - № 2- 3. – С. 12-13.
542. Ульянова, Г.Н. Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989-2002 гг.) [Текст] / Г.Н. Ульянова // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования

- ния. 2002 / под общ.ред. О.Л. Лейкинда. – СПб.: Лики России, 2003. – С. 16-29.
543. Ульянова, Г.Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного признания в России [Текст] / Г.Н. Ульянова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М.: АИРО-ХХ, 1996. – С. 405-425.
544. Ульянова, Г.Н. Исследование истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях [Текст] / Г.Н. Ульянова // Благотворительность в России. 2001. Социальные и исторические исследования / под ред. О.Л. Лейкинда; сост. А. Клецина, О. Лейкинд, А. Орлова, Г. Ульянова. – СПб.: Лики России, 2001. – С.63-75.
545. Ульянова, Г.Н. Система благотворительности в Российской империи с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны: обзор статистических данных [Текст] / Г.Н. Ульянова // Благотворительность в России. 2004/2005: Исторические и социально-экономические исследования / под общ. ред. О.Л. Лейкинда. – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2005.
546. Фёрстер, С. Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861-1945 гг. [Текст] / С. Фёрстер // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 12-18.
547. Физелер, Б. Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» [Текст] / Б. Физелер // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 49-63.
548. Фомин, Э.А. Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи [Текст] / Э.А. Фомин // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования / под общ.ред. О.Л. Лейкинда. – СПб.: Лики России, 2001. – С. 17-40.

549. Хитров, А.А. Воинские благотворительные комитеты и общества в России: проблемы изучения [Текст] / А.А. Хитров // Инновации в науке и образовании 2005: международная научная конференция, посвященная 75-летию основания КГТУ и 750-летию Кенигсберга-Калининграда (19-21 октября): материалы. В 2 ч. / КГТУ. – Калининград: Изд-во КГТУ, 2005. - Ч. II. - С. 231-232.
550. Хрипков, Ю. «В пользу воинов и их семейств»: 100 лет русской благотворительной марке [Текст] / Ю. Хрипков // Родина.-2005. - №2. - С.85-87.
551. Шацилло, В.К. Япония и японцы глазами русских военнопленных, 1904-1906 гг. [Текст] / В.К. Шацилло // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ [редкол.: И.В.Нарский и др.]. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. - С. 349-357.
552. Щапов, Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России: национальный опыт и вклад в цивилизацию [Текст] / Я.Н. Щапов // Россия в XX веке Историки мира спорят: [Сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т рос. истории, Отд-ние истории; [Редкол.: И. Д. Ковальченко (отв. ред.) и др.]. - М.: Наука, 1994.– С. 84-88.
553. Щербинин, П.П. Особенности признанияувечных воинов в России в XVIII – начале XX в. [Текст] / П.П. Щербинин // Армия и общество: Материалы международной научной конференции, Тамбов, 28 февраля 2000 г. - Тамбов, 2002. - С.64-83.
554. Щербинина, Ю.В. Исторические традиции признания отставных военных чинов в русском государстве (XVII–XVIII вв.) [Текст] / Ю.В. Щербинина // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического ун-та. - СПб.: Нестор, 2005. - Вып. 3. - С. 20-25.
- 3. Диссертации**
555. Беляева, М.В. Российское Общество Красного Креста в истории России 1867-1921 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Беляева Марина Вячеславовна. - Ставрополь, 2002. – 211 с.

556. Васильева, Г.П. Исторический опыт развития благотворительности в середине XIX - начале XX веков: по материалам Нижнего Поволжья [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Васильева Галина Петровна. - Астрахань, 2011. – 212 с.
557. Грицаева, А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 - февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Грицаева Анна Николаевна. - Москва, 2008. – 289 с.
558. Дёмина, И.С. Благотворительная деятельность семьи принцев Ольденбургских в России: XIX - начало XX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дёмина Ирина Сергеевна. – СПб., 2006. – 207 с.
559. Мягтина, Н.В. Правительственная политика и деятельность государственных, общественных и частных структур социального признания Владимирской губернии в последней четверти XVIII - 60-х гг. XIX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мягтина Надежда Владимировна. - Владимир, 2006. – 257 с.
560. Мятникова, О.И. Благотворительность торгово-промышленного предпринимательства на Ставрополье и Кубани в конце XIX - начале XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мятникова Ольга Игоревна. - Пятигорск, 2011. – 168 с.
561. Нагорная, Ю.В. Российские женщины в благотворительном процессе второй половины XIX - начала XX веков: На материалах Терской области и Ставропольской губернии [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Нагорная Юлия Викторовна. - Ставрополь, 2006. – 277 с.
562. Разуваева, Н.А. История российской благотворительности во второй половине XIX - начале XX вв.: По материалам Пензенской губернии [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Разуваева Наталья Александровна. - Пенза, 2006. – 220 с.
563. Рождественская, Н.Ю. Нищенство и благотворительность в Костромской и Ярославской губерниях в конце XIX - начале XX вв. [Текст]: дис. ...

канд. ист. наук: 07.00.02 / Рождественская Наталия Юрьевна. - Ярославль, 2004. – 293 с.

564. Смирнова, Е.А. Отношение провинциального общества к русско-японской войне 1904 - 1905 гг.: на материалах губерний Верхнего Поволжья [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Смирнова Екатерина Александровна. - Кострома, 2006. – 263 с.

565. Чистяков, О.В. Организационное устройство и деятельность Российского общества Красного Креста в годы Первой мировой войны: 1914-1918 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чистяков Олег Вячеславович. - Москва, 2009. – 159 с.

566. Шахов, В.В. Благотворительная деятельность представителей дворянского сословия России во второй половине XVIII - начале XX вв.: на материалах Центрального Черноземья [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Шахов Вячеслав Вячеславович. - Белгород, 2008. – 179 с.

567. Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. [Текст]: дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Щербинин Павел Петрович. – Москва, 2005. – 489 с.

568. Pyle E. Village Social Relations and the Reception of Soldiers' Family Aid Policies in Russia, 1912-1921. Ph. D. Dissertation, University of Chicago. Illinois, 1997.

569. Ewing S.E. Social Insurance in Russia and the Soviet Union, 1912-1933. A Study of Legal Form and Administrative Practice. Ph. D. Dissertation, Princeton University. New Jersey, 1984.

4. Авторефераты диссертаций

570. Зальцман, Т.В. Становление и развитие системы помощи людям с инвалидностью в России (1861 – 1917 гг.) [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Зальцман Татьяна Валерьевна. – М., 2008. – 24 с.

571. Ковалева, М. Г. Учреждения социального признания России в XIX – начале XX веков (на материалах Воронежской и Курской губерний) [Текст]:

автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ковалева Марина Григорьевна. – Воронеж, 2006. – 24 с.

572. Кузьмичев, А.В. Создание и деятельность приказов общественного призрения в последней четверти XVIII – первой половине XIX века (на материалах верхнего Поволжья) [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кузьмичев Александр Викторович.- Ярославль, 2012.- 26 с.

573. Немова, В.В. Организация благотворительной помощи на Дону в годы Первой мировой войны [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Немова Валентина Викторовна. - Ростов-на-Дону, 2009. – 31 с.

574. Сенина, М.А. Благотворительность власти и общества: деятельность великих князей Романовых в Петрограде и на фронте: июль 1914-февраль 1917 гг. [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Сенина Мария Александровна. - СПб., 2010. – 24 с.

575. Хитров, А.А. Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX - начало XX века: по материалам Санкт-Петербурга - Петрограда и Петербургской - Петроградской губернии [Текст]: автореферат дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 /Хитров Алексей Анатольевич. – СПб., 2009. - 41 с.

576. Якубсон, Е.В. Благотворительность в Московской и Тульской губерниях во второй половине XIX - начале XX вв. [Текст]: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Якубсон Евгения Викторовна. – М., 2011. – 24 с.

5. Интернет-ресурсы

577. Булыгина, Т.А. Новая локальная история: Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей [Электронный ресурс] / Т.А. Булыгина. – Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com//content/bulygina-ta-stavropol-istoriya-povsednevnosti-i-novaya-lokalnaya-istoriya-issledovatelskoye> (дата обращения: 11.06.2014).

578. Пушкирова, Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкирова. – Режим дос-

тупа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 12.06.2014).

579. Щербинин, П. П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII — начале XX в. [Электронный ресурс] // The Journal of Power Institutions In Post-Soviet Societies: международный онлайн-журнал социальных наук, посвящённый вооружённым силам и силовым структурам постсоветского общества: неофициальный, некоммерческий сайт. – Париж, 2004. – (Институты власти в постсоветских обществах; 2007; № 6/7). – Электрон. данные. – Режим доступа: <http://www.pipss.revues.org/> (дата обращения: 28.07.2014).